

**Томская епархия Русской Православной Церкви
Администрация Томской области
Мэрия г. Томска
Совет ректоров вузов г. Томска
Институт развития образовательных систем РАО
Томский Областной Институт ПКРО**

***Православные традиции
в современном Российском обществе***

**Материалы XXI-ых Духовно-исторических чтений памяти
святых равноапостольных Кирилла и Мефодия**

Томск – 2012

ББК Э 372.24я431

**П 685 Православные традиции
в современном Российском обществе**

Материалы XXI-ых Духовно-исторических чтений памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия / Под ред. иерея Андрея Носкова. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2012.

Редакционная коллегия:

Т.А. Костюкова, О.Н. Бахтина, игумен Силуан (Вьюров), иерей Андрей Носков (ответ. ред.), С.В. Бурмистрова, А.И. Щербинин, А.С. Макаров, Е.В. Богданова (тех. ред.).

Настоящий сборник включает материалы Духовно-исторических чтений в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, которые состоялись в г. Томске 12–25 мая 2011 года. Основные разделы сборника отражают проблематику докладов конференции.

Работы, представленные в сборнике, адресованы широкому кругу читателей, заинтересованных в возрождении российской православной культуры в Сибири.

ББК Э 372.24я431

@ Томская епархия Русской
Православной Церкви.
2012

@ Администрация Томской
области. 2012

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ И РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА О СЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ НОВОГО ЗАВЕТА

Игумен Силуан (Вьюров)

Исследование вопроса о славянском переводе Нового Завета является частным, хотя и наиболее важным для церковной науки, аспектом изучения истории происхождения и развития церковнославянского¹ языка и письменности на этом языке. Такая неразрывность данной проблематики обусловлена, в первую очередь, тем очевидным фактом, что и создание первого славянского литературного языка, и перевод на него Священного Писания имеет один и тот же источник – деятельность святых братьев просветителей Кирилла и Мефодия. Во-вторых, главной (если не единственной) целью создания литературного языка славян была именно необходимость перевода на этот язык Священного Писания и богослужебных текстов для более глубокого усвоения Истины Христовой славянским миром, находившимся в ту эпоху еще только на пороге Церкви.

Опыты исторического описания и осмысления просветительского подвига святых равноапостолов предпринимались, практически, с самого начала существования славянской письменности и нашли отражение в нескольких древнейших текстах, к числу которых относятся славянские Пространные (или так называемые Паннонские) жития святых Кирилла и Мефодия², трактат «О писменах» черноризца Храбра; латинская «Vita cum Translatione S. Clementis» (сочинение, известное также под названием «Итальянская легенда»); греческое Житие святого Климента, одного из наиболее талантливых учеников славянских Первоучителей, а также ряд других сочинений. Несмотря на довольно позднюю датировку рукописей, сохранивших для нас эти тексты³, все же последние остаются бесценным и в основе своей достоверным источником для собственно научного изучения начального этапа существования славянского перевода Священного Писания. Другим источником изучения славянской Библии

¹ В современной науке используется несколько терминов для обозначения языка, созданного на основе южнославянской языковой стихии святыми Кириллом и Мефодием: *церковнославянский, древнецерковнославянский, древнеславянский, старославянский, древнеболгарский*. Каждый из этих терминов имеет свои преимущества, обозначая тот или иной аспект рассматриваемого предмета. Но, в целом, все данные обозначения являются синонимичными и взаимозаменяемыми, что дает нам право их равнозначного употребления. См.: Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997. С. 297-312, где дается развернутое определение понятию «церковнославянский язык», охватывающее все те нюансы, которые передаются вышеперечисленными синонимичными терминами.

² Тахиаос полагает, что Житие Кирилла, а возможно, и Житие Мефодия первоначально были составлены на греческом языке. Тахиаос А-Э. Н. Святые братья Кирилл и Мефодий просветители славян. Сергиев Посад, 2005. С. 231,232.

³ Рукописи Жития Константина (Кирилла) Философа датируются временем не ранее XV в., Житие Мефодия – не ранее XII – XIII вв. См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 155, 162

является корпус рукописных памятников, содержащих священный текст, древнейшая часть (X–XIII вв.) которого насчитывает несколько десятков, а весь объем на пространстве от зарождения славянской письменности до XVIII в. исчисляется тысячами экземпляров⁴.

У истоков научной славянской филологии стояли создатели первых учебных грамматик: неизвестный автор краткой грамматики «Осемь чести слова», Мелетий Смотрицкий, создавший труд под названием «Грамматики Славенския правильное синтагма» (1619 г.), хорват Юрий Крижанич с его сочинением «Грамматично наказание» (1666), – а также ученые, интересовавшиеся, в первую очередь, лингвистической стороной дела, такие, как М.В.Ломоносов, написавший «Предисловие о пользе книг Церковных в Российском языке» (1757–1758 гг.), и А.Х.Востоков, посвятивший церковнославянскому языку и его древнейшим памятникам ряд исследований⁵. Однако основоположником широкого и всестороннего изучения славянских рукописей по праву считается выдающийся чешский ученый Йозеф Добровский (1753–1829), который для критического издания греческого Нового Завета И.Я.Грисбаха проработал около двадцати церковнославянских памятников, став, таким образом, своего рода родоначальником славянской библеистики. Вслед за ним на поприще славистики важные научные плоды принесла целая плеяда исследователей: Г.А. Воскресенский, И.И. Срезневский, В. Ягич, А.Сной, П.Й. Шафарик, Й. Вайс, А. Лескин, А.А. Шахматов, Ф.Ф. Фортунатов, Н. Ван-Вейк, Ф. Дворник и многие другие⁶.

За два столетия напряженных и многосторонних научных изысканий в области исследования славянского перевода Священного Писания накоплен огромный материал. Это, по-видимому, ставит перед современным этапом изучения славянской Библии следующую задачу: не оставляя детальной проработки заданных прежними учеными отдельных направлений, систематизировать накопленный материал и на этой основе прийти к определенному синтезу в понимании происхождения и истории славянского перевода Библии. Таким синтетическим характером, хотя и в разной мере, отличается целый ряд новейших трудов, часть из которых приведена в списке литературы, использованной при подготовке данной работы. Результаты научных исследований Верещагина, Камчатнова, Мецгера, Тахиаоса, Цуркана дают нам комплексное представление как об истории и своеобразии славянского перевода Нового Завета, так и об этапах изучения и современном состоянии изученности этого вопроса.

⁴ Мецгер Б. Ранние переводы Нового Завета: Их источники, передача, ограничения / Пер. с англ. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. С. 433-441; Православная энциклопедия. Т. V. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2002. С. 139.

⁵ Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1974. С. 59-61.

⁶ Обзор истории изучения церковнославянского языка и славянских переводов представлен в трудах Хабургаева и Мецгера; библиография новейших исследований у Тахиаос, см. указ. соч. с. 235-238.

В первую очередь, необходимо помнить, что перевод священного текста Божественного Откровения с языка оригинала на любой другой не может рассматриваться только в качестве явления национальной культуры, пусть даже основополагающего для нее. Перевод Священного Писания – это, прежде всего, неотъемлемая часть богозаповеданного дела евангельской проповеди (Мф 28:19), акт миссии Церкви Христовой как средства божественного Промысла о спасении «всех народов». По словам святителя Филарета Московского, «славянский перевод Библии есть не (только) произведение обыкновенной учености, но (и) плод апостольской ревности свв. Кирилла и Мефодия»⁷, именно, *апостольской*, а не только просветительской⁸. Отличие первой от второй раскрывает апостол Павел в Первом послании к коринфянам, противопоставляя «явление духа и силы» «убедительным словам человеческой мудрости» (1Кор 2:4). Тем самым устанавливается подлинный, церковный (в известном смысле, даже богодухновенный⁹), контекст для верного постижения смысла, направления и, как следствие, своеобразия славянского перевода Нового Завета, своим Началом имеющего Дело святых Кирилла и Мефодия.

«Славянский перевод Библии как корпус божественных книг в литературе славян является еще и феноменом историческим»¹⁰. Констатацией этого факта Р.К.Цуркан в своей книге «Славянский перевод Библии» начинает описание сложного комплекса политических (в том числе и церковно-политических) предпосылок возникновения перевода Священного Писания на славянском языке, связанных со своеобразием Византии как многонационального христианского государства, теснимого со всех сторон иноверными варварскими народами, а также с непростыми взаимоотношениями церковных престолов Константинополя и Рима, в сфере влияния которых находилась Восточная Европа. Наиболее характерную черту византийской христианизации славянского мира ученые, суждения которых обобщает Цуркан, видят в дифференцированности просветительских принципов в отношении, с одной стороны, к славянскому населению, живущему в пределах империи (окрестности Солуни) или в непосредственной близости к ней (Болгарское царство), с другой, – к дальнему славянскому зарубежью (Великая Моравия). Если первых старались интегрировать (даже ассимилировать) в византийское общество, препятствуя развитию в их среде национальной письменности и культуры, могущей стать питательной средой

⁷ Филарет (Дроздов), митр. Творения. М., 1994. С 387.

⁸ Цуркан с сожалением говорит о «забвении» славистикой XX века апостольского смысла учительного служения свв. Кирилла и Мефодия. См.: Цуркан Р.К. Славянский перевод Библии: Происхождение, история текста и важнейшие издания. СПб.: ИД «Коло», ИТД «Летний сад», 2001. С. 15.

⁹ Так, Бл.Августин, объясняя различия между Септуагинтой и древнееврейским оригиналом, усматривает особое действие Святого Духа не только в создании текста Священного Писания, но и в деле его перевода.

¹⁰ Цуркан Р.К.. Там же, с. 23.

сепаратистских устремлений; то последних, напротив, стремились вовлечь в орбиту Византийского содружества наций путем приобщения к богатейшей культуре империи ромеев, пусть и посредством перевода письменных памятников этой культуры на другой (славянский) язык. Со своей стороны, новообразованное славянское государство, каковым была в тот исторический момент Великая Моравия, охотно шло навстречу этому стремлению Византии, преследуя при этом собственные цели: добиться независимости от церковной юрисдикции политически недружественной Баварии и создать предпосылки для объединения вокруг первого в мире христианского славянского государства прочих славянских народов с постепенным превращением Моравии в «настоящую и могущественную имперскую державу»¹¹.

Как и всякое подлинно церковное деяние, перевод Священного Писания на церковнославянский язык имеет богочеловеческий характер в том смысле, что человеческий фактор является здесь столь же неотъемлемым, как и божественное действие. Придерживаясь строго исторической точки зрения, мы не можем с уверенностью рассуждать о том, появился ли бы славянский перевод без Кирилла и Мефодия, но совершенно верно то, что существующий церковнославянский текст Библии, равно как и вся славянская письменность появились благодаря равноапостольному подвигу святых братьев. Не останавливаясь подробно на жизнеописании святых славянских Просветителей, отмечу лишь те моменты их биографии, которые имеют принципиальное значение для истории славянского перевода Нового Завета и, в частности, для выяснения истоков возникновения той системы знаков (алфавита), с помощью которых этот перевод был осуществлен.

Святые братья выросли в Фессалониках, в окрестностях которых жило немало славян. Таким образом, будущие просветители с детства были знакомы с тем южнославянским диалектом, на котором говорили в округе¹². В дальнейшем Мефодий какое-то время управлял одной из славянских областей Византии, где, без сомнения, имел возможность усовершенствовать как свое знание славянского языка, так и природные организаторские способности, проявившиеся впоследствии на посту архиепископа Моравии и Панонии. В то же время Константин получил блестящее образование в Константинополе под руководством смещенного митрополита Фессалоникийского Льва и будущего патриарха св. Фотия, после чего сам вступил на преподавательское поприще. Видя его выдающиеся способности и широкую образованность, Константину, получившему почетное звание «Философ», дают ответственные поручения

¹¹ Тахиаос А-Э. Н. Указ. соч., с. 97, 98.

¹² Мнение о том, что Константин-Кирилл и Мефодий были природными славянами, не имеет широкого распространения в научных кругах. См.: Цуркан Р.К. Указ. соч., с. 42; Хабургаев Г.А. Указ. соч., с. 22; Тахиаос А-Э. Н. Указ. соч., с. 32.

участвовать в миссиях, носивших одновременно политический и религиозный характер¹³, к соседним иноверным народам.

Из этих миссий наиболее «пререкаемой» в контексте изучения происхождения славянского письма является Хазарская 860 – 861 года, во время которой Константин и присоединившийся для этого дела к брату Мефодий останавливались в Херсонесе в Крыму, где познакомились с Евангелием и Псалтирью, написанными «русьскими писмены», а также с человеком, говорившем на этом языке. Это сообщение вызвало к жизни множество теорий, видевших в этих «письменах» то «черты и резы», о которых повествует черноризец Храбр, то готские или армяно-грузинские буквы. Однако большинство ученых на сегодня сходятся в том, что выражение «русьскими писмены» есть, в действительности, испорченное «сурьскими (сирийскими) писмены». По свидетельству Б. Мецгера, в пользу такой поправки говорит то, что «во всех рукописях *Vita Constantini* (Пространного жития св. Кирилла – ИС) произошла та же самая перестановка между *Suri* («сирийские») и *Rusi* («русские»)»¹⁴. Нет сомнений также, что Константин Философ был знаком с семитскими языками, в частности, с ивритом и арамейским. Вероятно, быстрое овладение новым языком в Крыму, о чем сообщают Житие Кирилла и Итальянская легенда, стало возможным именно по причине родства сирийского с уже изученными семитскими языками. Так или иначе, но совершенно очевидно то, что к делу перевода Слова Божия на славянский язык св. Кирилл подошел с основательной филологической подготовкой. Наряду с широкими лингвистическими познаниями он не без успеха пробовал свои силы в стихосложении, написав, к примеру, прекрасную эпиграмму, посвященную великому церковному писателю и поэту святителю Григорию Богослову; а следовательно, был способен, не ограничиваясь буквой, проникать в дух сложных литературных произведений¹⁵, что, конечно, было необходимо и при переводе церковных текстов на славянский язык.

Моравская миссия, главный труд жизни святых Первоучителей, началась в ответ на просьбу моравского князя Ростислава по поручению византийского императора Михаила III и константинопольского патриарха св. Фотия в 863 году. Этот год можно считать официальным годом создания славянского перевода Нового Завета, хотя, очевидно, начало перевода было положено в предшествующие годы, во время которых велась подготовительная работа, а продолжение этой работы охватывает несколько следующих десятилетий. Вопрос о кирилло-мефодиевском переводе Священного Писания (в рамках данной работы речь идет, в

¹³ Тахиаос А.-Э. Н. Указ. соч., с. 47.

¹⁴ Мецгер Б. Указ. соч., с. 426. См. также: Хабургаев Г.А. Указ. соч., с. 23.

¹⁵ Тахиаос А.-Э. Н. Указ. соч., с. 15.

первую очередь, о Новом Завете) разбивается, главным образом, на два подвопроса: 1) каким из двух известных древнеславянских алфавитов, кириллицей или глаголицей, пользовались святые переводчики? 2) каков объем и последовательность сделанного ими перевода библейских книг?

Наиболее подробно вопрос о славянском алфавите рассматривает Цуркан¹⁶, транслирующий целый спектр научных мнений и доводов, которыми оперируют слависты, доказывая правильность той или иной версии. Однако, вслед за Камчатновым можно свести всю палитру этих гипотез к четырем основным концепциям¹⁷: (аа) у славян была письменность до Кирилла; докирилловским письмом была глаголица, Кирилл же создал кириллицу (В.И. Григорович, П.Я. Черных); (аб) докирилловским письмом было письмо, созданное на основе греческого алфавита и получившее впоследствии название кириллицы; сам же Кирилл создал глаголицу (Е. Георгиев, Е.Э. Гранстрем); (ба) до Кирилла у славян письменности не было; Кирилл создал глаголицу, а кириллицу создал кто-то из учеников Мефодия – Климент Охридский (В. Ягич, В.Н. Щепкин, А.М. Селищев) или Константин Болгарский (Г.А. Ильинский); (бб) у славян не было письменности до Кирилла, который создал кириллицу, а глаголицу изобрели позднее в качестве славянской тайнописи, когда славянская письменность подвергалась гонению со стороны католического духовенства (И. Добровский, И.И. Срезневский, А.И. Соболевский, Е.Ф. Карский).

Последней гипотезы придерживается и сам Камчатнов, приводя основательные доводы в ее пользу¹⁸. Но все же на сегодняшний день большинство ученых придерживаются концепции (ба), признавая первичность глаголицы, создавая которую, св. Кирилл «взял за основу затейливое греческое минускульное письмо IX в., возможно, добавил несколько латинских и древнееврейских (или самаритянских) букв, и результатом его творческой деятельности явились стилизованные, симметричные буквы, состоящие из маленьких четырехугольников, треугольников и кругов¹⁹ с дополнительными элементами»²⁰. Н.С. Трубецкой считал появление глаголицы результатом взаимодействия в сознании св. Константина-Кирилла «фонологического мышления», соответствующего древнеславянской фонологической системе, и «графического мышления», соответствующего греческой письменной системе. Своей концепцией «Н.С.Трубецкой значительно снизил и

¹⁶ Цуркан Р.К. Указ. соч., с. 53 – 80.

¹⁷ Камчатнов А.М. Старославянский язык: Курс лекций. М.: Флинта, Наука, 2000. С. 17.

¹⁸ Там же, с.18 – 21.

¹⁹ Довольно остроумной представляется версия Г.Чернохвостова и В.Кипарского, которые видели в оригинальности глаголических букв комбинацию трех основных христианских символов: креста, круга (символ вечности) и треугольника (символизирует Св. Троицу). См. Цуркан Р.К. Указ. соч., с. 62.

²⁰ Мещер Б. Указ. соч., 430.

поколебал представления о прямой зависимости глаголицы от византийского письма»²¹. Кириллический алфавит, согласно устоявшемуся мнению научного сообщества, появился позднее глаголицы и основан на греческом унциальном письме IX–X вв. Великий Болгарский собор 893 г. в Преславе узаконил кириллицу в качестве официального церковного и светского алфавита²².

Помимо азбуки перед святыми братьями и их учениками стояла непростая задача создания для славян книжного языка, который был бы способен адекватно передать не только лексические значения, но и отвлеченно-понятийное богатство греческого языка. Е.М. Верещагин детально разбирает особенности механизмов переводческой деятельности святых просветителей и их последователей и приходит к выводу о высокой степени творческой самостоятельности этих переводчиков, что позволяет, отказавшись от термина «переводческая техника», использовать для обозначения специфичности их труда предложенный Э.Бернекером термин «переводческое искусство»²³. Вместе с тем, отмечают определенную трудность в оценке качества кирилло-мефодиевского перевода, во-первых, потому, что памятники этого перевода дошли до нас не в оригинальных рукописях, а в позднейших списках; во-вторых, и это главное, из-за того, что «мы не располагаем оригинальной церковно-славянской литературой, которая бы служила мерой “нормативного” языка»²⁴. Такой мерой нормативности стал для славянской письменности сам перевод св. Кирилла и Мефодия, а также продолжал оставаться ею греческий текст оригинала.

Вопрос об объеме сделанного равноапостольными просветителями перевода библейских, в частности, новозаветных, книг также встречается в науке ряд трудностей. Часть ученых придерживаются традиционной точки зрения, опирающейся на свидетельство древнейших исторических источников. Так, Житие св. Мефодия (15 гл.) сообщает, что братья совместно перевели с греческого Евангелие и Апостол. Житие Кирилла (14 гл.) дополняет эту информацию известием о том, что из двух разновидностей евангельского текста – тетра (Четвероевангелие) и апракоса (лекционарий) – первоначально (возможно, еще до прибытия в Моравию) был переведен апракос (краткий), а уже в Моравии дополнен до тетра. Однако древнейшие тетра (Мариинское Евангелие и др.), как отмечают другие специалисты, сохраняют в целом более архаичный текст,

²¹ Цуркан Р.К. Указ. соч., с. 63

²² Мещер Б. Указ. соч., с. 431.

²³ Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997. С. 34.

²⁴ Лант Г.Д. Границы возможностей церковно-славянского языка при передаче греческого // Мещер Б. Ранние переводы Нового Завета: Их источники, передача, ограничения. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. С. 461.

чем апракосы. Отсюда делается вывод, что «первоначально был переведен тетр; снабженный лекционной разметкой, он мог применяться и за богослужением. В дальнейшем тетр стал основой для создания апракосов»²⁵. Все же оба этих мнения согласны в главном: перевод Нового Завета на славянский язык – это общий труд св. Кирилла и Мефодия, который, следовательно, был завершён до 869 г., когда св. Кирилл завершил свой земной путь. Очевидно, лишь Апокалипсис был переведён позднее. На основании анализа лексического строя древнейших славянских списков Апокалипсиса, самый ранний из которых относится к середине XIII в., ученые предполагают, что последняя новозаветная книга переведена в X в. в Западной Болгарии²⁶.

Исследуя вопрос о характере греческого текста, которым пользовались при переводе славянские Первоучители, Мецгер приходит к выводу, «что церковнославянская версия содержит элементы, восходящие к разным текстovým семьям». Основной текст – византийский, представляющий собой «развитие той ранней формы койне, которая стала также основой сирийской Пешитты V в.»²⁷. К. Хоралек, с мнением которого согласен и Мецгер, находит в древнейших рукописях славянского Нового Завета следы влияния на него латинской Вульгаты, утверждая на этом основании, что св. Кирилл и Мефодий пользовались латинским текстом «по крайней мере в качестве вспомогательного средства»²⁸.

Дальнейшая история славянского перевода Нового Завета наполнена опытами разнообразных редактур и исправлений, но, несмотря на это, неизменно сохранялась кирилло-мефодиевская основа этого перевода. В качестве заключения данного краткого обзора приведу красноречивую цитату из книги Б. Мецгера: «Постепенная эволюция первоначального перевода – тема захватывающая, достойная подробного изучения. И писцы, и более авторитетные издатели постоянно обращались к греческим и славянским рукописям, что порождало множество новых текстových семей. Но ни одна волна нововведений до нашего времени не привела к тому, что можно было бы назвать новым переводом»²⁹.

²⁵ Православная энциклопедия. Т. V. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2002. С. 139.

²⁶ Там же, с. 142.

²⁷ Мецгер Б. Указ. соч., с. 458.

²⁸ Там же, с. 459.

²⁹ Мецгер Б. Указ. соч., с. 462.

О ДУХОВНОЙ ПРИРОДЕ СЛОВА И СВОЕОБРАЗИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ (СРЕДНЕВЕКОВОЙ) ЛИТЕРАТУРЫ

О.Н. Бахтина

Томский государственный университет, Томск

Характеризуя русскую культуру в целом, говоря о ее сущностной доминанте, мы должны, прежде всего, отметить, что это культура Слова. Приняв христианство от Византии, по мнению С.С. Аверинцева, русская культура соприкоснулась с библейскими и эллинистическими истоками» и приобрела те «универсальные измерения», которые являются общими для европейской семьи культур. Формирование новой (христианской) русской культуры началось со знакомства и перевода греческих книг на церковнославянский язык. Именно в нем сосредоточено понимание слова как сакральной сущности. «Слово здесь не просто *verbum*, но *logos*».

Известно, что первоосновой христианского учения является Откровение Бога о самом себе, а совершенство и полнота божьего самооткровения были явлены в Сыне Его Иисусе Христе, который не только передавал Слово божье, но и сам являлся живым Словом Божиим в человеческой плоти – вечным и нетварным Логосом, ставшим человеком, Иисусом из Назарета, чтобы мир смог познать Бога. Эта идея о Боге-Слове-Логосе стала питательной почвой для русской культуры и литературы, постепенно Слово – Логос стало ее символом. Именно Слово в русской культуре передает высшие смыслы, отсылает к Премудрости Божией, это нечто большее, чем может быть воспринято и понято ментальными способностями человека... Ибо София – Премудрость Божия узревается скорее... чувством или точнее СЕРДЦЕМ, являющимся «органом для восприятия горнего мира», – писал В.Н. Топоров в работе «Святость и святые в русской духовной культуре» [1, с.66].

Сразу можно сказать, что русское литературоведение и лингвистика сделали очень много в понимании природы Слова. Достаточно назвать имена А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, о. П. Флоренского, А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, С.Н. Булгакова и др. Так или иначе они писали о магии слова, о символической и духовной природе Слова. Например, уже А.А. Потебня и в ранней работе (1862) «Мысль и язык», и в более поздней «Из лекций по теории словесности» (1894) различал «внешнюю форму» слова, его звуковую оболочку и «внутреннюю форму» слова, которая представляет собой образную концентрацию его значения., представленную каким-то важнейшим признаком или символом. Другой пример, А.Ф. Лосев, развивая идеи о. Павла Флоренского об имяславии, писал, что имя Божие – ЭНЕРГИЯ сущности Божией. «В имени Божиим происходит встреча человека и Бога. Действенное имя Божие двуприродно, поскольку участвует и энергия человека. Произносимое имя – место встречи Божественных и человеческих энергий, поэтому в имени

Божием его субстанции нет, но в его энергии, в его смысловом истечении есть сам Бог» [2, с.15-17]. В лосевском учении – Философия имени – подробно представлена идея Слова как носителя энергии. Лосев вводит понятие энергема, которая есть, по сути, смысловая выраженность сущности Слова. Передача смысла иному и есть проявление энергии сущности, по Лосеву. Специального разговора заслуживает учение о Слове о. Павла Флоренского.

Духовная природа Слова в русской культуре может быть понята только в системе христианского миропонимания, составной частью которого и были учение о Боге Слове и мире как Книге. В Евангелии от Иоанна читаем: «В начале было Слово и Слово было у Бога и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через него начало быть и без него ничто не начало быть, что начало быть...» (Иоанн, 1,1-14) Закономерно, что такое понимание Слова обусловило стремление средневековых книжников и художников к символическому истолкованию священного Писания, явлений природы и истории. Познание мира состояло в раскрытии тайного смысла, так как мир полон символов. И в текстах искали скрытый духовный мир абсолютных, непостижимых истин и вечных идей.

Само обучение грамоте начиналось с заучивания наизусть названий букв (Аз буки веде глаголи добро есть живи зело земля как людие мыслите наш он покой рцы слово твердо.. херувим червь. Сегодня многие ученые доказывают, что Константин Философ в первоэлементы создаваемой азбуки заложил основы повседневной христианской практики славян), основных молитв, Псалтири и других канонических текстов. Церковнославянский язык считался сакральным, кодифицированным, предельно правильным языком. Не случайно на Руси до XVII в. не было грамматики, нельзя было грамматические правила прилагать к богодухновенным текстам.

Таким образом, можно сказать, что вся древнерусская литература как литература каноническая была сориентирована на раскрытие символов, и оно мыслилось как беспредельное. Это мышление символами, а символ всегда свидетельствует о существовании другой реальности по отношению к эмпирической, видимой реальности. Но в эту другую реальность можно войти через смысл, и она станет «реальнейшей реальностью». О христианском символе писал богослов XX века Александр Шмеман: «Одна реальность являет и сообщает другую, но в той степени, в которой сам символ причастен духовной реальности и способен или призван воплотить ее» [3, с.63]. Ю.М. Лотман также отмечал наличие традиции «Истолкования символа как некоторого знакового выражения абсолютной незнаковой сущности». В таком случае символ «играет роль как бы моста из рационального мира в мир мистический» [4, с.191]. О том, что в символе всегда есть смысловая глубина, смысловая перспектива, требующая

нелегкого вхождения в себя, размышлял и С.С. Аверинцев: «Символический смысл нельзя дешифровать простым усилием рассудка, в него надо вжиться» и далее «смысловая структура символа многослойна, рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего» [5, стлб. 826]. Отсюда следует вывод, что духовно-нравственная природа Слова в русской культуре определяется, прежде всего, системой христианского миропонимания. И духовность русской литературы проявляется не только и не столько в обращении к сюжетам из Библии, сколько в пристальном внимании к духовной сущности человека, к процессу внутреннего самоуглубления и самоусовершенствования, совесть утверждалась нашими писателями как основная мера вещей. Именно христианство в его православном варианте учит: «Человек свободно впадает в грех, который ему внутренне не присущ, и следовательно, каждый должен (и может) актом свободного волеизъявления изжить грех, выжечь его огнем духовного горения». В этом состоит учительный характер и высоконравственный пафос русской литературы, основанной на православном мироощущении и миропонимании. Исторический выбор православия, восточной религии, предполагающей «стягивание воедино огромных территорий и Различных культурных традиций, создание ДУХОВНОЙ ОБЩНОСТИ ИЗ ВЕСЬМА РАЗНОРОДНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ. Средством такого единения стало сакрализованное Слово, священные тексты. Связь людей мыслилась через текст богодухновенного Писания, и слово, исходящее от Бога становилось сакральным, становилось изначальной причиной мира. Так письменность и словесность становились стержневой, системообразующей формой культуры [6, с.85].

Говоря о духовной природе русского слова, мы подчеркиваем особую энергию смыслов, таящуюся в глубинах сакрального и канонического слова древнерусских текстов и затем перешедшую отчасти и в слово литературы XIX века. То есть духовная природа слова состоит в беспредельном расширении смыслов, заложенных в божественном имени как проявлении сущности мироздания.

Своеобразие древнерусской литературы ощущает каждый, кто хоть раз читал эти тексты. В то же время так исторически сложилось в нашем литературоведении, что древнерусская литература (именно литература, а не книжность и не словесность, как следовало бы этот период называть) воспринимается как начальный этап русской художественной литературы и не более того. Об этом противоречии в свое время писал академик Николай Константинович Никольский в статье 1902 года «Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности» [7, с.2-3]. Получается любопытная странность: к истории изящной словесности за ее два недавних столетия прикрепляется спереди история церковной письменности за семь веков, несмотря на то, что первая не была связана с последнею причинною зависимостью... Церковная письменность

дореформенной эпохи не была связана нераздельно с послепетровской изящной словесностью ни по задачам, ни по содержанию, ни по форме, ни по литературному стилю, ни по своей так сказать природе...» Действительно, церковная книжность призвана научать о Боге, открывать в человеке его Первообраз, это традиция церковного искусства или традиция интуитивного благодатного синтеза, сотворчества с Богом. Древнерусский книжник не ощущал себя творцом, а только исполнителем божественного замысла.

Изучение древнерусской литературы в советское время было обусловлено прежде всего идеологической обстановкой в стране. Об этом пишут авторы Предисловия от редакционной коллегии к юбилейному тому, посвященному Д.С. Лихачеву: «Когда новая власть не шутя повела наступление на старые культурные традиции, на христианство и другие верования, а вместе с ними – на независимую науку, как если бы она служила опорой «религиозному невежеству... Академик А.С. Орлов указал спасительный путь, который давал легальное прикрытие историко-филологическим исследованиям. Это был путь эстетической критики» [8, с.3]. Отсюда становится понятным появление монографии Д.С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» (1958), оказавшей большое влияние на развитие литературоведческой науки XX века, где он рассмотрел «художественное видение человека в древнерусской литературе и художественные методы его изображения». Он писал о прогрессивном развитии русской литературы XI-XVII веков и постепенном приближении к литературе нового времени. В то время как очевидно, что это две разные линии развития словесного искусства. В одном случае, это Слово Логос, Слово, которым был сотворен мир и человек. Как пишет современная белорусская исследовательница Л.В. Левшун: «Человеческое слово в данном случае мыслится рожденным и вдохновленным Богом-Словом» [9, с.7], другая традиция идущая от античного художественного слова, предназначенного для описания видимого мира (о его законах Аристотель написал «Поэтику»). Здесь слово мыслится составленным из литер (букв), изобретенных человеком для передачи и сохранения разной информации.

Интересен и тот факт, что это хорошо различали и сами книжники средневековья. В частности, на это указывал В.М. Живов на Круглом столе, посвященном 1000-летию Крещения Руси, материалы которого опубликованы в журнале «Советское славяноведение», № 6 за 1988 год [10]. В самой Византии, наследницы античной культуры и создательницы христианского искусства, в том числе и словесного, было две традиции: аскетической и гуманистической, а не духовной и светской или, что особенно привычно нам, христианской и языческой. В процессе трансплантации на Русь византийской культуры было трансплантировано и это противопоставление, каждая из этих традиций трансплантировалась

на своих носителях: Общежительное монашество аскетическую, столичная бюрократия – гуманистическую. В средневековой культуре было и два обозначения для этих двух видов словесного творчества: «Художество» и «Хытрость», отсюда две культурные традиции: традиция православного церковного художества и традиция секулярного пусть даже и религиозного по содержанию искусства. Традиция христианского Слова – Логос и традиция античного художественного «украшенного» слова европейской литературы – разные традиции. В основном до нас дошли из Древней Руси памятники аскетической монашеской книжности, но вероятно, существовала и другая традиция, о чем свидетельствует Слово о полку Игореве. Но эти тексты, видимо, существовали в устном виде и потому не сохранились за редким исключением. Кроме Слова о полку Игореве можно назвать Моление Даниила Заточника, Повесть о Горе-Злочастии и др.

В связи с таким пониманием своеобразия древнерусской средневековой литературы необходимо говорить и о жанровой системе этой традиции жизни Слова и о методе.

Кроме проблемы разного понимания жизни Слова в этой литературе, следует говорить и о разном понимании категории Образ. В одном случае это образ художественный, явление светского гуманистического искусства (об идеале этого искусства писал в свое время богослов и философ В.В. Зеньковский: «Идеал, одушевляющий светскую культуру, есть, конечно, не что иное, как христианское учение о Царстве Божиим, – уже всецело земном и создаемом людьми без Бога»). В другом – образ культовый, который предполагает именно литургическую реальность и контакт с Богом [11]. Примером функционирования культового образа можно назвать православный храм и его символику, икону, кириллическую рукописную и старопечатную книгу.

В заключение хотелось бы привести слова И.П. Еремина, известного медиевиста XX века, о своеобразии древнерусской литературы: «Перед нами особый мир, дверь в который заперта, а ключ потерян. Задача науки и заключается в том, чтобы найти этот ключ, приоткрыть дверь в далекое прошлое, в тот загадочный и во многом уже чуждый нашему эстетическому сознанию мир, созданный писателями средневековья...» [12, 7].

Литература

1. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. – М., 1995. – Т. 1 : Первый век христианства на Руси.
2. П.А. Флоренский по воспоминаниям Алексея Лосева // Контекст – 90 : литературно-теоретические исследования. – М., 1990.
3. Шмеман А. Таинство Царства. Цит. по: Топоров В.Н. Указ. соч. – С. 63.
4. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи. – Таллин, 1992.

5. Аверинцев С.С. Символ // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1971. – Т. 6.
6. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. – М., 1997.
7. Никольский Н.К. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности // Памятники древней письменности и искусства. – 1902. – Т. СXLVII.
8. От редакции // ТОДРЛ. – СПб., 1997. – Т. L.
9. Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI-XVII вв. – Минск, 2001.
10. Живов В.М. Материалы Круглого стола // Советское славяноведение. – 1988. – № 6.
11. Зеньковский В.В. История русской философии : в 2 т. – Л., 1991.
12. Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. – Л., 1987.

УЧИТЕЛЬСТВО КАК ТИП КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОПОВЕДЯХ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

И.Н. Гончаров

Томский государственный университет, Томск

Феодосий Печерский, будучи одним из первых игуменов Киево-Печерского монастыря, был не чужд и литературных занятий, став первым автором аскетических сочинений в Древней Руси. Литературное наследие Феодосия составляют, согласно исследованию И.П. Ерёмкина [1], восемь «поучений» к братии Печерского монастыря, два «послания» к Киевскому князю Изяславу Ярославичу и одна «молитва» за «вся крестьяны». Нас будут интересовать дидактические сочинения Феодосия, т.е. его «поучения» к Печерским монахам.

«Поучения» Феодосия Печерского относятся к ораторской прозе, жанру публичного наставления и увещевания слушателей в праведной жизни. Литературное творчество преп. Феодосия Печерского имеет сравнительно небольшую традицию исследования. Как писатель Феодосий стал известен в научном сообществе, начиная с 40-50-х годов XIX века. Первым перед учёными встал вопрос об объёме его литературного наследия – в решении этого вопроса принимали участие многие известные представители русской филологической науки: А.Х. Востоков [2], С.П. Шевырёв [3], еп. Макарий (Виницкий) [4], Ф.И. Буслаев [5], А.А. Шахматов [6], Н.К. Никольский [7], В.А. Чаговец [8], И.П. Ерёмкин и др. Сочинения Феодосия рассматривались учёными в двух аспектах: текстологическом, в котором исследовались проблемы авторства и состава произведений, принадлежащих Феодосию, и композиционно-стилистическом аспекте, в рамках которого исследователи занимались вопросами формы.

В современном научном обороте находится 8 «Поучений» Феодосия к братии Киево-Печерского монастыря: «О терпении и о любви», «о терпении и о любви и о посте», «о терпении и милостыни», «о терпении и о смирении», «о хождении к церкви и о молитве», «о душевной ползе» (нач.: «Аз, грешный и ленивый, погребый свой талант в земли...»), другое поучение «о ползе душевной» (нач.: «Тем убо аз ныне дръзнух се писати вам...») и поучение («слово») «к келарю». Большинство поучений Печерского игумена были обнаружены А.Х. Востоковым в 1842 году в пергаменном сборнике середины XV века (ГБЛ, собр. Румянцева, № 406), но их можно найти и в иных, более поздних списках.

По содержанию и форме, как писал И.П. Ерёмкин, «поучения» Феодосия «краткие и безыскусственные», они «во многом напоминают аналогичные поучения Феодора Студита, византийского церковного писателя VIII-IX вв.», которому старался подражать Феодосий. Поучения

отражают стремление Феодосия закрепить Устав Студийского монастыря в своей обители – он имел для Феодосия не только значение «закона», упорядочивающего внутреннюю жизнь монастыря, но и помогал в осуществлении особой, монашеской, идентичности и своеобразия жизни иноков. Как справедливо отмечает И.П. Ерёмин, Феодосий именно через студийский устав искал «опоры в борьбе за независимость своего монастыря и от «клирик софейских» и даже – в какой-то степени – от княжеской власти; поучения Румянцевского сборника наглядно показывают, как настойчиво добивался Феодосий от братии Печерского монастыря соблюдения всех предписаний этого устава, строгих и суровых; братии монастыря надлежит не только позаботиться о спасении своей души, но и приложить все усилия к тому, чтобы сблечь свой морально-политический авторитет в стране – таков, несомненно, смысл этих поучений популярного Печерского игумена, если учесть конкретную историческую обстановку, в которой они были написаны» [9].

«Поучения» Феодосия относят к классическим сочинениям древнерусской литературы. Как отметил В.Н. Топоров, «в широком кругу трудов Феодосия писательство занимает особое место, и значение этого рода деятельности нужно оценивать, несомненно, высоко» [10]. Высокая оценка проповеднических трудов Феодосия при внимательном чтении его сочинений и знании истории бытования текста в древнерусской книжной культуре может вызвать некоторое недоумение. Печерский игумен не был особенно популярен как духовный писатель, его сочинения отнюдь не растиражированы в списках – большинство из них встречается в Румянцевском сборнике XV века и в ряде менее известных сборников. Более того, к «поучениям» Феодосия нельзя предъявлять претензии формального характера – риторическая сторона его сочинений проявляет литературную «немоощь» Феодосия как оратора. Например, поучение «в среду 3 недели поста... о терпении и о любви», посвящено теме духовной бодрости в исполнении заповедей Христовых. В этом «поучении» Феодосий, обильно цитируя Писание, озвучивает значимые для монашеской среды концепты, содержание которых вполне чётко разработано в аскетической традиции. Среди этих концептов такие, как «отречение от мира», «хранение» заповедей, «любовь» к Богу и ближнему. Данные концепты известны в монашеской традиции как «степени», ступени восхождения по «лестнице» добродетелей, которая представляет собой процесс духовно-нравственного преобразования человека на пути к Богу. Видимо, Феодосию было достаточно озвучить эти концепты, произнести ключевые слова, чтобы быть понятым своими слушателями. Однако данное «поучение» не очень последовательно в выражении и завершении мысли, в смысловых переходах между высказываниями. В нём большое количество цитат из Священного Писания, которые следуют одна за другой без логической и синтаксической обработки со стороны

Феодосия. Печерский игумен в переходах между цитатами, кажется, несколько злоупотребляет союзом «и» и оборотом «рече бо». Но зададимся вопросом: возможно, эти логико-синтаксические лакуны в «поучении» выдают его экспромтность, и в этом кроется причина его минимальной литературной обработки и, следовательно, смысловой непрявленности?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратить внимание на начальную предпосылку возможности задать его вообще. Суть претензий, в частности, к данному тексту Феодосия исходит из того, что современный человек хочет получить из него чёткую и ясную информацию – это сегодняшняя информативная претензия, диктуемая желанием того, что текст должен быть понятным. А его понятность должна обеспечиваться логическим развитием мысли, укладываемой в синтаксически завершённые конструкции – простые или чуть более сложные. Именно эти долженствования текста по отношению к слушателю или читателю «поучения» приводят нас к недоумению в отношении высокой оценки дидактических сочинений и ораторских достоинств Печерского игумена.

Но дело не в риторических «недостатках» ораторской прозы Феодосия. Нельзя забывать, что Феодосий не столько оратор, сколько учитель. И его учительство особого рода. В центре стоит фигура самого учителя, его личность, образ мысли и поведения. Ученик при общении с учителем воспринимает не столько информацию от него, сколько сам внутренний облик и настрой личности наставника. Взаимоотношения учителя и ученика строятся и не за счёт присутствия между ними текстов, законченных словесных форм, отвечающих всем правилам и нормам риторического искусства. Их общение вообще может обходиться и без записанных речей наставника и пребывать в устной стихии «грамматических ошибок» учителя. А вот без чего оно не может обходиться, так это без атмосферы взаимного приятия и тепла интимности. Именно эти черты в общении между Феодосием и его учениками мы постоянно слышим в «поучениях»: «любимицы мои», «братья» – так обращается Феодосий к своим слушателям.

Именно фигура самого Феодосия должна стоять в центре его «поучений»: не логико-синтаксическая правильность риторического мастерства учителя доминировала в наставлениях Печерского игумена, не она убеждала монахов поступать по заповедям своего наставника, а атмосфера интимно-личного общения-учительства между ним и слушателями.

Литература

1. Ерёмин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. – М.–Л., 1957. – Т. 5. – С. 159–184.
2. Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. – СПб., 1842.

3. Шевырѐв С.П. История русской словесности, преимущественно древней. – М., 1846. – Т. 1, ч. 2. – С. 33–54.
4. Еп. Макарий. Сочинения препод. Феодосия Печерского в подлинном тексте // Ученые Записки второго отд. Академии Наук. – СПб., 1856. – Кн. II, вып. 2, № IV—VII; История русской церкви. СПб., 1857, Т. II. С. 297–299; Преподобный Феодосий Печерский как писатель // Известия Академии Наук по отд. русск. яз. и слов. – СПб., 1855. – Т. IV. – С. 276–294.
5. Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков. – М., 1861. – Стлб. 515–519.
6. Шахматов А.А. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // Известия отд. русск. яз. и слов. Академии Наук. – 1897. – Т. II, кн. 3.
7. Никольский Н.К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–X I вв.). – СПб., 1906.
8. Чаговец В.А. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь в сочинения. – Киев, 1901.
9. Ерѐмин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. – М.–Л., 1957. – Т. 5.
10. Топоров В.Н. Феодосий – писатель. О его литературной деятельности // Святость и святые в русской духовной культуре на Руси. – М., 1995. – Т. I : Первый век христианства.

ЖИТИЯ ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВЫХ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ (ЖИТИЕ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО И ДОМНЫ ТОМСКОЙ)

О. Зелень

Томский государственный университет, Томск

Говорю же вам истинно: есть некоторые здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие (Лк. 9:27)

Жития юродивых – недостаточно изученное явление. Однако на сегодняшний день мы имеем материал, собранный такими исследователями, как А.М. Панченко, А.В. Пигин, Т.Р. Руди и др.

Подвиг юродивых Христа ради не похож на подвиг преподобных и столпников, затворников и пустынножителей. Юродивые не основывают монастыри и не воспитывают братию. Они не живут в глуши, принимая на себя подвиг молитвы и молчания. Они, освящая собой всякое место, где появляются, бродят по миру или же берут под свое покровительство один город, не оставляя, впрочем, без внимания и другие места. Священник Иоанн Ковалевский так пишет о юродивых: *«Это добровольные мученики, постоянно умиравшие для мира, плоти и дьявола ради жизни во Христе»*. Они скитаются, не имея крыши над головой, изнуряют себя многочисленными лишениями, при внешнем безумии достигая высшей Божественной мудрости. Свобода от страстей дает юродивым право обличать чужие грехи. Юродивые даже по внешнему виду отличаются от остальных людей: как правило, они носят ветхие одежды, а то и вовсе одну поясную повязку, как, например, Василий Блаженный. На иных, по свидетельству агиографических источников, мы можем обнаружить гири, кандалы, цепи, как на Ростовском юродивом Стахии. Оттого их поведение всегда странное, внешне даже безумное. Недаром слово «юродивый», что в переводе на современный русский язык означает «уродливый», говорит само за себя. У Апостола Павла мы встречаем: *«Мы безумны Христа ради ... терпим голод и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся... мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый...»* (1 Кор. 4:9-13).

Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл говорит: *«В юродстве всегда совесть народа»*. Так, руководствуясь тем, что перед Господом все равны, юродивые сознательно пренебрегают социальной иерархией и смело говорят «правду в глаза» даже властям: правду, касающуюся не только их государственной деятельности, но и, прежде всего, состояния их души. Юродивые обличают грехи других людей внешне безумным образом, кому-то могущим показаться неприличным и безобразным, однако на деле они движимы глубокой любовью к каждому Божьему

созданию. Юродивые, как пишет священник Иоанн Ковалевский, – это «истинные ревнители заповеди Писания о духовной мудрости: *«Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым»* (1 Кор. 3:18)». Все это помогает нам подойти к выяснению специфики феномена юродства на Руси в целом и своеобразия этих житий в частности.

Наиболее известными агиографическими текстами являются жития Прокопия Устюжского, Василия Блаженного, Соломонии бесноватой и др. Сделаем попытку охарактеризовать житийный канон на примере жития святого блаженного Василия, Христа ради юродивого, Московского чудотворца (*память 15 августа*).

Канон жития юродивого близок по своей структуре к житийному канону преподобного. В самом начале указывается время, в которое живет блаженный, сообщаются краткие сведения о его родителях. С первых моментов жизни Василий предстает перед нами в образе человека, избранного самим Богом, не похожего на всех остальных: *«Блаженный Василий родился в декабре 1468 года, по преданию, на паперти подмосковного Елоховского храма в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы. Родители его Иаков и Анна были из простых...»*. Подробных сведений о том, как Василий ведет себя в детстве, мы не встречаем, однако можем отметить переломный в его жизни переход к подвижничеству, имя которому – юродство Христа ради. Будучи в шестнадцатилетнем возрасте, Василий *«бежал из дома родительского, но не в безмолвную пустыню, где мог бы удобнее восходить благоговейным помыслом в горня, но удалился... в многолюдный град Москву, где ... не оскудевают беззакония, неправда, лихва и леть»*. Но образ жизни юродивых не похож на подвижничество преподобных, затворников и пустынножителей. Так, в житии Василия Блаженного мы встречаем: *«он ... не носил никакого одеяния, но пожелал быть всегда нагим ... ни зимою, ни летом не имел он у себя крова... Как первозданный Адам, ... наг ходил он и не стыдился... вменяя нестерпимый мороз ... в некую теплоту, ибо тело праведника, согреваемое благодатью Божией, сильнее было и стужи, и огня»*. Блаженный переносит множество скорбей и тем самым умерщвляет движения плоти Христа ради. Результатом этого умерщвления является открытие духовного зрения, вследствие которого душа *«видит Бога»*, как пишет протоиерей Димитрий Смирнов. Появляется более ясное понимание духовной жизни, четко разграничиваются истинные понятия добра и зла. Чем ближе человек становится к Богу, тем больше он считает себя великим грешником, осознающим свою бесконечную немощь перед Творцом. *Но сила Божия в немощи совершается* – так говорит нам Священное Писание (2 Кор. 12:9). А потому Василий Блаженный, *«всегда нагой»*, терпящий постоянные лишения, не встречающий понимания у других людей, предстает перед нами оплотом духовной мудрости.

Особая связь со Спасителем, имеющаяся у обоженного человека, проявляется в различных дарованиях и чудотворениях. На примере Василия Блаженного мы видим, что юродивые Христа ради обладают прозорливостью. В этом плане показателен эпизод из жития святого, когда он, будучи подмастерьем у сапожника, предрекает дальнейшую судьбу человека, заказывающего у них сапоги: *«Один купец ... зашел в мастерскую заказать сапоги, прося сделать их такими, чтобы не сносить их за год. Блаженный Василий прослезился: «Сошьем тебе такие, что и не износишь их». На недоуменный вопрос мастера ученик объяснил, что заказчик даже не обует новые сапоги, так как вскоре умрет. Через несколько дней пророчество сбылось»*.

Эпизоды с чудотворениями как во время земной жизни юродивого, так и после его смерти мы встречаем на протяжении всего житийного повествования. Так, например, находясь на церковной службе вместе с Иваном Грозным, Василий обличает царя в том, что мыслями тот был не в Церкви, а на Воробьевых горах, где собирался построить свой новый дворец: *«ты не был во храме Господнем, а Василий там был, ибо после пения «Всякое ныне житейское отложим попечение» со святыми Херувимами поклонялся он Богу, ни о чем земном не помышляя. Стоять же в храме и помышлять житейское значит не быть в нем»*.

Но порой юродивый, в силу действия в нем Божественной благодати, наказывает и вразумляет людей, которые творят беззакония и лукавят ради получения выгоды и умножения собственного богатства. Показательным случаем в житии юродивого является реальное умерщвление человека, который притворился мертвым, чтобы его товарищи отобрали шубу у юродивого, подаренную ему одним благочестивым боярином: *«блаженный, сняв с себя шубу, покрыл мнимо усопшего, говоря: «Сказано во псалмах: лукавнующие потребятся». Когда праведник отошел, обманщики обнаружили, что их товарищ действительно мертв»*.

Так, на основе проведенного анализа мы можем выявить сходные черты в житийном каноне жития юродивого и житийном каноне жития преподобного. Если основным различием является сущность подвига и способы его реализации в условиях многолюдности как очага страстей, то совпадения в самой структуре житий являются для нас очевидными: выбор жизненного пути, описание подвижничества и чудеса при жизни и после смерти.

Отражение этих признаков мы можем увидеть в житиях юродивых XIX века. Возьмем житие Томской юродивой Домны Карповны (*память 16 октября*). Это пример более позднего жития юродивых, в котором, однако, мы также можем обнаружить связующие нити с житийными текстами XV-XVI веков.

По обыкновению, сведений о личной жизни юродивых, не касающихся их подвижнического пути, мы не встречаем. Об этом

свидетельствует и автор жития Домны: *«Кто была Домна Карповна – неизвестно. Говорить о себе она не любила»*. Недаром юродивые, живя в миру, ощущают себя такими же одинокими, как и пустынножители. В книге священника Иоанна Ковалевского «Подвиг юродства» встречаем приведенную им цитату: *«При таком исключительном образе жизни, быть может, не каждому из них случалось в течение всей жизни найти человека, которому бы можно было открыть свою душу, высказать свои чувства, обменяться мыслями и тем обнаружить, что он не тот, каким его считают, что он знает Бога, знает о присных о Христе и молится за них»*. Нам же известно, что Домна живет в XIX веке, получает образование, воспитывается в дворянской семье, знает иностранные языки. Что существенно для начала ее подвижнической жизни, она обладает привлекательной наружностью, но, *«презрев нежность своей юности»*, начинает юродствовать Христа ради. Как и Василий блаженный, Домна покидает своих родственников и обрекает себя на *«трудный и опасный путь странствований»*. Так осуществляется выбор жизненного пути юродивой.

После того, как мы узнаем об ее аресте и ссылке в Сибирь уже в качестве юродивой, начинается традиционное описание отказа от «житейских» благ. В этом мы находим еще одно сходство с эпизодами жития Василия блаженного: *«Постоянного жилища Домна Карповна не имела ... проводила дни и ночи под открытым небом, не взирая ни на какую погоду»*. Одеждой ей служат *«...разной величины узлы, ... по обилию своему представлявшие большую тяжесть»*, которые она часто использует в качестве четок. Как и Василий блаженный, Домна Томская юродствует на людях целый день, а ночь посвящает неустанной молитве: *«во мраке ночи ... вдруг раздастся громкий голос Домны Карповны: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» «Вся небесныя силы, Херувимы и Серафимы, молитесь Бога о нас!»*. Вот где Домна Карповна находила возможным молиться, ничем не смущаемая и скрывая от людей свои подвиги».

В своем добродетельном подвиге юродивая не обходит стороной и странников, которых она с любовью называет *«мои слепенькие»* (вероятно, здесь имеется в виду слепота духовная). Если искать похожие эпизоды в житии Василия блаженного, то мы находим очередное сходство: *«Проповедуя милосердие, блаженный помогал прежде всего тем, кто стыдился просить милостыню, а между тем нуждался в помощи более других. Был случай, что он отдал богатые царские подарки купцу-иностранцу, который остался безо всего, и, хотя три дня уже ничего не ел, не мог обратиться за помощью, так как носил хорошую одежду»*. В заключении жития Домны Карповны мы не встречаем перечень подвигов, связанных с чудотворениями, в отличие от жития блаженного. Однако

отмечается, что, как и Василий, Домна Карповна наделяется в конце своей жизни даром прозорливости.

Таким образом, сравнительный анализ житий XV и XIX веков убеждает нас в том, что существует определенный канон жития юродивого. Его основными структурными элементами являются выбор жизненного пути, описание внешнего вида юродивого и сущности его подвига, обличение грехов и неправедности мира, перенесение тягот земной жизни для получения награды в Царствии Небесном, явление чудес и исцелений и почитание после смерти. У нас есть свидетельства того, что и после окончания своей земной жизни юродивые продолжают помогать верующим людям. Так, в 1555–1561 гг. Москве строится знаменитый Собор Покрова Пресвятой Богородицы, в котором находятся мощи Василия блаженного, а в 1996 г. возводится часовня Домны Томской на территории кладбища бывшего Иоанно-Предтеченского женского монастыря. Милостью Божией святые люди не оставляют нас и своим молитвенным заступничеством помогают в узком и тернистом пути спасения – пути, ведущем в Царство Небесное.

РЕЦЕПЦИИ ЖИТИЯ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

М.Н. Климова

Томский государственный университет, Томск

Житие преподобной Марии Египетской, память которой Православная Церковь отмечает 1 апреля, по праву вошло в золотой фонд христианской литературы. В сонме святых известно немало женщин, пришедших к вершинам христианского идеала путем «падения и восстания» (первообраз подобных историй – евангельские встречи Учителя с грешными женщинами). Но автор Жития Марии Египетской, византийский церковный писатель VII в. создал на эту тему произведение поистине неповторимое. Напомним его содержание, специально подчеркнув некоторые подробности [1, с.5-24].

Как правило, типовое житие раскаявшейся блудницы организовано следующим образом. Героиня жития, ведущая в начале развратный образ жизни, резко меняется под влиянием случайно услышанной проповеди. Избавившись от греховно нажитого имения, она уходит в монастырь, чтобы слезами раскаяния, постом и молитвами очиститься от грехов. За свои аскетические подвиги она удостоивается дара чудотворения и мирного успения в чине преподобной. Но общая для всех житий «грешных святых» сюжетная схема «грех – покаяние – спасение» в рассматриваемом нами агиографическом тексте реализуется несколько иначе. Его героиня, александрийская блудница, была одержима неутолимой жадой плотских наслаждений, заставившей ее покинуть родительный дом в очень юном возрасте и в дальнейшем нередко отдаваться желающим бесплатно. Любопытство и, вероятно, надежда на легкий заработок побуждают ее отправиться в Иерусалим с толпой паломников, оплачивая проезд на корабле собственным телом. Не перестает она грешить и в Святой Земле, но в праздник Крестовоздвижения ее душу навсегда преображает чудо. Неведомая сила «трижды и четырежды» не пускает идущую в толпе грешную женщину на порог храма. Потрясенная своей отверженностью, блудница возносит покаянные мольбы к Богородице, после чего ей дозволяется войти в храм. Помолившись, Мария уходит в Заиорданскую пустыню, где проводит в полном одиночестве почти полвека. Первые 17 лет ее покаяния (в соответствии со сроком ее бывшего разврата) Марию терзают греховные соблазны, изображаемые с необычным для житийного повествования психологизмом и даже «реализмом». Героиню мучат не бесы в соблазнительных или устрашающих обликах, но желание отведать сладкого вина и «египетской рыбы», а в мольбы отшельницы к небу, ибо она неграмотна и текста настоящих молитв не знает, вплетаются слова некогда любимых ею фривольных песенок. Затем соблазны отступают от

нее, и в течение последующих трех десятилетий она постепенно утрачивает потребность в еде и питье. Через 47 лет пустынножительства Марию, почти потерявшую человеческий облик, находит некий инок Зосим, вынужденный при встрече оторвать край своей одежды, чтобы прикрыть наготу отшельницы. Зосима принимает исповедь героини, а еще через год причащает ее. В свое третье посещение отшельницы он находит лишь ее мертвое тело и только теперь узнает ее имя, ибо оно чудесным образом было начертано на песке. Вышедший из пустыни лев помогает Зосиме предать усопшую земле. Важно отметить, что инок Зосима, история которого обрамляет исповедь Марии, тоже изображен великим грешником. Некогда в своем затворе он возомнил себя непревзойденным в аскетических подвигах, и для избавления от гордыни ему было велено свыше найти превзошедшую его. Очевидно, преподобный Зосима Палестинский хорошо усвоил этот урок, ибо он также был причтен к лику святых (день памяти 4 апреля).

Не имея возможности остановиться на художественных особенностях этого жития, скажем лишь, что оно было активно воспринято христианской культурой Востока и Запада на всех ее уровнях – от чина богослужения до религиозного фольклора. Например, в православии Житие Марии Египетской включено в великопостную службу (оно читается в церкви на пятой недели Великого Поста, соседствуя со знаменитым покаянным канонем Андрея Критского). В результате в галерее «святых заступников» Андрею и Марии отводится роль «наставников в покаянии» (известны даже их совместные иконы), кроме того, сближение обоих святых в процессе богослужения стимулировало народную фантазию, которая создала их новую совместную и совсем уже причудливую «биографию» [2, с.116-117]. В католической культуре история Марии Египетской послужила образцом для апокрифического жития ее святой тезки, Марии Магдалины, в дальнейшем отчасти заслонившей ее. Образ Марии Египетской использовала и художественная литература Нового времени. В качестве западноевропейских примеров такого рода упомянем появление Марии в финале «Фауста» Гете и переосмысление «корабельного эпизода» ее Жития в «Балладе о девке Ивлин Ру» Б. Брехта. Не раз обращались к образу Марии Египетской и русские писатели. Сошлемся в этой связи на статью И.П. Смирнова [3, с.212-217], в которой наглядно показано, как элементы ее Жития были использованы при создании образа Марьи Лебядкиной (это яркий пример применения житийного приема синкрисиса русскими классиками). Нам уже приходилось писать о попытке поэтического переложения Жития И.С. Аксаковым [4, с.27-32]. Однако его поэма не была закончена и сохранившийся текст ее обрывается решением Марии отправиться в Иерусалим. Сложная рамочная конструкция Жития Аксаковым не использовалась, Зосима даже не упоминался.

В предлагаемой статье будут кратко рассмотрены два случая обработки Жития Марии Египетской светскими авторами, в которых особое внимание было обращено на образ возгордившегося аскета Зосимы и эпизод его встречи с Марией. Оба этих текста были созданы поэтами Серебряного века (известно, что в этот период использование христианских сюжетов, мотивов и образов получило широкое распространение и даже стало своего рода «литературной модой»).

Пример первый. Стихотворение А.А. Блока, с которого начинается знаменитый цикл «Родина» в третьем томе его стихотворений.

Ты отошла, и я в пустыне
К песку горячему приник.
Но слова гордого отныне
Не может вымолвить язык.

О том, что было, не жале,
Твою я понял высоту:
Да, ты – родная Галилея
Мне – невоскресшему Христу.

И пусть другой тебя ласкает,
Пусть множит дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где приклонить свою главу. [5, с. 56]

Программное значение произведения подчеркнуто самим его автором, который намеренно нарушил хронологию (по времени своего создания (май 1907 г.) стихотворение явно принадлежит второму тому) и при издании цикла выделил его текст курсивом, придав ему тем самым значение поэтического эпиграфа. Очевидные новозаветные аллюзии второго и третьего четверостишия, подкрепленные прямой евангельской цитатой, позволяют увидеть в этом стихотворении первый опыт блоковской «христологии», весьма далекой от ортодоксальности, но в целом вполне традиционной для русской культуры. Лирический герой уподобляется здесь Иисусу в Его пророческом и жертвенном служении своему народу. Несколько режущее ухо упоминание «невоскресшего Христа» - не попытка кощунства, а лишь уточнение определенного момента евангельского времени. Лирический герой уподоблен Христу в самом начале его страстного пути, когда Он только прозревал свою высокую и трагическую миссию, Христу, делающему свой выбор в пустыне, чтобы в дальнейшем нести Благоую Весть «погибшим овцам стада Израилева», и, прежде всего, «родной Галилее. Однако смысл первого четверостишия евангельским контекстом явно не объясним, и ключ к его пониманию обнаруживается как раз в Житии Марии Египетской, встреча которой с Зосимой происходит через пять столетий все в той же

Заиорданской пустыне. Это объяснение было найдено уже упоминавшимся И.П. Смирновым более тридцати лет назад [6], но его статья, опубликованная в популярном издании незадолго до эмиграции автора, осталось филологами почти незамеченной, и думается, что о ней не грех лишний раз напомнить. В образе аскета, осознавшего тщету своей былой гордыни при встрече с «грешной святой», в смирении раскаянии не ведающей о достигнутой ею «высоте», нам чудится нечто глубоко выстраданное самим автором. Именно в эти годы Блок-поэт, спустившись с разреженных высот бесплотной любви к Прекрасной Даме, погружается в лиловый и вьюжный мрак петербургской ночи для встречи с подлинной жизнью своей Родины, судьба которой отныне становится и его судьбой. Основное переживание лирического героя стихотворения – обретение им Родины, что и обеспечил этому тексту его особое место в корпусе третьего тома. Женская персонификация образа России/Руси – давняя традиция отечественной культуры: еще Максим Грек в одном из слов описал свою новую родину в облики женщины в черном, сидящей на распутье. Но у Блока этот женственный образ приобретает дополнительный оттенок, его Россия – чаще всего грешная женщина, прекрасная даже в своих ошибках и заблуждениях. Женские воплощения Родины в поэзии Блока известны нам со школьной скамьи, однако начинается эта галерея образов именно с неназванной по имени Марии Египетской.

Вторым примером несколько иного рода может служить стихотворение М.А. Кузмина.

Мария Египетская.

М. Замятиной

Ведь Марию Египтянку
Грешной жизни пустота
Прикоснуться не пустила
Животворного креста.
А когда пошла в пустыню,
Грех забыв, душой проста,
Песни вольные звучали
Славой новою Христа.
Отыскал ее Зосима,
Разделив свою милоть,
Чтоб покрыть перед кончиной
Уготованную плоть.
Не греха, а Спаса сила,
Тайной жизни чистота
Пусть соделает Вам легкой
Ношу вольного креста.
А забота жизни тесной,
Незаметна и проста

Вам зачтется как молитва
У воскресшего Христа.
И отыщет не Зосима,
Разделив свою милоть,
Сам Христос, придя, покроет,
Уготованную плоть. (1 апреля 1912)

[7, с.270-271]

Книга «Глиняные голубки», в которую вошло это отворение, далеко не лучшая в поэтическом наследии Кузмина. Не слишком значительным при первом прочтении кажется и приведенный нами текст – это, казалось бы, типичное «стихотворение на случай», написанное ко дню именин одной из знакомых. Названная в посвящении М. (Мария) Замятина была домоправительницей Кузмина, сумевшей своей женской заботой, утеплить и обустроить быт экстравагантного и по-человечески очень одинокого поэта. Вероятно, поздравляя Замятину с днем ее ангела, Кузмин натолкнулся на некоторое ее сопротивление. Ведь, обращаясь к тезоименитому святому, христианин, как правило, ищет у своего небесного покровителя не только заступничества пред грозным Судией, но и примера для подражания в своей частной жизни. Вероятно, Мария Замятина, женщина тихая и домашняя, никак не могла отождествить себя с Марией Египетской, равно безудержной в грехе и покаянии. Стихотворение Михаила Кузмина – ответ на ее сомнения (оно и начинается со слова «ведь»). Шесть его катренов отчетливо разделены на две равные, внутренне симметричные, связанные перекличкой опорных слов части. Первая часть напоминает важнейшие вехи жизни святой, вторая – характеризует собеседницу поэта и намечает ее жизненные перспективы. В кратком, но очень выразительном пересказе Жития Марии Египетской Михаил Кузмин обнаруживает не только прекрасное знание агиографического источника, но и его глубокое, совсем не тривиальное понимание. Зосиме в этом пересказе отводится роль священника, готовящего «Марию Египтянку» к переходу в иной мир. Казалось бы, жизненный удел Марии Замятиной совсем иной, хотя со святой тезкой ее сближают простота души, скромность и то, что обе они несут свой жизненный крест втайне от людей. В стихотворении звучит мысль о равноправии разных путей человека к Богу, ведь и скромная домохозяйка, целиком погруженная в заботы «жизни тесной», в конце ее, как надеется поэт, удостоится личного любящего внимания Христа, который зачтет ее повседневный труд на благо ближних «как молитву». Мысль о святости добросовестной, с соблюдением христианских заповедей мирской жизни, имеющая в христианской традиции долгую историю (от патериковых рассказов до Жития Иулиании Лазаревской), была, как известно, горячо поддержана русскими классиками (достаточно вспомнить Пашеньку из «Отца Сергия»). Отдельного осмысления, на наш взгляд, заслуживает

противопоставление Зосимы Христу, присутствующее в обоих стихотворениях, хотя и по-разному мотивирован.

Отражения Жития Марии Египетской в русской литературе приведенными примерами явно не исчерпывается. Думается, что здесь можно еще многое найти, ибо этот яркий и глубокий агиографический текст обладает способностью неизменно поворачиваться к художнику разными своими гранями.

Литература

1. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского с дополнениями из Пролога. – М., 1906. – Т. 8.
2. Климова М.Н. Великий канон Андрея Критского как источник его апокрифического жития // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI-XX вв. – Новосибирск, 2006.
3. Смирнов И.П. Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // Русская и грузинская средневековая литература. – Л., 1979.
4. Климова М.Н. Об одном опыте «христианской эпопеи» («Мария Египетская» И.С. Аксакова) // Традиционные российские духовные ценности в жизни и государственной политике : материалы XVII Духовно-исторических чтений в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. – Томск, 2007.
5. Блок А.А. Собрание сочинений : в 6 т. – М., 1971. – Т. 3.
6. Смирнов И.П. «Бытия возвратное движенье...» // Книжное обозрение. – 1980. – № 47.
7. Кузмин М.А. Стихотворения. – СПб. 2000.

БИБЛЕЙСКАЯ ПАРАДИГМА В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВАДИМА АНДРЕЕВА

О.А. Дашевская

Томский государственный университет, Томск

Вадим Андреев (1902–1976), творчество которого не изучено, принадлежит к младоэмигрантам первой волны, родившимся в 1890–1900-е годы (Г. Газданов, А. Присманова, В. Сосинский, Б. Поплавский и др.). Исследователи называют поэтов первой волны эмиграции носителями духовных традиций русской культуры, которые остались «русскими поэтами по духу», «по типу духовности» [1, с.6]. Это общее утверждение нуждается в корректировке и уточнении. Предварительно сделаем два замечания. Во-первых, творчество поэтов-младоэмигрантов развивается в рамках христианского сознания в том широком понимании, как оно сложилось в культуре конца XIX – начала XX века. Во-вторых, необходимо учитывать разный характер усвоения и формы воплощения христианского сознания. Младоэмигранты обошли стороной русскую религиозную философию, поэтому для них не характерна интенсивность религиозных исканий. (Пожалуй, исключение представляют Александр Кондратьев и Любовь Столица). Их философией стала русская литература, определившая мировидение, аксиологию, этику. В этом смысле интересно сопоставить творчество Вадима Андреева и его младшего брата Даниила Андреева.

В. Андреев не пошел за Леонидом Андреевым в его богоборческих и богоискательских тенденциях, как Д. Андреев. Поэт-эмигрант остался далек от глубокой религиозности последнего, оставшегося в России.

Вместе с тем следует учитывать и то, что молодых поэтов-эмигрантов коснулся антропологический поворот, произошедший в западной философии XX века, утверждающий ценности человека.

В поэзии Вадима Андреева выражена приверженность основам христианского миропонимания. В его поэтическом творчестве библейские образы, мотивы и сюжеты сопряжены с ключевыми содержательными пластами: во-первых, это проблема смерти и бессмертия; во-вторых, эстетическая проблематика; в-третьих, ветхозаветная и новозаветная символика становится способом толкования истории XX века. Отметим, что названные нами темы подразумевают духовное самоопределение, эстетическое, историческое. Рассмотрим эти три аспекта последовательно.

Среди поэтов молодого поколения эмиграции В. Андреев отличается светлым мироощущением, в отличие, например, от Георгия Иванова, Бориса Поплавского, в творчестве которых слово «смерть» должно быть написано с большой буквы, а человек в его земном существовании живет в «аду», во тьме и в холоде (стихи эмигрантского периода названных двух

поэтов). Однако и В. Андрееву, как и всем младоэмигрантам, свойственно «экзистенциальное беспокойство». Осознание ценности земного бытия во всех его проявлениях (наследование мироощущения акмеизма) влечет мотивы страха смерти, его поэзия содержит вопрошание к Творцу о краткости земной жизни человека. Проблема конечности / бесконечности бытия – актуальная сфера размышлений лирического героя.

Стихи с мифологемами души и тела входят в книгу «Второе дыхание» (1933–1948), знаменующую новый этап творчества поэта, в отличие от первой подражательной и ученической книги «Недуг бытия». Поэтом постулируется своя, иная позиция по отношению к характерным для поэзии серебряного века и русской эмиграции концептам «души» и «тела» (В. Ходасевич, М. Цветаева).

В нескольких стихотворениях, образующих тематический цикл, выделим два ключевых текста. Первое из них – «С моим простым и очевидным телом». Обозначим его основные содержательные идеи. 1. В концепции Андреева границы человеческой жизни определены свыше, но и сам человек не безучастен к этому, он волен сам распоряжаться своим телом: *«С моим простым и очевидным телом / Я в праве сделать все, что я хочу: / Уйти из жизни очень поседлым / Иль сжечь его, как тонкую свечу»* [2, с.10]. 2. Человек бессмертен и смертен одновременно (уход из жизни обозначается словом «сон»). 3. Тело – вместительница бессмертной души, которая чиста и совершенна, она «одолжена» Богом, а тело временно 4. Вместе с тем от человека зависит, какой душа останется. Земная жизнь человека влияет на его бессмертие: душа дарована «чистой», а человек должен наполнить ее «содержанием», т.е. чувством красоты земного бытия: воспоминанием «всей ясности и прелести земной» (красота природы и любовь). Таким образом, поэт переводит оппозицию души и тела в ценностный план, ставит ее в зависимость от «качества» земного существования. При этом он максимально сопрягает эмпирическое и метафизическое. 5. Душа – носительница Божественного духа, но и «логотип», содержит «отпечатки» жизни человека, таковой она и наследуется потомками. Человек ответствен за «преемственность» бессмертия: *«Она еще кому-нибудь послужит, / И тот, далекий, кем не буду я, / В своей душе внезапно обнаружит / То, чем жила в веках душа моя»*. В. Андреев очень близко подходит к кодам восточной философии, но все же остается за ее пределами. Здесь быстрее можно усматривать идею усовершенствования человека, очень корректно выраженную.

В. Андреев расширяет границы мифологии жизни и смерти. В стихотворении «Когда душа от тела отстраниться» (1948) развивается православная парадигма – сюжет о сорокадневном странствии души после смерти. Сорок «огромных дней» – это завершение жизненных забот. Содержание земного бытия человека соотносится с архаическими народными представлениями о жизни как «возделывании» поля, что в

свою очередь восходит к библейским парадигмам Ветхого и Нового Заветов об изначальном предназначении человека. Метафоры «*трусами вспаханные поля*», «*шуршащие овсы не сжаты*», «*ржаная дышит полоса*» атрибутируют исконно народное и глубоко национальное мирозерцание. Крестьянский труд – символ естественных, онтологических, тяжелых, но необходимых дел человека, обеспечивающих саму жизнь и нравственное здоровье человека.

Андреев развивает в стихотворении три основных идеи: 1. душа как перводвижущая сила – главная участница всех трудов и забот, содержимое жизни, ее наполнение; 2. поэт углубляет ценностные характеристики человеческого бытия; 3. отстаивает идею неповторимости земной жизни – «невозвратной прелести земной». Сорок дней – это и невозможность отойти от жизни как «работы» в силу ответственности человека: «*Ей (душе – О.Д.) невдомек*» .../ *Что нет за нею больше недоимки, / Что без нее посеют и сожнут*» [2, с.28]. Но это и сопротивление смерти, нежелание расстаться с жизнью в силу ее неповторимости (3 строфа). Сюжеты Андреева, с одной стороны, это радикальное изменение христианского смысла православного канона, а с другой – они свидетельствуют о наличии православных интуициях автора.

В целом в книге «Второе дыхание» оформляется свойственное Андрееву бережное отношение к человеческой жизни как Божественному дару и к земному миру как Божественному творению. В поэтической системе Андреева ощущим пантеизм, т.е. присутствие Божественного духа в природе, в большей мере в «русских» текстах, как стихотворение «Ока» (1957). В нем в большей мере представлено присутствие света (луча) как отражения / проекции в земном бытии высшего начала: *Вечерний воздух над излучиной Оки, / Над скошенным, чуть порыжевшим лугом! / Поверхность золотистая реки / Распахана лучом, как острым плугом*» (указан сектор света в отраженном виде); во второй строфе появится «*отполированная светом река*»; над обрывом «*Сосновый бор горит иконостасом, / И свечи отражаются в реке, / И горизонт закатом опоясан*» [2, с.44].

В рамках сакрализации природы назовем также мотив «*благовещенья*»: в стихотворении «*Благовещенье*» этот важный православный праздник в христианском календаре обыгран в иронической форме, где бельчонок проповедует «*недоступное людям добро*» [2, с.42]. Ключевыми концептами поэтической системы Андреева остаются «душа» и «сердце»; «сердечное мировосприятие» – отличительная черта всей русской поэзии.

В эстетической концепции В. Андреева ключевое место занимает мифологема зерна, восходящая к библейскому праобразу семени. Она имеет два основных значения.

Первое связано с представлениями о назначении и сути поэзии

(искусства). В программном стихотворении «Труд» (1932–1962) поэзия – это «на белом поле выросший посев» (буквы и строчки на бумаге); используемая метафора семени означает, что значение ее непреложно, безусловно (посев – метафора хлеба насущного). Искусство находится в ряду феноменов, сохраняющих и обновляющих жизнь: «И, сохранив непреходящей жизни / На белом поле выросший посев, / Она своей расплавленной отчизны / Встречает радостно высокий гнев» [2, с.41]. Во-первых, поэзия воспроизводит жизнь вновь и вновь («прекрасный, теплый и бессмертный звук», т.е. неуничтожимый). Во-вторых, поэзия «несет зародыш жизни новой», т.е. способствует рождению нового сознания. Андреев позиционирует себя как поэта-эмигранта по отношению к литературе, создающейся в Советской России, обозначая сознательное оппозиционное противостояние ей.

Второе значение мифологемы зерна сопряжено с мифологизированным сюжетом прорастания в дальнейшем развитии русской поэзии ее «семени» (поэзии эмиграции) и, в частности, творчества самого поэта-эмигранта. Инвариантом образа семени выступает побег (листок). В поэме «Возвращение» на первый план выходят образы лепестка, влаги, ростка, или таинственно прорастающего зерна. Переживая неизбежность разлуки с Россией, лирический субъект поэмы, находясь в чуждой ему Франции, точно знает о безусловности встречи с родиной: «Душа сквозь темную разлуку / Навстречу звукам, как *цветок*, / Протягивает *лепесток*, / Ловящий *свет* и *влагу* звука. / И вот меж *лепестков*, незримо, / Между *тычинок*, в тишине, / Таинственно, неуловимо / В глубоком, в глубочайшем сне, / В глубокой тайне сокровенной / Уже *цветет* огонь священный / И *зреет* медленно – оно – / Непобедимое *зерно*» [2, с.104-105]. Выделенные нами метафоры «роста» и созревания соединены с символами поэтического творчества (звуки как его предвестие, огонь, сон, «сокровенная тайна»). Мифологема умирания-воскресения сопрягает автобиографию с философией творчества; возвращение состоится в истории культуры, совпадающей в своем развитии с законами органического произрастания.

Ветхозаветные и новозаветные сюжеты связаны в творчестве Андреева с изображением второй мировой войны. От мифопоэтической парадигмы в изображении войны к библейским сюжетам – такова логика осмысления Андреевым национальной и мировой истории XX века.

В микроцикле «Встреча» (1945) война в России представлена поэтом-эмигрантом вне социально-исторических конкретики, в мифопоэтическом ключе, через архаические модели: как «встреча» жизни (России в ее природном облике) и смерти. В преддверии катастрофы на землю ложится «испепеляющая мгла», все дышит стужей и холодом (смертью), тупые дула» подбираются к святыням (древнему собору), начинается «лай» орудий и пожар. Точно также изображалась гражданская война,

нарушающая равновесие в природе, где царит самоспасительный порядок.

Лирическая ситуация проецируется на мотив искупительной жертвы России, ставшей «землей концлагерей и тюрем». Поэт сакрализует образ страдающей, воюющей земли: «Земля, истерзанная боем, / Ты черным страхом проросла, / Ты приняла тела героев, / И трупы трусов приняла» [2, с.26]. Идея искупительной жертвы содержит код древнеславянской мифологии, связанный с образом Великой Богини-матери, в русском варианте матери-сырой-земли.

Согласно этой архаической модели Земля – аллегория материнской утробы. В древнерусских и средневековых источниках она представлена как живое существо, «испытывающее человеческие чувства и являющееся субъектом своих поступков» [3, с.36-37]. Она описывается средневековыми авторами в женском, чаще материнском облике, плачущей о своих «чадах», всех без исключения; для «сыновей», защитников родины, она «общая мать», которая дает жизнь, вскармливает, заботится, заступается и забирает их обратно. В некоторых источниках отождествляется родная мать с матерью-землей и с Богиней-матерью [3]. В цикле «Встреча» земля олицетворяет материнскую утробу, рождающую и забирающую жизни всех «сыновей», безотносительно к их этическому наполнению.

В мифологии В. Андреева, который во время Второй мировой войны находится в Западной Европе (Франция), она связывается с двумя крупнейшими событиями: это искупление русского народа и жертвоприношение еврейского народа. Судьбы народов и царств провиденциальны, Андреев соотносит их с библейской историей. Сюжет поэмы «Ревекка» (1947) состоит из переплетения ветхозаветного сюжета спасения израильтян Моисеем и новозаветного сюжета распятия Христа. Структурно они делят поэму на две части.

Ревекка – дочь израильского народа, ее удел – «невзрачный, серый, душный» быт и бедность. Рефреном проходит мотив лишённого радостей детства ребенка: «...У Ревекки куклы нет, / А Ревекке восемь лет». Но и в этой ситуации она остается хранительницей мироощущения народа и исторической памяти – мифов и легенд древности: ей ведомо «библейское небо», так как иногда в убогий быт врываются странно звучащие «гордые, гортанные слова» рассказов священника. Как самостоятельный сюжет входит история исхода еврейского народа из Египта и его спасение пророком Моисеем: перед израильтянами расступилось море; когда же египтяне вступают на морское дно, вода накрывает их [4, с.372-373]. Этот момент центральный во всей истории исхода и выступает емким символом чудесного выхода из безвыходного положения. Так было в древнейшей истории.

В современной истории XX века повторяется ситуация бегства и преследования народа. Андреев прочитывает современность сквозь призму ветхозаветного сюжета, в современности все происходит с точностью –

наоборот. В ветхозаветном сюжете вода расступилась перед израильтянами, превратившись в слюду; в истории XX века «медлительно течет / Воздух, превращаясь в лед». В Библии вражеское войско египтян «пожрала вода», здесь – беглецы идут как будто по дну: «темной просекой лесной, / Погрузившись в мрак подводный» [2, с.93]. В древней легенде отчаявшемуся еврейскому народу в пищу была дана «манна небесная»; в современной истории – у людей нету хлеба («У Ревекки куклы нет, / У Ревекки нету хлеба»); с неба «падает сухая манна» (снег). В священной истории врагов покрывала «дымная вода», в XX веке – «жадно дымят» трубы печей крематория; море на дороге к Обетованной земле «жарким пламенем горит»; сейчас – «полыхают отверстия вулканов» (орбиты печей). Наконец, как в правремена бесследно исчезает вражеское войско («Войско вражье без следа / Пожрала дымная вода»), в XX веке идея бесследности исчезновения народа вносится метафорой вулкана, остаются только башмачки Ревекки. Андреев вводит мотив катаlepsии – остановки времени, движения вспять: башмачки появляются на «ряби застывшей реки», т.е. холодеющего, застывающего мира.

История израильского народа прочитывается также сквозь призму новозаветного сюжета распятия Христа. В. Андреев обращается к евангелию от Марка, вынося в эпиграф тему безжалостности и порочности людей («злой земли»): «Распявшие Его делили одежды Его, бросая жребий кому что взять» (От Марка 15: 24). Очевидно, с этой идеей связано вынесение в центр фигуры ребенка – Ревекки. В древнейшей религии (иудаизм), положившей начало другим вероисповеданиям, женщине принадлежит главенствующая роль как продолжательнице жизни. С образом Ревекки связана тема гибели нации.

Андреев преследует цель эмоционально потрясти читателя, видя в этом главный способ воздействия на человека (он для этого использует разные стратегии: рефрен, апофатические структуры, как, например, в стихотворении «Перед зеркалом черные косы расчешет Рахиль»). Изменения в мировой жизни поэт связывает не с характером социального строя (человек по природе не совершенен), они зависят от духовных усилий личности. Лирический герой В. Андреева предстает человеком универсального, «всечеловеческого» сознания, отстаивающий идеи ненасилия и пацифизма.

Библейская парадигма в творчестве В. Андреева призвана реализовать идею высокой духовной миссии русской эмиграции, которая у В. Андреева обретает статус жизнотворческой концепции.

Андреев реализует ее не только в отдельных стихах, но и в художественной системе как в структурно-семантическом целом. Поэтическую систему Андреева завершает стихотворение «Обетованная земля» («Мне никем та земля не обещана», 1975). Это «Завещание» по жанру. Но оно не о собственном бессмертии как бессмертии поэта

(вспомним Пушкина: «Весь я не умру...»). В стихотворении идет речь не о физическом возвращении в Россию, так как туда дороги нет: там одни кладбища, лагеря и пожарища – «иду по следам революций, предательств и войн». Лирический герой отказывается от поездов и кораблей как физического путешествия. Мы знаем, что В. Андреев приезжал в Россию в конце 1950-х годов для встречи с братом – Даниилом Андреевым. Поэт – эмигрант утверждает духовное возвращение в русскую культуру, оно обеспечено содержанием его творчества – тем, что «сказано»: «Что смолчал, то смолчал, но что сказано – сказано.../ Я стою на пороге – «обетованной земли» [2, с.87].

Творчество В. Андреева сохраняет христианскую основу, но в американский период (1950 – I половина 1970-х годов) оно обретает оккультные черты, что характерно для прозы (роман «Дикое поле») и для поэзии (циклы «Дух дерева и дух воды», «Пять чувств», «На рубеже»).

Литература

1. Крейд В. Поэзия первой эмиграции // Ковчег: Поэзия первой эмиграции. – М. : Политиздат, 1991.
2. Андреев В.В. Андреев, На рубеже. 1925–1976. Париж – Нью-Йорк – Женева. – Париж, 1977.
3. Рябов О.В. Русская философия Женственности (XI–XX века). – Иваново : Юнона, 1999.
4. Мифологический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1991.

**ЦЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ
МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО:
ПРОБЛЕМА ЖЕРТВЫ/ЖЕРТВЕННОСТИ
В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»**

А.Н. Кошечко

Томский государственный педагогический университет

Целью настоящей статьи является выявление специфических черт экзистенциального сознания Достоевского, принципиально отличающих его от других авторов экзистенциальной мироориентации, через анализ одного из ценностно-этических, духовных императивов православной культуры – категории жертвенности.

Экзистенциальное сознание Достоевского по природе своей интегративно (отражает представление о характере эпохи и мироощущении человека в ней, соединяет философские, культурно-исторические и литературно-художественные пласты). Синтезный характер художественного сознания Достоевского позволяет воспринимать и изображать явление многоуровнево и разноуровнево, в диалогическом контакте и в антиномическом отталкивании, конфликте «идеи» и «натуры», *pro et contra*. Программа художественного синтеза, четко обозначенная Достоевским в качестве ведущей методологической стратегии художественного письма, направлена на обеспечение неразрывности сфер самовыражения личности. Сознание в данном случае – это метакатегория [1], реализующая себя в различных формах художественного письма как способах объективации в слове, самоописания и самоструктурирования: «в художественном мышлении писателя уживаются различные типы сознания: такая ситуация заложена в природе экзистенциального метасознания как открытого типа сознания, которое укоренено в самой сущности человека и именно потому свободно вступает в диалог с иными типами сознания. Чем значительнее масштаб писателя, тем большее число парадигм художественного сознания вбирает и интегрирует его индивидуальная художественная система» [2, с.20-21].

Основанием интеграции религиозного и экзистенциального типов сознания в художественном мышлении Достоевского является целый ряд атрибутивных характеристик:

- диалогичность – потребность в диалоге с Другим (Богом, человеком)³⁰, «активное взаимопроникновение сознаний» (М.М. Бахтин)³¹. Писатель ставит перед собой задачу привести личность читателя на те позиции, где она сможет самостоятельно переоценить личностную картину

³⁰ Для атеистического сознания возможен только диалог с человеком (людьми).

³¹ Вера как духовный опыт имеет характер слияния и взаимопроникновения.

мира, отрефлексировать собственные духовные потребности и стремления, сможет сформулировать уникальный смысл собственной жизни;

- ориентация на опыт переживания «пограничных ситуаций», который сам удостоверяет себя. Этим свойством объясняется «выстраданность» каждого утверждения, являющегося результатом экзистенциального опыта Достоевского: «Душевное состояние героя, его одиночество, разочарование в близких людях, жажда новой жизни, потребность любить, страстное желание вновь найти счастье были так живо и талантливо обрисованы, что, видимо, были выстраданы самим автором, а не были одним лишь плодом его художественной фантазии» [3, с.95];

- самосознание, углубленное до восприятия последней глубины;

- двоемирие (мир естественный и сверхъестественный, человек и Бог, бытие и небытие);

- идеологическая составляющая мировоззрения. Тексты Достоевского представляют собой не «сумму идеологии», а единое художественное целое, что определяет главные идеологические акценты его произведений;

- «рубежность» сознания, отчетливо осознающего себя в «пограничной ситуации» между бытием и небытием;

- текст не сводится к сумме тех или иных мыслей, а существует одновременно в нескольких смысловых измерениях. Религиозная и экзистенциальная традиции предполагают использование слова многозначного, поливалентного, «не равного себе». Текст экзистенциального и религиозного сознаний рассчитан не на поверхностное формальное прочтение, а на целостное переживание: человеку необходимо ощутить радость, печаль, отчаяние, восторг и т.д., понять, что они означают и занять определенную позицию по отношению к самому себе и к окружающему миру;

- рождение смысла и его обретение происходит через рефлексию в процессе «переживания» текста и поставленных в нем «болевых» вопросов о духовном выживании и смысле личной жизни человека, о ценностях мира, в котором ему приходится жить;

- антиномичность текстов религиозного и экзистенциального сознаний, соединяющих в себе универсальность поставленных проблем и обретенных смыслов с апелляцией к реальному опыту человека, его потребности в выстраивании ежедневной жизненной практики в ценностной системе координат;

- нравственный вывод в тексте выявляется опосредованно через ситуацию выбора, а не дается в виде готовой сентенции. Прямые нравоучения отсутствуют, поскольку Истину невозможно доказать, но ее можно пережить.

Эти характеристики говорят о том, что вне православной культурной парадигмы творчество Достоевского лишается мощнейшего пласта заложенных в нем экзистенциальных смыслов. Поэтому экзистенциальное сознание Достоевского необходимо рассматривать как сплав, в котором православная культура выступает не просто как один из элементов (наряду с диалогическим, философским, культурным и т.д.), а как мощная, упорядочивающая духовно-ментальная структура, ценностная вертикаль, относительно которой проверяются на состоятельность, как убеждения самого автора, так и его героев. В опыт Достоевского входит знание сакраментальных и авторитетных текстов православной религиозной традиции (Евангелия, молитвы, духовные песнопения и т.д.). И еще один аргумент: если явление не становится фактом осознания, оно не может быть вербализовано, то есть если бы сознанию Достоевского были принципиально чужды ценности православного вероучения, ни в его собственной мировоззренческой системе, ни в его творчестве эти категории принципиально не могли быть реализованы: «Главный признак православной литературы – воплощенное автором *православное мироотношение* (курсив мой – А.К.), то есть такое миропонимание, которое основывается на христианском учении о мире, человеке, об истории и вечности. Такое произведение отражает высшую, духовную реальность, учитывает ее *действительное присутствие в бытии* (курсив мой – А.К.)» [4, с.23].

Необходимо отметить, что вопрос о мировоззренческих доминантах Достоевского, роли православных ценностей в парадигме индивидуально-личностного и творческого мышления писателя достаточно сложный, и мы не претендуем в рамках этой работы дать на него однозначный ответ. Нас интересует вопрос о генезисе экзистенциального сознания и о той роли, которую играют ценности православной культуры в системе ментальных структур писателя.

Еще в веке XIX, сохраняющем идею непрерывности православного, духовно-нравственного способа существования личности в мире, Достоевский в «Дневнике писателя» показывает ужасы бытия нового, атеистического по своей природе, сознания и предупреждает о разрушительных перспективах его осуществления в обезбоженно-обездушенном мире. В эпоху 1860–1870-х гг. происходит разрушение духовных ценностей, самовольный отказ человека от сдерживающих пределов (Бог, мораль), дезориентация сознания, обесмысливание жизни, которое неминуемо ведет к саморазрушению человека: «делали подлое, но знали, что делают подлое, а что есть хорошее; теперь же не веруют в хорошее и даже в необходимость его»³² [т. 21, с.101]; «внутренний дух...

³² Ссылки на «Дневник писателя» Достоевского даются в тексте работы в круглых скобках с указанием тома и страницы по изданию [5].

внутренняя вековая правда... – пошатнулись вместе с зашатавшимися людьми» [т. 21, с.100]. Пореформенная эпоха осмысливается Достоевским как ситуация кризиса, в которой доминирующими становятся процессы криминализации (превращения человека в преступника) и виктимизации (превращения человека в жертву).

В «Дневнике писателя» Достоевский проводит психологический анализ различных типов жертв, акцентируя внимание, в первую очередь, на личностных качествах человека и мотивах его поведения. В исследовании их судеб Достоевского интересует в первую очередь «психологическая часть факта», выявление комплекса психологических оснований совершения преступления, отправной точкой которого является «забвение всякой мерки во всем <...> потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в нее как ошалелому вниз головой. Это *потребность отрицания в человеке*, иногда самом неотрицающем и благоговееющем, отрицания всего, самой главной святыни сердца своего, самого полного идеала своего, всей народной святыни во всей ее полноте» [т. 21, с.35].

Достоевский говорит не только об отдельных судьбах, он выводит своеобразную закономерность эпохи 1860–1870-х годов, породившей особый тип «эпохального характера» (Л.Я. Гинзбург) – «пожертвованное поколение»: «лица молодого поколения», «лица, погибшие чуть не с детства», «таких "несчастных" на Руси у нас, сколько хотите, все деревни полны, бездна. Верность этого изображения заставит человека с сердцем и смотрящего в наше будущее сознательно – ужаснуться» [т. 21, с.98]. Исследуя генезис этого психологического типа, писатель приходит к выводу, что его появление связано с катастрофическими последствиями реформы 1861 года: «эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажничество – не только не отошли с уничтожением крепостного быта, но как бы усилились, развились и умножились» [т. 21, с.96-97], «всё захватила водка, всё отравила и направила к худшему, заволодела и поработила народ» [т. 21, с.97], «в первом детстве оно застало семью уже разлагающуюся и циническое, поголовное пьянство, а затем попало прямо на фабрику» [т. 21, с.98]. Возникновение «нового рабства» связано с сознательным отказом человека от своей свободы, своей личности ради материальной выгоды, ради простого и удобного существования: «все "ослабели"; ожирели сердца; всем хочется сладенького, материальной выгоды. Все рабы уже по существу своему и даже представить не могут себе, как это можно решить для правды, а не для собственной выгоды» [т. 21, с.100-101].

Итоговым уровнем обобщения становится представление Достоевского о народе как жертве пореформенной эпохи: «Экономическое и нравственное состояние народа по освобождении от крепостного ига –

ужасно. <...> Падение нравственности, дешевка, жида-кабатчики, воровство и дневной разбой - всё это несомненные факты, и всё растёт, растёт» [т. 21, с.30]. «Пограничная ситуация», по мысли Достоевского, проходит через судьбы не только отдельных личностей, но и русской нации в целом: разрушается нравственная система координат, сознательно уничтожается личностное начало, доминанты национального менталитета. Причем катастрофичность и необратимость последствий приобретает зримые черты социального катаклизма: «Чуть не половину теперешнего бюджета нашего оплачивает водка, то есть по-теперешнему народное пьянство и народный разврат, – стало быть, вся народная будущность. <...> ...Народ наш, неопытный в новой жизни и самобытно еще не живший, начинает первые шаги свои на новом пути: перелом огромный и необыкновенный, почти внезапный, почти невиданный в истории по своей цельности и по своему характеру. <...> Народ закутил и запил – сначала с радости, а потом по привычке. Показали ль ему хоть что-нибудь лучше дешевки? Развлекли ли, научили ль чему-нибудь? Теперь в иных местностях, во многих даже местностях, кабаки стоят уже не для сотен жителей, а всего для десятков; мало того – для малых десятков. Есть местности, где на полсотни жителей и кабак, менее даже чем на полсотни. <...> Спросите лишь одну медицину: какое может родиться поколение от таких пьяниц?» [т. 21, с.94].

Собственный экзистенциальный опыт проживания «пограничных ситуаций» приводит писателя к выводу, что в переломные эпохи человек вынужден самоопределяться относительно двух доминант – преступник или жертва, причем в большинстве случаев это не столько сознательный выбор (хотя и он для Достоевского как личности экзистенциальной мироориентации не исключается), сколько трагические последствия нравственной дезориентации. Нравственность здесь понимается в экзистенциальном смысле: не как «внешний» закон, требующий «внешнего» исполнения, а глубинный, фундаментальный закон личности, «интуитивная нравственность». Особенно остро эта дезориентация переживается молодыми. Молодежь острее ощущает абсурд и несправедливость. Абсурд ситуации заключается в появлении особого типа преступника-жертвы, который одновременно и виновен в своих действиях, и не виновен. Выбор для личности, которая стремится сохранить себя, выйти из пограничной ситуации, остается только один: чтобы не стать преступником, человек *сознательно* становится жертвой. То есть потенциально в переломный, кризисный момент жертвой может стать абсолютно любой человек: он уже изначально, до ситуации преступления, жертва эпохи, «трагической минуты». Следовательно, для Достоевского быть или не быть жертвой – это экзистенциальный выбор в пограничной ситуации перед лицом смерти.

Но Достоевский в «Дневнике писателя» не только отчетливо показывает кризисное, «ломающееся» сознание, фиксирует процессы развоплощения и саморазрушения, он пытается выстроить систему духовных противовесов, найти то «ядро», которое составляет неистребимую основу бытия и позволяет в «мировом вихре» сохранить «образ человека, образ народа и образ человечества для высшей творческой жизни» [6, с.22-23]: он стремится восстановить в генетической и нравственной памяти людей Божий лик, поскольку мир без Бога неминуемо превращается в мир без человека. Как бы не сдвигались «межевые знаки», какими бы проблематичными не становились представления людей «порепформенной» эпохи о добре и зле, истине и лжи, эта вертикаль для Достоевского остается неизменной и текстуально манифестируется в отношении писателя к ценностям православной культуры.

Этим объясняется пристальное внимание Достоевского в «Дневнике писателя» к женским судьбам, к особому типу «невиновной жертвы», которая реализует принципиально иную, по сравнению с «жертвами эпохи», этическую установку. В большинстве случаев писатель отмечает в женщинах психологическую неприиспособленность к активному сопротивлению насилию, непросветленность индивидуального сознания, неоформленность самоощущения «я», которые и определяют более высокий, по сравнению с мужчинами, уровень развития нравственного начала, саморефлексии: «В нашей женщине всё более и более замечается искренность, настойчивость, серьезность и честь, *искание правды и жертва* (курсив мой – А.К.); да и всегда в русской женщине всё это было выше, чем у мужчин. Это несомненно, несмотря на все даже теперешние уклонения. Женщина меньше лжет, многие даже совсем не лгут, а мужчин почти нет не лгущих, – я говорю про теперешний момент нашего общества. Женщина настойчивее, терпеливее в деле; она *серьезнее*, чем мужчина, хочет дела для самого дела, а не для того лишь, чтоб *казаться*. Уж не в самом ли деле нам отсюда ждать большой помощи?» [т. 21, с.125].

Этот аспект проблемы жертвы у Достоевского неразрывно связан с проблемой Бога как воплощением идеала, возможности преодоления кризиса сознания через со-бытие с Другими, через отказ от разрушительных устремлений собственного Я. Логика духовного пути развития личности выстраивается следующим образом: от самопознания к богопознанию, которое предполагает соблюдение двух важнейших принципов существования личности – человеколюбия и самопожертвования. По Достоевскому, отдача своего «я» «всем и каждому безраздельно и беззаветно» – единственно допустимый вариант жертвы, «высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности». Способность на самопожертвование определяется любовью к

человечеству, верой в наличие будущей, райской жизни, пониманием страданий других людей и переживанием их как своих собственных. Но возможно все это только при условии веры в Бога, в бессмертие человеческой души, эта вера придает особый смысл переживанию «пограничных ситуаций» как ситуаций самоопределения и саморазвития, обретения экзистенциального опыта, необходимости и даже оправданности страданий.

Проблема выбора человеком пути преступника и жертвы связана, по мысли Достоевского, с сопряженностью и антиномичностью в человеке двух начал – личностного и родового. Личностное начало в силу высокой развитости сознания стремится к самоутверждению вопреки духовным ценностям и идеалам, нарушает границы свободы других личностей, требуя от них жертвы. Источником пробуждения индивида, личностного начала, с точки зрения Достоевского, в большинстве случаев является преступление. Начало родовое, напротив, определяется религиозными идеалами, следование которым также предполагает развитие личности человека, но развитие это направлено по диаметрально противоположному вектору: не требовать жертвы от других, а постоянно быть готовым к отказу от себя, своих личных желаний и интересов, к самопожертвованию во имя других, во имя рода. Несмотря на то, что идеал писателя связан с авторитетом родового начала, являющегося отличительной особенностью русской ментальности, он как носитель экзистенциального сознания ощущает «искус индивидуальности», стихийной личной свободы, не ограниченной диктатом другого сознания или сознаний.

По мысли писателя, преодоление «искуса индивидуальности», выход из абсурда «пограничной ситуации», возможность нравственного спасения связаны с народной верой, христианской сущностью устоев народа. В «Дневнике писателя» русский народ определяется как народ-богоносец, носитель подлинной православной веры и мощного этического императива, способного восстановить духовную структуру личности, вынужденной существовать в эпоху катаклизмов и потрясений: «в огромном большинстве народа нашего, даже и в петербургских подвалах, даже и при самой скудной духовной обстановке, есть все-таки стремление к достоинству, к некоторой порядочности, к истинному самоуважению; сохраняется любовь к семье, к детям» [т. 21, с. 113].

Литература

1. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке / Под

- общей ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
2. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на страницах столетий: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2002.
 3. Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Правда, 1987.
 4. Любомудров А.М. Православная традиция русского зарубежья // Литература в школе. 2010. №1. С. 23–26.
 5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л. Наука. Ленинградское отделение, 1972–1986.
 6. Бердяев Н.А. Кризис искусства. М.: Изд-во Лемана и С.И. Сахарова, 1918.

ОПЫТ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ СТАНДАРТА ШКОЛЬНОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РЕЛИГИИ

Т.А. Костюкова, профессор
Томский государственный университет

Современные реалии российской старшей школы требуют существенного изменения в структуре, содержании и организации образовательного процесса, более полного учета возрастных особенностей, интересов, склонностей и способностей обучающихся, создания условий для обучения старшеклассников в соответствии с их профессиональными интересами и намерениями в отношении продолжения образования и последующей их жизнедеятельности.

Особенностью предложенного стандарта среднего (полного) общего образования является его направленность на обеспечение перехода от простой ретрансляции знаний к развитию творческих способностей каждого обучающегося, раскрытию им своих возможностей, подготовке к жизни в современных условиях на основе компетентного подхода и придания образовательному процессу воспитательной функции в широком смысле этого слова. В целом проект стандарта даст возможность обеспечить обучающемуся:

- развитие качеств личности, отвечающих требованиям становления российского гражданского общества, инновационной экономики;
- формирование образовательных и духовно-нравственных основ личности, создание необходимых условий для ее самореализации;
- развитие способности самостоятельного успешного освоения новых знаний, умений, компетенций, видов и способов учебной и внеучебной деятельности, использования разнообразных форм обучения, включая учебно-исследовательскую и проектную деятельность с учетом индивидуальных образовательных потребностей (особенно одаренных детей, детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья);
- раскрытие собственных возможностей, подготовку к жизни в современных условиях;
- обеспечение условий для развития творческих способностей и возникновения устойчивой потребности в самостоятельных занятиях;
- формирование индивидуальной учебной траектории на ступени старшей школы и своей профессиональной ориентации.

Предметы гуманитарного цикла (русского языка, литературы, истории, обществознания и т.п.) определяют воздействие предметного

содержания на формирование личности ребенка в процессе их изучения и являются основой развития мышления, воображения, интеллектуальных и творческих способностей учащихся; основой самореализации личности, развития способности к самостоятельному усвоению новых знаний и умений. Они являются средством приобщения к духовному богатству русской культуры, основным каналом социализации личности, приобщения ее к культурно-историческому опыту человечества; основой способности давать аргументированную оценку поступкам с позиций моральных норм и формирования этических норм поведения ребенка в разных жизненных ситуациях.

Литература как вид искусство словесного образа и – в широком смысле – совокупность любых письменных текстов это способ познания жизни и художественная модель мира, обладающая такими важными характеристиками, как высокая степень эмоционального воздействия, метафоричность, многозначность, ассоциативность, незавершенность, предполагающие активное сотворчество воспринимающего.

История – ведущий гуманитарный мировоззренческий предмет в школе – содействует формированию воспитанию гражданина, патриота, разносторонне развитой личности, приобщению к гуманистическим ценностям культуры и развитию творческих способностей.

Общение школьника с произведениями искусства на уроках мировой художественной культуры необходимо не просто как факт знакомства с подлинными художественными ценностями, но и как необходимый опыт коммуникации, диалог с авторами (русскими и зарубежными, нашими современниками, представителями совсем другой эпохи). Это приобщение к общечеловеческим ценностям, духовному опыту народа, нашедшему отражение в фольклоре и русской классической литературе, вписанной в историю мировой культуры и обладающей несомненной национальной самобытностью. Знакомство с произведениями искусства народа России расширяет представления учащихся о богатстве и многообразии художественной культуры, ее духовного и нравственного потенциала.

Приоритетным при этом становится формирование, как минимум, двух компетенций: коммуникативной, которая обуславливает овладение видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, базовыми умениями и навыками использования языка в жизненно важных для данного возраста сферах и ситуациях общения, и проявляется в умении определять смыслы коммуникации, оценивать ситуацию, учитывать мотивы и способы коммуникации партнера, выбирать адекватные пути коммуникации, быть готовым к осмысленному изменению собственного поведения; а также культуроведческой, предполагающей осознание ценностей национальной культуры, освоение норм русского этикета, культуры межнационального общения;

способность объяснять значения слов с национально-культурным компонентом.

Личностными результатами выпускников основной школы, формируемыми при изучении стандарта гуманитарного цикла, являются:

- приобщение к духовно-нравственным ценностям русской литературы и культуры, сопоставление их с духовно-нравственными ценностями других народов;
- совершенствование духовно-нравственных качеств личности, воспитание чувства любви к многонациональному Отечеству, уважительного отношения к русской литературе, к культурам других народов;
- использование для решения познавательных и коммуникативных задач различных источников информации (словари, энциклопедии, Интернет-ресурсы и др.).

Насколько оправдано включение культурных ценностей религии в стандарт школьного гуманитарного образования? Вопрос этот является остро дискуссионным. В доказательство необходимости этого шага (разумеется, в рамках существующей законодательной базы) развернем несколько тезисов.

Первый сводится к тому, что как бы мы не боялись самого термина «религия», наполняя его тем или иным содержанием в силу собственного опыта, мнение большинства философов, этнографов, историков мира сводится к тому, что *безрелигиозного* периода в истории государств никогда не существовало. Они утверждают, что социальная и культурная среда является устойчивой, если в течение многих поколений молодежи передается основной фонд знаний, умений, представлений. Прерывистый характер передачи, напротив, свидетельствует о нестабильности, неустойчивости данного этнического, социального, культурного сообщества.

Что же придает устойчивость культуре, этносу?

Для того, чтобы сохранить себя как нечто цельное, всякая культура опирается на триединство: религию, мораль, до правовые юридические нормы. Стало быть, религия является одним из системообразующих начал.

В научной литературе, как известно, пока что отсутствует определение религии, которое бы удовлетворяло любого исследователя. Учитывая спорный характер содержания термина «религия», большинство современных исследователей полагают, что основное содержание религии есть совокупность идей о некой потусторонней силе, стоящей над человеком; для одних эта сила отсутствует, для других – существует.

В советский исторический период, как известно, идеология, базировавшаяся на марксистском учении о первичности материального и вторичности духовного, должна была бы более или менее равнодушно отнестись к религии. Однако этого не произошло. В.И. Ленин не случайно

указывал: «Партия рассматривает систему атеистического воспитания трудящихся масс как важную часть идеологической работы» [2, с.440]. Что это, как не стремление добиться безальтернативного идеологического вакуума?

Правомерно встает вопрос: являлось ли школьное образование, домашнее воспитание и вообще формирование личности полностью нерелигиозным в советский исторический период? Если исходить еще из двух известных определений религии (Religio – “я верую” и Religare – «связывать»), то ответ на этот вопрос должен быть, как ни парадоксально, отрицательным. Ибо вся советская идеологическая система, безусловно, являлась нехристианской, немусульманской и совершенно не похожей на традиционные языческие представления. Однако еще философ Лев Шестов в 20-е годы писал: «Коммунисты чрезвычайно невежественны и непосвящены в вопросах религиозных, но определяются они идейными мотивами, движутся своей собственной религиозной верой» [3, с.304].

Так являлось ли воспитание подрастающих поколений в советский период безрелигиозным? По сути дела Н.Бердяев исчерпывающе ответил на данный вопрос следующим образом: «Человек...., когда отрицает истинного Бога, он создает себе ложных богов, идолов и кумиров, и поклоняется им» [1, с.23].

Процесс воспитания, образования и политехничества в советское время был немислим без таких догм, как Диктатура Пролетариата, Классовая борьба, Коммунизм, Комсомол и т.п. Они действовали как реальная сила, стоящая над человеком, с ними связывалось личное и общественное сознание, объяснялось бытие, все реалии жизни, в них верили.

Сегодняшняя открытость нашего общества базируется на взаимодействии с западными и восточными культурами, которые могут быть поняты только с учетом глубокого влияния религиозного компонента на все грани этих культур. Поэтому знать этот аспект в других культурах, тем более, своей, необходимо каждому образованному человеку.

Второй тезис сводится к тому, что исходным основанием для нахождения истины образования, образовательной и педагогической деятельности является понимание сущности человека. Это утверждение обусловлено тем, что система образования всегда ориентирована на человека и имеет его в качестве своего субъекта.

Кризисное состояние современного бытия в целом привело к кризису образования как мировому явлению. Констатация этого становится привычной, приводятся соответствующие факты, ищутся причины, из породившие. Недавно состоявшаяся в областном Институте повышения квалификации работников образования сессия «Развертывание экспериментальной работы в школе» показала, что пути выхода видятся в изменении педагогических технологий, введении новых образовательных структур и т.п. Однако все эти изменения в нашей системе образования

уже имели место. Но они очень скоро забывались и адаптировались к тому, что уже есть. И все снова входило в то же русло. А через некоторое время требовались новые реформы. Сегодня есть понимание того, что частичное и, может быть, даже случайное реформирование образовательной системы делу не поможет.

С позиции философии образования сущность современного почти глобального кризиса можно интерпретировать как его ориентированность на человека, которого в нынешней действительности уже нет. Система же образования продолжает исходить из понимания человека как существа, имеющего мироощущение собственного всемогущества. Антропоцентристскую гордыню человеку всегда давала развивающаяся и достигающая в своем развитии серьезных высот наука. Открытие тайн природы оборачивалось ее покорением. Образование, начиная с возникновения науки, и особенно в период Просвещения воспитывало и поддерживало именно это мироощущение. Свобода, независимость, сила – вот характеристики человека тех эпох. Наука и знание «возвысили» человека над природой, дали ему ощущение могущества и вседозволенности и обусловили тем самым покорительскую парадигму человеческой деятельности.

Современное содержание образования почти не изменилось с тех пор. Оно также ориентировано на того же человека. Оно готовит специалистов, вооруженных знанием, которое позволяет продолжать покорение природы. Оно (образование) видит в человеке его устойчивую сущность, твердую уверенность и прочное убеждение в своем существовании через постоянное наращивание материальных средств производства, способных обеспечить его теперь уже привычный комфорт.

А между тем, человек, начиная с XX века, уже осознал не только собственную силу, но и свое бессилие. Антропоцентристская гордыня была повержена уже после мировых войн и последующего создания атомного оружия, когда человечество отчетливо осознало, что оно смертно, а конец XX века оголил проблему выживания.

Оказалось, человек не свободен от природы, а его покорительская сила бумерангом обернулась против него. И поскольку образование продолжает служить средством для подготовки того же человека, работает в тех же целях, оно оказывается неадекватным современному миру, его новым реальностям.

Итак, одно из назначений религии состоит в объяснении смысла существования человека на земле (Достоевский: «Тварь я дрожащая или право имею?»).

Общеизвестно, что навязываемая нам сегодня западная модель потребления ставит под сомнение само существование человеческой цивилизации (Международные конференции в Рио-де-Жанейро, 1992 г.; Новосибирске, 2011 г. и др.). Безудержная свобода, гедонизм или соборность? Апокалиптический зверь («право имеет») или христианский

ответ – вот на какие вопросы нам предстоит отвечать, возможно, в самое ближайшее время.

Третий тезис базируется на том, что рассматривая светский и религиозный подходы к нравственному воспитанию, являющемуся актуальнейшей проблемой современного образования, нельзя не заметить следующих различий в рассмотрении направленности нравственного различия: задача в светском варианте образования ставится как накопление и осмысление школьниками знаний по различным наукам, что впоследствии даст им возможность либо продолжать образование, либо найти иное практическое применение своим способностям.

С христианской точки зрения, «цель обучения – это, прежде всего, воспитание души и духа», «в школе дети получают образование, чтобы духовно выстоять в будущей взрослой жизни». В анализе движущих сил нравственного развития в светском понимании *выполнение нравственных норм* зачастую диктуется внешними причинами (например, осуждение близких, давление общественного мнения), в то время как для религиозного человека сила нравственности заключена в нем самом, в понимании источника моральных ценностей.

Религиозный подход к процессу формирования нравственных ценностей у человека определяется и тем, что в «жизни не следует доверять себе, своему сердцу и рассуждению. В разрешении вопроса, что вредно и не вредно, надо руководствоваться указаниями Писания». Светский же подход диктует ориентацию на нравственные ценности, формируемые изменяющимся общественным сознанием.

Таким образом, что даст учащимся изучение религиозных, в частности, христианских ценностей?

Более глубокое проникновение в содержание произведений педагогической и художественной литературы и искусства, их этику и эстетику; историю народа, его историко-культурное наследие; углубленное восприятие мировоззренческих, философских доктрин, возникших в разные эпохи; многомерность в постижении окружающего мира; выработку собственного отношения к проблемам духовности в условиях существования материалистического и идеалистического мировоззрений; внесет недостающую адекватность в современную парадигму образования.

Вопрос «Есть ли Бог?» каждый решает для себя сам. Религия же существовала, существует и будет существовать. Отсюда, ее изучение и рефлексия необходимы в стандарте современного образования.

Исходя из вышеизложенного возникают актуальные задачи образования:

- исследовать инвариант содержания культурных ценностей религии;
- разработать методику изучения культурных аспектов религии с тем, чтобы найти возможность их соединения с содержанием

современного образования, процессом духовно-нравственного развития подрастающих поколений.

Образование при этом, безусловно, остается светским, но возвращает историческое уважение к религиозным ценностям в условиях плюрализма культур, гетерономности истины. Представляется, что существенным резервом формирования у школьников общекультурного кругозора, ценностных ориентаций может быть их активное включение в самостоятельную индивидуальную поисковую работу по изучению культурных смыслов религиозных ценностей в форме подготовки рефератов, докладов, публикаций. Критериями успешности при этом являются – добровольность участия, достаточность времени на выполнение, систематическая квалифицированная индивидуально-консультативная помощь преподавателя.

Весьма эффективна такая форма приобщения к культурным ценностям христианства как участие учащихся в образовательных проектах, связанных с христианской культурой. Приведем некоторые темы проектов, апробированные в собственной опытно-экспериментальной работе:

- Совесть – голос Божий в человеке.
- Любовь – необходимое условие жизни семьи.
- Нравственный смысл послушания и своеволия в Священной истории.
- Влияние поста на духовную жизнь человека: борьба плотского и духовного.
- Молитва и ее роль в духовной жизни человека: описание силы молитвы в житийной литературе.
- Традиции благотворительности на Руси, Понятие заповеди о любви к ближнему.
- Смысл христианской заповеди «Чти отца своего».

Опыт показывает, что проведение подобной самостоятельной исследовательской работы позволяет учащимся расширить и углубить свои знания, формировать навыки исследовательской деятельности, представить результаты на Днях науки, школьных, городских и республиканских конференциях, а главное – приобрести новый духовный опыт.

Литература

1. Бердяев Н.А. Новое Средневековье (Размышление о судьбе России).- М., 1924.
2. Ленин В.И. ПСС.–Т.54.–С.440.
3. Шестов Л. Умозрение и откровение. –Париж, 1964.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ НОВОГО ПРЕДМЕТА «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ»

Т.Д. Шапошникова, к.п.н.

Институт теории и истории педагогики РАО, Москва

Знаковым событием для политики в области образования стали совместным заявлением, сделанные 21-го июля 2009 г. Президентом РФ Д.А. Медведевым и Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом. Они подвели черту под многолетними дискуссиями о присутствии предметов религиозно-нравственной тематики в программе начальной и средней школы. Решение является, с одной стороны, однозначно позитивным для религиозных организаций, а с другой стороны, компромиссным, то есть вполне отражающим ситуацию взаимоотношений между конфессиями и обществом.

«Основы православной культуры», предмет, который с начала 90-х годов в качестве регионального компонента, читался в школах, утратил свою особую конфессиональную направленность. Речь идет ныне об «Основах религиозных культур и светской этики». Декларирован культурологический язык подачи материала, а также право выбора родителями блоков, связанных с православием и другими традиционными религиями России (ислам, иудаизм, буддизм), светской этикой или мировыми религиями. Таким образом, вроде бы учтены интересы и права и атеистов, светских гуманистов и представителей неправославных исповеданий. На самом деле и разработчики проекта, и авторы учебников данного предмета хорошо понимают, что «поле культуры», в рамках которого предлагается преподавать этот курс, культурологическая методология создают неоспоримые преимущества именно православному христианству, ведь культурообразующая роль Православия в судьбе России несопоставима ни с одним другим конфессиональным влиянием.

Вопрос, однако, заключается в технологии реализации это значимого сегодня для страны проекта, а важнейшим аспектом следует признать учет психологии учащихся и учащихся. На плечи учителей ложится огромная ответственность за то, чтобы предмет не расколол российское общество, а помог решить важнейшие задачи социализации школьников, их идентификации, духовно-нравственного воспитания. Ведь основной целью вводимого нового предмета является формирование у младших школьников «...мотивации к осознанному нравственному поведению, основанному на знании культурных и религиозных традиций многонационального народа России и уважении к ним, а также к диалогу с представителями других культур и мировоззрений» [1, с.3].

Решать эту задачу возможно только совместными усилиями: в Стандартах записано, что сотрудничество школы, культуры, науки и

религии в воспитании, понимание того, что нравственные основы мотивации поведения человека имеют непреходящую ценность, можно направить в русло социального творчества, понимаемого как любая созидательная деятельность во имя общественного блага.

Выдвижение задач воспитания на первый план требует изменения педагогического сознания и мышления: современный учитель должен видеть основу успешности ученика (а значит и собственной педагогической работы) и основу успешности и благополучия своей страны не только в «знаниях по предмету», навыках и умениях, компетенциях, а, прежде всего, в обретении подрастающими поколениями нравственной опоры, нравственного фундамента, содержащего основные нравственные ценности и нормы человеческой цивилизации и нашего общества.

При этом следует помнить, что духовно-нравственная культура – это не просто новый предмет, не отдельная дисциплина – это непрерывное воспитание мироощущения, воспитание чувств. Духовный компонент, нравственные коллизии присутствуют во всех видах знаний, то есть во всех предметах школьного курса можно и нужно акцентировать его нравственную составляющую. Таким образом, приоритетом развития образования становится формирование духовно-нравственной культуры обучающихся и разработка и внедрение предметов данной тематики в учебный план школы становится особенно актуальным. В контексте всего вышесказанного предлагается рассматривать и внедрение нового предмета «Основы духовно-нравственной культуры народов России».

Гуманистическая направленность образования основывается на праве ребёнка получать всю полноту знаний о нашем мире, о мировой культуре и о религиях мира, как важной составляющей этой культуры. А светскость государства и школы определяется, в том числе, и в большей степени характером отношений, сложившихся между ними и религиозными организациями, признанием свободы вероисповедания и мировоззренческих позиций всех граждан страны и участников образовательного процесса.

Знания о религиозной культуре, как части общей культуры человечества, должны преподаваться в светской школе в соответствии с общеобразовательными критериями, в неконфессиональном варианте, как развивающее знание. Духовно-нравственное образование должно включать в себя знакомство школьников с основными ценностями (общечеловеческими, российскими) и этическими нормами. Очевидно, что наряду с научными знаниями, информацией о законах развития человеческой цивилизации, обществе, культуре невозможно не знакомить обучающихся с основами религиозной культуры в целом и традиционных для нашей страны религий в частности без ущерба для качества образования, формирования духовно-нравственной культуры личности.

Не стоит забывать, что в наши дни большинство людей планеты верит в духовную сверхсущность как источник жизни. Процессы глобализации привели к тому, что мы живем в постоянно и стремительно меняющемся мире и охранительная функция религий в нем достаточно велика. Духовная культура общества обогатилась в последние годы таким феноменом как мультикультурность и плюрализм. Школа должна и может стать для своих воспитанников местом, где есть возможность их участия в диалоге мировоззрений и приобретения ими опыта тех взаимоотношений и взаимосвязей, которые реально существуют за ее пределами. Новый предмет должен и может сыграть в этом важную роль.

Культурные, в том числе религиозные культурные традиции, необходимо изучать из уважения к своему и другим народам и во избежание разного рода недоразумений и конфликтов, которые возникают, когда люди не знают духовных ориентиров и убеждений друг друга и связанных с ними традиций. Чтобы понять, почему они в конкретном случае поступили так, а не иначе, нужно знать нравственные законы и принципы, которыми люди руководствуются в жизни. Общаясь с человеком, следует знать, что для него свято, как он может понять те или иные наши поступки или слова.

Нормы человеческого общежития требуют взаимного уважения и уступчивости. Необходимо также умение избегать столкновений, не поступаясь своей совестью и не предавая личных, национальных, государственных и семейных традиций, интересов, идеалов и святынь. Культурная толерантность – это необходимые условия для жизни в поликультурном, многонациональном и мультирелигиозном социуме. Религиозное и культурное многообразие сегодня составляет в жизни некогда монолитно-культурных анклавов не неизбежность, а просто факт действительности. Наша страна в этом смысле не является исключением: она, как и многие мировые державы, переживает крупномасштабные миграции населения внутри страны и извне. Это влечёт за собой размывание привычных форм культурной самоидентификации. В этих условиях воспитание осмысленного уважения к своей и иной духовной, в том числе религиозной культуре – необходимый ответ на такие вызовы современности как мультирелигиозность и поликультурность общественной жизни. И это является актуальнейшей задачей нового предмета.

Мы живём сегодня в условиях отсутствия единомыслия, в условиях радикального плюрализма мнений. Такие условия существенно затрудняют и без того нелёгкий в детском возрасте процесс самоидентификации личности. Программа нового предмета может стать своеобразным путеводителем в процессе самоидентификации личности ребёнка, помочь осмыслить главные нравственные ценности, выделить принципы культурной самобытности.

Новый предмет не может стать успешным в отрыве от других школьных предметов и вне системы нравственного воспитания в школе в целом. Учет этого может помочь ему реализовать уникальную возможность показать этапы духовной эволюции человечества, связанные с образным представлением истории человечества, с поступательным движением его культуры. Новый комплексный учебный курс позволит систематизировать и дать целостное знание о мире школьникам ещё до подробного изучения и разделения на отдельные предметы. Таким образом, благодаря введению в курс начальной школы нового предмета, ребёнок получит системно-целостное представление картины мира и духовного развития человечества.

В преподавании нового предмета, однако, и на это следует обратить особое внимание, важно соблюдение верного соотношения религиозного и светского. Важно, чтобы современный учитель понимал, ЧТО является содержанием религиозного образования, КАК можно рассматривать факты религиозной культуры, не вступая при этом в конфликт с принципом научности и мировоззренческого плюрализма, лежащими в основе современного школьного обучения, зачем следует изучать основы религиозной культуры в школе; умел правильно проявить свою профессиональную позицию, которая независимо от его личных убеждений и мировоззренческих взглядов, должна быть нейтральной, выдержанной и уважительной по отношению к любой иной культурной традиции. Этого требует принцип светскости школы. Это не означает, что педагог должен скрывать свои убеждения и приверженность определенной культурной традиции, но это значит, что он не может использовать авторитет учителя для навязывания своих взглядов.

Вызывают вопросы и само словосочетание «духовно-нравственное». С нравственным воспитанием наши учителя уже знакомы. А что привносит термином «духовность»?

В философии духовность человека понималась как стремление к абсолюту нравственных истин. Это стремление и опыт порождают высшие способности: разумность, дар речи, волю, совесть, свободу, интуицию, высокие эстетические чувства, творческую активность, открытость в самопознании и в самоопределении, жажду совершенства, способность к любви и служению. Духовность это также и умение устанавливать свободные, продуманные и ответственные отношения с другими людьми, способность брать на себя ответственность за свои поступки и за других людей и все живое на земле.

С религиозной точки зрения мера духовности человеческой жизни определяется очень конкретным отношением – связью человека с Богом. В той степени, в которой человек сознательно выстраивает свою жизнь, исходя из заповедей, данных Богом, можно говорить о положительной духовности его существования.

Таким образом, понятие духовности включает в себя и гуманистические идеалы и религиозные представления, то есть является связующим звеном двух миропониманий. При этом стремление к духовности не только не приводит к противопоставлению двух мировоззрений, но и рождает взаимопонимание, взаимопроникновение в суть важнейших тайн мироздания, позволяющие наиболее полно представить картину мира, что также является важнейшей задачей нашего сегодняшнего образования и воспитания.

В предлагаемом современной школе решении проблемы духовно-нравственного воспитания учащихся, пожалуй, именно взаимодействие с религиозными организациями менее всего ей знакомо и поэтому вопросы некоторой интеграции светской и религиозной, христианской, православной педагогики или поиск оснований для диалога между ними представляется нам важным. В практике решения задач духовно-нравственного воспитания следует обратиться, на наш взгляд, в первую очередь к целям, задачам, средствам их решения православной педагогики, имеющей огромный опыт, к ее ценностям и основным понятиям.

У всех современных культур ценностно-смысловое ядро складывается под влиянием одной из мировых религий. В России такой религией было христианство; в истории страны, в становлении и развитии её духовности и культуры особая роль принадлежит православию. Оно является постоянной во времени этнодоминантой российского общества, то есть связью между обществом и происходящими в нем социальными, в том числе и педагогическими, процессами. Именно поэтому поиск целей и задач духовно-нравственного воспитания, а еще и потому, что педагогика неразрывно связана с такими понятиями, как культура, духовность, (а именно православная педагогика занимает особое место в отечественной истории), должен осуществляться в контексте интеграции основ христианской и светской педагогики.

Например, понимание духовности созвучно одному из ведущих принципов воспитания – принципу незавершенности воспитания (А. Мудрик). Этот принцип предполагает признание каждого возрастного этапа развития человека самостоятельными индивидуальной и социальной ценностями. Принцип незавершенности воспитания основывается на признании того, что в каждом ребенке, подростке, юноше, а в дальнейшем уже и во взрослом человеке есть нечто незавершенное и в принципе незавершенное, ибо находясь в диалогических отношениях с миром и с самим собой, они всегда сохраняют потенциальную возможность изменения и самоизменения; что на каждом возрастном этапе каждый имел возможность "состояться заново": заново познать себя и других, заново развить и реализовать свои возможности, заново найти свое место в мире и смысл своего существования [2, с.171].

В православной педагогике воспитание направлено на правильное иерархическое устройство трех сторон человека – духа, души и тела, то есть на создание условий, способствующих рождению духовной жизни и ее развитию в человеке, приближения его к Богу, совершенствуя его по Божьему образу. Первое и самое важное условие – восстановление человеческой природы, подчинившей свое духовное начало психофизической сфере и тем самым затмившей в себе образ Божий. Отсюда и особое понимание духовности в православии. Но как донести это понимание до сегодняшних учителей, в большинстве своем таких далеких от религии? Для этого необходимо, чтобы школа и религия были готовы к конструктивному диалогу, сориентированы на сотрудничество и взаимопонимание, а не на конфронтацию.

У Л. Толстого есть такое словосочетание: "Пустыня отрочества". Речь идет о пустыне смысловой и ценностной, духовной. И светская школа, и религии могут вести к выходу из этой «пустыни» по-разному, но, желательно, внимательно относясь к опыту друг друга* (*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ. Проект № 11-06-00394- а).

Литература

1. Данилюк А.А. Основы религиозных культур и светской этики. Программы общеобразовательных учреждений 4-5 классы. – М.: Просвещение. – 2010.
2. Мудрик В. Социальная педагогика: Учеб. Для студ.пед.вузов / Под ред. В.А.Сластенина. – 3-е изд., испр. И доп. – М.: Издательский центр "Академия", 2000. – 200с.

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕЗЕНТАЦИЙ НОВОГО УМК ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КУРСА «ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ»

О.В. Воскресенский, магистр богословия
Институт теории и истории педагогики РАО, Москва

Педагогическая ситуация, складывающаяся в школе по поводу введения курса «Основы религиозных культур народов России», едва ли ни беспрецедентна в российской школьной практике. Во всяком случае, для многих учителей и методистов, как её содержательная часть, так и сама структура построения и порядок введения этой новой образовательной области в государственных школах представляет из себя нечто совершенно небывалое и почти невозможное! Как это в светском учреждении можно говорить о религиозных вопросах и высших (а не просто общечеловеческих) духовных ценностях? Как это можно разделять учащихся класса на несколько групп опять-таки по религиозному признаку? Как это можно предоставлять родителям и учащимся полную свободу выбора между шестью модулями курса, причём сохраняя за ними это право в течение всего учебного года? Похоже, сама мера ответственности, вдруг обрушившаяся на плечи учителей или вдруг ими осознанная, вызвала у многих из них реакцию, по меньшей мере настороженную, а во многих случаях откровенно отрицательную. Одно дело – отвечать за эти ученические судьбы и жизни перед ними самими или перед вполне абстрактным «обществом», и другое – принять на себя ответственность за их бессмертные души перед самим их Творцом. Тем более, что о самом Творце у многих современных учителей имеется представление также весьма разнообразное: от полного отрицания даже самого Его бытия до представления о Нём весьма детски-предрассудочного и до вполне духовно-зрелой в Него веры.

Со всеми этими и многими другими факторами автору пришлось соприкоснуться, а в некоторых случаях, и столкнуться в ходе проведения презентаций нового учебно-методического комплекса к курсу «Основ православной культуры», выходящего в этом году в издательстве «Дрофа». Впрочем, уже сам факт предложения учителям на выбор некоего альтернативного набора учебных материалов зачастую вызывал совершенно искреннее недоумение, и даже раздражение. Так каким же всё-таки материалом им должно пользоваться в классе? – слышались недоумённые восклицания участников презентаций. Свободный, личный и ответственный выбор был явно не под силу некоторым из них, и от автора, как участника разработки альтернативного УМК, требовалось немало усилий, чтобы не поддаваться искушению «помочь» им в этом явно затруднительном положении, представив свой материал в качестве самого лучшего или даже единственно достойного внимания.

Другой общей чертой большинства встреч с учителями была их почти радостная готовность признаться совершенно неготовыми к предстоящей им задаче. С одной стороны, это, конечно, не могло не вызывать восхищения их скромностью и личным смирением, а, с другой, свидетельствовало и о весьма распространённом в учительской среде убеждении, что берутся они за дело, им мало знакомое и отчасти чуждое. Судя по некоторым репликам из зала, дела духовные и материальные религиозные им представляются всё-таки скорее вотчиной церкви, а не школы. Не помогали им при этом даже попытки успокоения со стороны служащих местных образовательных органов, заключающиеся, главным образом, в констатации факта: решение принято на правительственном уровне, и с этим уже ничего не поделаешь. Гораздо большего уровня комфорта среди учительской аудитории автору удавалось добиться путём переноса внимания слушателей со слов «религиозный» и «православный» на слово «культура», являющегося ключевым в самом подходе к материалу в новом УМК. Не учить православия (воцерковление), не учить о православии (религиоведение), а учиться у православия (культурология) призван данный курс, что следует, собственно, и из самого названия модуля. Слушателями курса неоднократно и с удовлетворением отмечалось, что именно этим ясным и выдержанным культурологическим подходом новый, альтернативный УМК, по-видимому, выгодно отличается от предыдущих изданий, где на учителя государственной школы, по сути, возлагалась несвойственная ему роль – ознакомления учащихся с основами веры и церковной жизни. Строгостью в соблюдении этого подхода – от явлений культуры к духовно-нравственным нормам – обеспечивается и не нарушение принципа светскости образования, чем, по мнению многих учителей, нешуточно озабочена как родительская, так и самая широкая общественность.

Другим успокоительно действующим средством для учителей, трезво и честно осознающих меру своей некомпетенции в вопросах православной традиции, веры и культуры, был предлагавшийся им семинар на тему «Разумного, научно-исторического основания христианской веры», призванный предоставить в распоряжение современному, рационально мыслящему сознанию доводы научного знания и аппарат научного исследования в поисках тех основ, на которых зиждется вера христиан. Отклики учителей показывают, насколько полезным представляется им этот материал в оказании помощи родителями, коллегами и школьному руководству при совершении выбора между различными религиозными мировоззрениями. Кроме того, материалы семинара, предоставленные слушателям на компакт-диске, рассматривались ими в качестве дополнительного мультимедийного сопровождения, которым они смогут пользоваться при подготовке своих уроков.

Данному вопросу – о необходимости возможно более богатого и обширного привлечения мультимедийных средств для проведения уроков курса «ОПК» – было также посвящено немало вопросов и дискуссий. Сама православная культура (например, культура богослужения), охватывающая и вовлекающая в себя всю личность человека, а не только его вербально–понятийный уровень (например, проповедь, молитва, Писание), подразумевает и даже требует широчайшего использования на уроках средств неязыкового, чувственно-образного и опытно-практического преподавания. Отсюда и вполне законное требование учителей предоставить им максимально возможное многообразие технических средств и мультимедийных ресурсов для наиболее адекватной презентации и раскрытия перед учащимися того богатства, которое накопила, сохранила и передала потомкам многовековая православная культурная традиция.

Этим, отчасти техническим, вопросам, однако, дискуссии не ограничивались, и зачастую переходили к обсуждению таких общих концептуальных аспектов, как, например, целеполагания курса в целом. Троякая цель, которая ставилась разработчиками модуля перед учителями, отражает те три уровня, на которых проходит его преподавание:

1. Приобщение учащихся к культурному наследию православия.
2. Знакомство учащихся с духовно-нравственными ценностями православия.
3. Развитие у учащихся навыков нравственного и ответственного поведения.

Если на первом уровне происходит лишь раскрытие символики, образности или языка того или иного культурного феномена или явления, то на следующих – изучается стоящая за ними духовная реальность и нравственная ценность, причём, изучается в её практическом применении. При этом подчёркивалось, насколько важно развивать в учащихся навыков самообучения, а именно, их способности в дальнейшем искать, находить и узнавать за культурными ценностями те духовно-нравственные нормы, которые в них отражены, и применять их в своей жизни.

Другим основополагающим принципом, вызывающим неизменные вопросы, была упомянутая выше свобода выбора учителями тех материалов и источников, которые они сочтут наиболее подходящими в их классе, в их школе, в их городе и регионе. Впрочем, и в этом отношении, как и во многих других, слушатели резко разделялись на две категории: первая состояла из тех учителей, которым было «дано задание сверху» освоить этот новый и незнакомый им материал, и вторая – из тех, которым было дано *разрешение* этот хорошо знакомый и дорогой их сердцам предмет наконец-то преподавать официально и полноценно. Для последних характерен радостный и творческий подход к делу, смысл и значение которого им знакомы и понятны, а предлагаемые материалы уже,

хоть отчасти, известны по тем факультативам или урокам воскресной школы, которые им уже приходилось вести. Возможность выбора материала, методики и привлечения ресурсов для них абсолютно необходима и продиктована самой природой предмета. Для других, впервые и с опаской подступающих к этому малознакомому для них предмету, необходимость выбора оказывалась сопряжена с ответственностью за личные решения и предпочтения в той области, в которой они себя ещё не чувствуют ни достаточно уверенно, ни достаточно компетентно. Ими высказываются мнения о необходимости чётких методик, разработок и планов, по-возможности, подробно расписывающих каждый их шаг и каждое решение. Очевидно, с приобретением опыта, а также при более детальном знакомстве с предлагаемыми материалами и эти учителя смогут по достоинству оценить не только различные предлагаемые им учебно-методические комплекты, но и сам факт их множественности и разнообразия.

В целом же, большинство учителей, особенно из числа преподававших этот предмет в период его экспериментального введения, выражало самый живой и искренний интерес к ознакомлению с альтернативным набором материалов, к возможности, применять его наряду с уже имеющимися УМК и другими ресурсами. Возможность комбинирования и творческой адаптации всего имеющегося в этой области богатства педагогического опыта – в том числе дореволюционного, иностранного и инновационного – вероятно, является необходимым условием успешного введения этого курса в школьную практику.* (*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ. Проект № 11-06-00394- а).

НАСЛЕДИЕ ДУХОВНЫХ ПАСТЫРЕЙ РОССИИ КАК ПЕДАГОГОВ И ПСИХОЛОГОВ (СВЯТИТЕЛИ ТИХОН ЗАДОНСКИЙ И ФИЛАРЕТ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ)

Л.С. Ярославцева

педагог-психолог, историк МАОУ СОШ №43, Томск

Изначально сущность, основное назначение воспитания заключается в формировании духовного стержня человека – его внутреннего, духовного мира, который проявляется в системе его эмоциональных, ценностных, волевых отношений к окружающему миру и к самому себе

Смысл воспитания органически зависит от смысла человеческой жизни, а смысл – от основ и целей, на которых она зиждется. От этого зависит и само воспитание, и воспитательные методы. Сознание необходимости углубленного основания как для самого человеческого существа, «брошенного в мир», так и для всего, что с ним происходит и, следовательно, для его воспитания, присутствует у всех великих и прозорливых педагогов всех времён и народов. Между тем именно недостаток такого основания, фундамента в наше время является главной причиной, неуверенности современной педагогической мысли, ее проблем в духовности и нравственности.

Как преодолеть этот кризис, придать воспитанию целостность смысла и содержания? Очевидно, что достигнуть этого можно только в открытии, обретении истинных основ воспитания и его главной цели: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом», – в этих словах св. Афанасия Великого заключены основы и цели самого человека и его образования. Это значит, что цель воспитания – не только просвещение и наполнение истиной, красотой и добром, но, прежде всего освобождение человека от несовершенства и зла, помрачающего его. Какими были воззрения православных святителей на российскую педагогику и психологию? Как они создавали систему воспитания и образования? В чём видели сущность назревших проблем? Кто и что было для них образом и идеалом? Каким путём достичь его?

Святитель Тихон Задонский (1724–1783 гг.) Особым вниманием святителя пользовались дети. Он знал важность правильного воспитания и, видя нерадение об этом большинства родителей, с отеческой заботой сам старался воспитать их. Наставления Святителя западали в душу маленьких слушателей. Он понимал, что «...этот возраст, как незлобивый, наиболее приятен к восприятию добра и зла». Святитель Тихон старался укреплять добрые черты характера и искоренять злые даже при раздаче хлеба и денег детям из бедных семей. Вот что он пишет в статье «О христианском воспитании детей»: «Все христиане в святом крещении обновились к новому, святому и христианскому житию, и обещались Богу верою и правдою служить и тако ему угождать. Но

чтобы не развратиться и не прийтись в бедственное состояние крестившимся... неотменно нужно предупредить сие бедственное состояние добрым воспитанием»

Св. Тихон видел задачу педагога в том, чтобы оградить ребенка от развращения, то есть, чтобы максимально сохранить ту чистоту души, которая получена им при святом крещении, он не только обосновал насущную необходимость следования православным традициям в педагогике, но и разработал педагогическую систему, вписывающуюся в российскую действительность того времени.

В творениях задонского архипастыря обнаруживаем ряд мыслей, позволяющих решить проблему воспитания и обучения в рамках православной педагогики. Святитель пишет: «Многие детей своих учат иностранным языкам и художествам, но в деле благочестия не обучают, от чего видно, что и сами того не знают, хотя и христианами называются. Полезно ради общества и коммерции и языкам иностранным обучать, но таинства веры обучать нужно, и нужно неотменно и «едино есть на потребу» (Лк. 10,49). Что во французском или каком другом языке, когда язык научен будет, а сердце не научено добру? Язык хорошо и красно витийствует, но сердце праздно веры и издает смрад неверия, что и родителям и детям бедственно». Эти слова очень точно раскрывают мысль Священного Писания: «В душу злохудожную не войдет премудрость». В другом месте свт. Тихон буквально умоляет «просвещать их (детей) внутренние очи», чтобы научились «горняя мудрствовать, а не земная». Любое педагогическое воздействие должно быть направлено в первую очередь на формирование внутреннего человека, на развитие сердечных качеств ребенка, а затем, благодаря умело созданной таким образом базе, он способен принять в себя «премудрость», получить знание.

У свт. Тихона мы находим также непосредственное указание на сроки начала воспитания: «Как только начнут дети приходить в разум и понимать учение, тотчас должно им вливать млеко благочестия, и в познание приводить Бога и Христа Сына Божия... Ради чего на сей свет рождаемся и крещаемся, и чего по смерти чаем». Замечательность этих слов не только в утверждении необходимости воспитания с самого раннего возраста, «как только начнут в разум приходить», но и в том, что в ней святитель указывает содержание первоначального знания, которое уже в этом возрасте должно быть сообщено детям.

Свт. Тихон указывает, что в деле воспитания физический возраст не столь важен. Несравненно важнее возраст духовный, то есть насколько человек утвердился в вере, преуспел в богопознании, что закладывает фундамент для дальнейшей организации системы наук. При отсутствии же должного фундамента здание, как известно, не может долго и прочно стоять, происходит катастрофа – потеря личностных ценностных ориентиров, психические расстройства – «развращение».

Среди работ святителя есть «Инструкция учителям, како им в должности звания своего поступать...», содержащая рекомендации по организации школьного обучения:

1. Продолжительность обучения зависит от долготы дня, но в любом случае необходим двухчасовой обеденный перерыв. В течение учебного года предоставляются каникулы: двухнедельные – к Рождеству Христову и святой Пасхе, и месячные – во второй половине лета.

2. Расписание занятий должно составляться с учетом возможности смены деятельности учащихся, т.к. «учиться по переменам веселее и охотнее будет»; послеобеденные часы во вторник и четверг целиком посвящаются повторению изученного.

3. В качестве помощи учителю святитель предлагает систему частичного самоуправления: выбрать из учеников «десятских» и им «придать по десяти человек», о состоянии которых «десятские» рапортуют дважды в день «сотскому», который также избирается из числа учеников, «честный, постоянный, разумный». Его обязанность – рапортовать о состоянии учеников самому учителю. Кроме того, учитель должен «определить надзирателей из лучших учеников», в обязанности которых входит проверка выполнения домашнего задания до начала занятий и по приходу учителя – отчет ему о проделанной работе.

Педагогическая система святителя Тихона предлагает нам очень широкий взгляд на мироустройство, на взаимоотношения родителей и детей, учителей и учащихся, что при одновременном направлении каждого элемента педагогического *процесса* на *спасение* души указывает возможные пути возрождения православных традиций в современной школе, с учетом современных социально-исторических особенностей. Оставляя неизменной цель воспитания, выстраивая педагогическую деятельность по принципу единства обучения и воспитания и оставляя место вариативности в тех частях системы, на которые указывал сам святитель, мы можем достичь значительных результатов по возрастанию детей и в духовной, и в интеллектуальной сферах, и в обыденной жизни.

Суждения святителя Филарета, митрополита Московского (1782–1867 гг.) о воспитании и образовании содержатся в его «Отзывах и мнениях» и носят философско-религиозный характер. Вот что он говорил о родительском долге: «Общее правило: пекись о детях - не требует долгого учения и многих доводов. Его проповедует природа. Она говорит в сердце родителей в пользу детей. Но, что более удивительно, природа в самих детях говорит за них, и еще прежде, нежели они говорить умеют: вид младенца умягчает и не родительское сердце, и, если он беспомощен, влечет к тому, чтобы оказать ему помощь».

«Небрегут о детях, если захотят только забавлять их и забавляться ими и особенно тогда, как настанет время более учить их, нежели забавлять

их. Такое неосмотрительное обращение с детьми обличает, и совет против этого подает древний мудрец в следующих изречениях: *«ласкай чадо, и устрашит тя, играй с ним и опечалится. Не смейся с ним, да не поболит о нем. Накажи сына твоего и делай им (то есть трудись над ним), да не в безстудии его поткнешься»* (чтобы не иметь огорчения от непристойных поступков его) (Сир. 30, 9, 10, 13). Премудра и спасительна та родительская любовь, которая стесняет саму себя, несколько удерживает ласку к детям, несколько скупится на утешение им, чтобы сберечь сие в поощрение и награду их послушанию, или успехам в полезном учении.

Небрегут о детях, если и учат их более приятному, нежели полезному. Искусства и познания приятные доставляют жизни человеческой, так сказать, приправы и лакомства, а не хлеб и пищу. Не странно ли бы было заботливо собирать к столу как можно более приправы и лакомств, и не заботиться о том, будет ли хлеб и пища?!

Небрегут о детях, если старательно учат их полезному для жизни временной, нежели спасительному для души бессмертной, если тщательнее мебелируют их голову набором слов и понятий, нежели возделывают виноград их сердца, исторгая из них дикие травы неправильных склонностей и привычек, насаждая в нем благие чувствования к добродетели, ограждая их от ветров легкомыслия и от бурь страстей. Вы обрабатываете в детях будущих граждан, воинов, словесников, письмоводцев, художников, промышленников; хорошо, *но блюдите, да не презрите*, не пренебрегите... того самого, в обрабатывании чего хотят помочь вам *Ангелы, которые на небесех выну видят лице Отца вашего небесного*, не пренебрегите образования в них сынов Церкви, приготовления будущих граждан неба».

Святитель Филарет говорил и о школьном образовании. «Доброе намерение есть доброе основание доброго дела. Но когда положено хорошее основание, тогда еще не все построено. За добрым намерением должна следовать забота о верном исполнении ононого. Забота должна побуждать к размышлению».

«В наше время важность воспитания для всей последующей жизни понята и признана более, нежели в иные времена. Но все ли довольно верно следуют этому направлению? Воспитание ученое, воспитание деловое и воспитание изящное не слишком ли сильно привлекают к себе заботы некоторых воспитателей и воспитываемых видами наружных преимуществ, выгод, славы, удовольствия? Посему не лишне, думаю, напомнить родителям, воспитателям детей апостольское наставление: *воспитывайте в наказании и учении Господни*. То есть словом и делом руководствуйте детей к жизни благочестивой и честной по учению Христову».

«Отдадим долг уважения знанию и учености. Скажем, если угодно, что люди, обладающие глубокими познаниями о предметах природы человечества и общества человеческого, суть очи народа. Однако как не всякому члену тела надо быть оком, так и не всякому человеку общества надо быть ученым.

Но усиленные укоры невежеству и похвалы неопределенно понятому просвещению посеяли в некоторых людях односторонние мысли, что воспитание, достойное своего имени, есть только ученое, что воспитывать – значит преподавать науки, что воспитанным надо почитать того, кто прошел несколько поприщ уроков. Это значит воспитывать более голову, нежели сердце и всего человека. Счастлив воспитываемый, если наставник в учении веры успеет глубже посеять в нем семя духовного учения, нежели другие наставники семена мирских учений, и если духовное семя будет питаемо домашними и церковными упражнениями благочестия под влиянием доброго руководства и примера. Ученика Божественное очистит, утвердит и освятит учения человеческие и сделает их употребительными на пользу частную и общественную, потому что *благочестие*, как говорит апостол, *на все полезно есть, обетование имеюще живота нынешнего и грядущего* (1Тим. 4, 8). Но если благочестие, хотя и говорят о нем постановления, в самой душе воспитываемого не положится в основании мирских учений, то они не будут истинно основательными».

«Ученые сами признали, что воспитание ученое не всегда уместно и с пользою прилагается, особенно к состояниям средним и низшим в обществе. Когда отличили от оного и старались отдельно устроить для сих состояний воспитание деловое, то есть приспособленное к делам сих состояний: к земледелию, ремеслам, художествам, промышленности и торговле. Мысль дельная при дельном исполнении. Впрочем, не мое дело рассуждать о сем. Мой долг напомнить, напомнить, говорю, потому что, думаю, не нужно доказывать, что воспитание деловое только при помощи воспитания благочестивого и нравственного может образовать земледельца, ремесленника, промышленника, торговца, трудолюбивых, честных, способных устроить свое благосостояние и быть исправными членами общества. Не того хочет обычай века. Он употребляет приятные искусства в воспитании так, что они, изъяснимся как можно скромно, являются цветами, не приносящими плодов, и с которыми соединено терние, приятно уязвляющее. По сему предмету чувство благочестивое, чистое, нравственное чувство и опытное благоразумие тщательно должны быть призываемы на совет о том, в каком виде и в какой мере допустить приятное, чтобы под прикрытием его не прокралось вредное – изнеженность, рассеянность, пристрастие к чувственным удовольствиям.

Мир представляет себе забавы почти такую же потребностью жизни, как труд, пища и покой. Он думает жить играя. Нет, братие, жизнь не игра, но дело важное. Земная жизнь дана человеку для того, чтобы из нее рукой свободной воли, силою Божией благодати, выработать вечное блаженство. Кто понял сие дело и занялся им как должно, тот едва ли найдет много времени для игр и забав.

Родители и дети, воспитатели и воспитываемые! Помышляйте, и не забывайте, что учения человеческие приготавливают к жизни временной, но и ее не могут сделать счастливою без помощи учения Господня, а учение

Господне приготовляет к вечной блаженной жизни, которой и да сподобит Бог всех нас кратким или долгим, но верным и правым путем достигнуть».

Для кого – то из наших современников эти суждения покажутся архаизмами и место им на книжной полке – не более. Но... Так как понимали воспитание и образование святители, оно приобретает совершенно новый смысл! Оно перестаёт быть просто приобретением знаний в одной или нескольких областях, но приобретает антропологический, этический, и глубоко духовный смысл. Воспитание и образование – значит обновление, возрождение образа Божия в человеке, его раскрытие и развитие. Просто верующий народ, не отравленный поверхностным европейским рационализмом, не забыл и сохранил в своём языке то этическое значение образа (**без–Образие, без–Образный человек**), которое свидетельствует об органической связи воспитания, образования, этики и духовной жизни вообще. Такой подход к воспитанию не отрицает и не исключает современного педагогического опыта. Более того, всему, что есть правильного в этом опыте, он даёт внутренний стержень, стабильность и смысл, раскрывает истинный образ человека и его вечное предназначение. Без этого **образа**, в сущности, **Богообраза**, как нерушимого единства и высшей ценности всего существующего, всё, что происходит в космосе и с космосом, в мире и с миром, в человеке и с человеком, вся человеческая история, которая включает в себя и историю воспитания и историю образования, теряет смысл существования, своё истинное значение. С ним и в нём всё возникает – вовек, образно и творчески, Богообразно и Христообразно, вечно и богочеловечно. Итак, если светская педагогика воспитывает человека в человеке, то православная педагогика и образование **идут дальше. Они неотделимы от обожения человека, как конечной цели истинного воспитания.**

Литература

1. Архимандрит Иоанн (Маслов). Свт. Тихон Задонский и его учение о спасении. – М., 1995.
2. Житие святителя Тихона Задонского. – М., 1894
3. Митрополит Амфилохий (Радович). Основы православного воспитания. Серия: Церковь и образование. Вып. Пермь: ПО «Панагия», 2000.
4. Лебедев АЛ. Великий и в малом Московский митрополит Филарет. – М., 1999.
5. «Христианство». – Энциклопедический словарь в 3-х тт.
6. Священник Е .Шестун. Православная педагогика. – М., 2001.

РОЛЬ СВЯТООТЕЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ДУХОВНО- ПРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ СОВРЕМЕННОГО ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Е.А. Кривоносова
МАОУ СОШ №43, Томск

Имея 17-летний стаж работы в школе и, воспитывая четверых детей, невозможно закрыть глаза на проблемы, с которыми неизбежно сталкиваешься на работе и дома. В общем, все они связаны с духовной ограниченностью, опустошенностью и нравственным недоразвитием наших детей.

В наше время стало модным развивать умственные и физические способности своих чад. Чем только они не занимаются: и английским, и хореографией, и спортом. И всё бы было замечательно, если бы не одно «но». О том, что у ребёнка есть душа и дух мало кто помнит. Они то и остаются забытыми, невозделанными, заросшими «сорняками» в процессе погони за знаниями, дипломами, кубками, медалями и прочей мишурой. Поэтому внутренний детский протест и выливается в огромное количество физических и психических заболеваний. Неверно расставленные жизненные приоритеты делают наших детей несчастными. Их детство заполнено телевизором и компьютерными играми, они не умеют играть и общаться. Вместо пупсиков и плюшевых мишек девочки играют в Барби и куклы Winx, а мальчики в роботов -трансформеров, завоевателей мира. Иногда, кажется, что некоторые из них тоже превращаются в бездушных существ, способных только есть, пить и исполнять собственные прихоти.

Можно много об этом говорить, приводить примеры, но давайте задумаемся, что мы можем лично сделать, для того, чтобы оживить детские души, донести до них смысл настоящей жизни, раскрыть в них то хорошее, что заложено в них самим Творцом.

Можно ответить словами Оптинского старца Амвросия: «Отчего человек бывает плох? Оттого, что забывает, что над ним Бог».

Возможно, это «глас вопиющего в пустыне», но вспомнить о душе, о Том, кто её сотворил – это единственный выход спасти подрастающее поколение от нравственной деградации.

Люди, которые работают с нежными детскими душами, должны «начать с себя». Как говорил прп. Серафим Саровский: «Стяжи мирен дух и возле тебя спасутся тысячи». Где же найти источник того, что может помочь стяжать тот самый мирный дух, о котором говорил о.Серафим ?

Сегодня мы имеем возможность почерпнуть крупницы духовной мудрости из богатого наследия святых отцов, которые являются истинными знатоками человеческих душ. Многие люди обращаются к

психологам, психотерапевтам, но они не могут до конца распознать тайны внутреннего мира человека, а святые познали их собственным опытом.

Слова святых просты и в тоже время мудры, в них всегда можно найти нужный совет для любой жизненной ситуации. Приведу примеры некоторых высказываний святых, которые можно использовать как «стратегическое оружие» в борьбе против разрушения божественного образа ребёнка.

Например, один из Святых отцов, Св.Ефрем Сирин, живший в 4 веке, оставил после себя знаменитые сочинения.. Если мы посмотрим в оглавление, в одну из его книг, то увидим следующие заглавия:

"О страхе Божиим, О безстрашии, О любви, О неимеющих в себе любви, О долготерпении, О неимеющем в себе долготерпения, О терпении, О неимущем в себе терпения, О негневливости, О вспыльчивости, О кротости, О лукавстве, Об истине, О лжи, О послушании, О непокорности и ропоте, О том, чтобы не иметь зависти и соперничества, О зависти и соперничестве, О том, чтобы не быть злоречивым, О злоречии и злоречивых, О воздержании, О невоздержании".

Не это ли мудрость, не это ли нужно поставить во главу угла при воспитании бесценной души человеческой? Все это прекрасные, глубокие и мудрые описания внутреннего состояния человека. Не длинные, а всего лишь по пол странички, но насыщенные мудростью.

Для примера приведу одно из этих творений из книги Св.Ефрема Сирина (Творения, Часть 1-я, с.7). Обратите как хорошо, как глубоко, как красочно описан человек, не имеющий в себе любви.

О неимущих в себе любви

Неудачлив и жалок, кто далек от любви.

Он проводит дни свои в сонном бреду.

И кто не станет жалеть того человека,

который далек от Бога,

лишен света и живет во тьме?

Ибо говорю вам, братия:

в ком нет любви Христовой,

тот враг Христу.

Не солгал сказавший, что

"ненавидяй брата своего человекоубийца есть" (1 Иоан.3:15),

"и во тме ходит" (2:11),

и легко улавливается всяким грехом.

В ком нет любви

тот скоро раздражается,

скоро приходит в гнев,

скоро распаляется ненавистию.

В ком нет любви,
тот радуется несчастью других,
не сострадает падающему,
не простирает руки к лежащему,
не подает совета падшему,
не поддерживает колеблющегося.

В ком нет любви, тот ослеплен умом,
тот друг диаволу,
тот изобретатель всякого лукавства,
тот заводчик ссор,
тот друг злоречивых,
собеседник сплетников,
советник обидчиков,
наставник завистников,
работник гордыни,
сосуд высокомерия.

Одним словом: кто не приобрел любви,
тот орудие противника,
блуждает по всякой тропинке
и не знает, что во тьме ходит.

С детьми нужно обязательно говорить о смысле жизни, черпая знания в тех же богатейших источниках. Например:

❖ Жизнь сердца – это любовь, а его смерть – это злоба и вражда. Господь для того и держит нас на земле, чтобы любовь всецело проникла наше сердце: это цель нашего существования. (Иоанн Кронштадский), Усердно прошу вас, как искреннего друга, не набивать головы своей пустошью и вздором, но употребить память свою на прочтение книг, наиболее духовных и назидательных. *Преподобный Антоний Оптинский (1795-1865)*,

❖ Литература, зрелища, вино губительно действуют на общественную нравственность. Чрезмерно размноженные светские повременные издания, усиленно распространяемые в народе, неблагоприятно действуют даже тем, что возбуждают и питают не столько истинную любознательность, сколько бесплодное любопытство; дают много чтения приятного и занимательного, но мало назидательного, доставляют познания отрывочные, смешанные, сбивчивые, но с тем вместе поглощают внимание и время, отвлекают от чтения книг основательных, делают умы поверхностными и ленивыми

для глубоких размышлений о важнейших предметах знания. *Святитель Филарет, митрополит Московский (1783-1867),*

❖ Льстив, обманчив путь земной жизни: для начинающих он представляется бесконечным поприщем, исполненным действительности; для совершивших его – путем самым кратким, обставленным пустыми сновиденьями. Покайтесь!(свт. Игнатий Брянчанинов).

А какие прекрасные притчи на все случаи жизни можно использовать в душеполезных беседах с детьми. Вот, например, притча старца Паисия Святогорца «Пчела и муха» не оставит детей равнодушными, а заставит их сделать выбор между добром и злом.

На лугу росло множество цветов. Здесь были и белые благоухающие лилии, и гиацинты, и высокие синие ирисы. И маленьким цветочкам тоже нашлось место в траве. Ветер наклонял их, весело колыхал траву и листья, и аромат разносился далеко-далеко!

Над поляной, над цветами, трудились пчёлки. Они собирали сладкий нектар, чтобы подкормить молодняк в улье и запастись едой на долгую холодную зиму.

Сюда-то и прилетела муха. Она недовольно жужжала и оглядывалась. Одна маленькая пчёлка, оказавшаяся здесь в первый раз, вежливо спросила муху:

– Не знаете ли Вы, где здесь белые лилии? Муха насупилась:

– Не видела я здесь никаких лилий!

– Как! – воскликнула пчёлка.– Но мне говорили, что на этом лугу должны быть лилии!

Цветов я тут не видела, – пробурчала муха. – А вот недалеко, за лугом, есть одна канава. Вода там восхитительно грязная, а рядом столько пустых консервных банок!

Тут к ним подлетела пчёлка постарше, державшая в лапках собранный нектар. Узнав, в чём дело, она сказала:

– Правда, я никогда не замечала, что за лугом есть канава, но я столько могу рассказать о здешних цветах!

Вот видишь, – сказал отец Паисий. – Бедняжка муха только и думает о грязных канавах, а пчёлка знает, где растёт лилия, где – ирис, а где – гиацинт.

И люди так же. Одни похожи на пчёлку и во всём любят находить что-то хорошее, другие – на муху, и во всём стремятся увидеть только дурное. А ты на кого хочешь быть похожим?

А главный арсенал духовной борьбы это, конечно, священное писание. Прочитавший эту книгу, просто перерождается. Святые отцы говорят, что в ней прослеживается развитие души человека. Взять хотя бы притчи Соломоновы, они не потеряли злободневности и в наше время:

❖ Начало мудрости – страх Господень; глупцы только презирают мудрость и наставление. (Иов. 28, 28. Пс. 110, 10. Еккл. 12, 13.),

- ❖ Слушай, сын мой, наставление отца твоего и не отвергай завета матери твоей,
- ❖ Потому что это – прекрасный венок для головы твоей и украшение для шеи твоей. (Прит. 4, 9.),
- ❖ Сын мой! если будут склонять тебя грешники, не соглашайся; (Прит. 4, 14.),
- ❖ Если будут говорить: «иди с нами, сделаем засаду для убийства, подстережем непорочного без вины, (Иер. 5, 26. Мих. 7, 2.),
- ❖ Живых проглотим их, как преисподняя, и – целых, как нисходящих в могилу; (Пс. 123, 3.),
- ❖ Наберем всякого драгоценного имущества, наполним дома наши добычей,
- ❖ Жребий твой ты будешь бросать вместе с нами, склад один будет у всех нас»,
- ❖ Сын мой! не ходи в путь с ними, удержи ногу твою от стези их, (Пс. 1, 1. Мат. 5, 29.),
- ❖ Потому что ноги их бегут ко злу и спешат на пролитие крови. (Ис. 59, 7. Рим. 3, 15.),
- ❖ В глазах всех птиц напрасно расставляется сеть,
- ❖ А делают засаду для их крови и подстерегают их души. (Мат. 26, 16.),
- ❖ Таковы пути всякого, кто алчет чужого добра: оно отнимает жизнь у завладевшего им,
- ❖ Премудрость возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой, (Прит. 8, 1-2. Лук. 11, 49. Кол. 2, 3.).

В заключение хочется сказать, что, посеяв хотя бы маленькое зёрнышко, можно надеяться на его развитие, и с верой в промысел Божий ждать всходов. «Если уничтожится милосердие на земле, то всё погибнет и истребится» (св. Иоанн Златоуст).

**ПРОГРАММА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
«ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЙ ЗАВЕТ.
ПРИТЧИ ХРИСТОВЫ»
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С УЧАЩИМИСЯ 4-5 КЛАССОВ ВО
ВНЕУРОЧНОЕ ВРЕМЯ)**

К.Ю. Петрова

ДДТ «Планета» руководитель детского творческого объединения на
базе МАОУ СОШ № 43, Томск

С апреля 2010 г. в общеобразовательных учреждениях 19 регионов РФ, включая Томскую область, началось преподавание экспериментального курса ОРКиСЭ.

К этому времени в МАОУ СОШ № 43 Ярославцевой Л.С. старшим классам читались курсы «Православная культура и ее памятники» с 1988 г. и «Русская иконография» с 2001 г.

В процессе реализации курса ОРКиСЭ в МАОУ СОШ № 43 ребята проявили искренний интерес к православной культуре, традициям. У них возникла потребность в дополнительных занятиях. Основываясь на интересах ребят и собственном опыте обучения в школе: факультативные занятия, участие в Днях Славянской письменности и культуры, творческих православных фестивалях, конкурсах, у меня появилось желание проводить для них дополнительные занятия. А для того чтобы эти занятия не были спонтанными, импровизационными, была создана программа духовно-нравственного развития для занятий по интересам в дополнение курса ОРКиСЭ, модуль ОПК. Программа способствует преемственности изучения курсов, реализуемых на базе школы.

Программа «Основы православной культуры: Новый Завет. Притчи Христовы» предназначена для проведения занятий по интересам в средних классах учреждений, обеспечивающих получение общего среднего образования, учреждениях дополнительного образования, может быть использована и во внешкольных воспитательных учреждениях.

Содержанием православной культуры является, прежде всего, культура духовная и нравственная. Усвоение знаний о православной культуре является не единственной целью реализации проекта. Предлагаемые сведения из Священного Писания и жизни Церкви важны для формирования ценностных ориентиров, усвоения критериев оценки добра и зла, постижения культурных, нравственных и духовных традиций.

Программа проекта направлена на работу с младшими школьниками, она включает методы активной деятельности, прежде всего, творческой и интеллектуальной, с учетом особенностей возрастного развития детей.

В современном мире существует много других, кроме школы, источников информации: компьютерные сети, телевидение, радио, видео...

Эти источники более информативные, зрелищные и яркие. Значит, школа должна предложить не просто информацию, а деятельность. При этом серьезные базовые знания обязательны, но деятельность нельзя заменить механической передачей, запоминанием и воспроизведением информации.

Программа предполагает усвоение материала в сочетании и с помощью творческой изобразительной, декоративно-прикладной деятельности.

Использование игровых методик, занятия декоративно-прикладным, изобразительным творчеством способствуют гармоничному развитию детей, развитию мелкой моторики, речи, памяти, образного восприятия.

Проект предполагает работу с учащимися в канве изучения Новозаветных притч. Выбор из православных сюжетов именно притч обусловлен яркостью, наглядностью их изложения, широкими возможностями совместного обсуждения, иллюстрирования притч и их объяснений.

Выполнение творческих проектов способствует и развитию организованности, помогает ставить реализуемые цели и в соответствии с ними рационально распределять время. Таким образом, после каждого творческого занятия обучающиеся могут наблюдать *видимые результаты* своей деятельности, что является важным стимулом к ее продолжению, развитию.

Целью проекта является настрой обучающихся на познавательную и творческую активность, выработка навыков теоретического осмысления предмета, закрепление основных знаний, умений, навыков обучающихся.

Задачи проекта:

- Формирование понимания основ духовно-нравственной культуры на православных традициях, культуры отношений на основе православных ценностей;
- Формирование умения извлекать нравственные уроки из изучаемых сюжетов;
- Формирование навыков построения речи, ведения дискуссий;
- Создание условий для развития и реализации творческих и интеллектуальных способностей учащихся;
- Развитие творческого и аналитического мышления через работу с иллюстративными материалами, творческие занятия, участие в дискуссиях и тематических играх;
- Развитие мелкой моторики;
- Помощь в развитии позитивного мировосприятия, умения применять полученные практические знания.

Формы, методы, способы и средства реализации:

- Лекционная форма работы;
- Информационно-коммуникативные технологии;

- Групповые формы работы, различные игровые технологии;
- Представление иллюстративного материала, совместный и самостоятельный его анализ;
- Занятия изобразительным, декоративно-прикладным творчеством;
- Самостоятельная работа обучающихся (анализ текстов притч, подготовка и презентация сообщений).

Материал программы структурирован, ее содержание представлено в тематических блоках, позволяющих последовательно и многосторонне знакомить школьников с предметом. Содержательная часть программы предусматривает повторное обращение к изученному, постепенное расширение и углубление знаний и навыков обучающихся.

Использование программы.

В 2010–2011 учебный год на базе МАОУ СОШ № 43 осуществлялась работа по программе духовно-нравственного и творческого развития младших школьников. **Достижения, итоги, результаты** в рамках программы дополнительного образования гуманитарного направления:

Ознакомление школьников с видами различными деятельности, способствующими успешному освоению предмета;

Формирование понимания основ духовно-нравственной культуры на православных традициях, знания нравственных заповедей, изложенных в библейских сюжетах;

Умение извлекать нравственные уроки из прочитанных сюжетов;

Развитие навыков построения речи, ведения дискуссии, творческого мышления через работу с иллюстративными материалами, творческие занятия, участие в дискуссиях и тематических играх, тренингах;

Развитие позитивного мировосприятия, умения применять полученные знания, реализовывать творческие и интеллектуальные способности.

Приложение. Примеры занятий:

Блок 4. Притчи о поступках, их причинах и последствиях

Занятие 2. Притча о двух лептах бедной вдовы

Цели и задачи:

- *Изучение новозаветной притчи и ее осмысление;*
- *Формирование у обучающихся целостного представления о добродетели, о ценности поступков;*
- *Формирование у обучающихся навыков использования собственного опыта и логики для вникания в темы, понимания явлений*

Методы и средства:

- *Обращение к знаниям, полученным ранее, сопоставление информации;*
- *Групповое обсуждение;*
- *Использование иллюстративного ряда (иллюстрации притчи, изображения новозаветных монет).*

Текст притчи:

1 Взглянув же, Он увидел богатых, клавших дары свои в сокровищницу;

2 увидел также и бедную вдову, положившую туда две лепты;

3 и сказал: истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила;

4 ибо все те от избытка своего положили в дар Богу, а она от скудости своей положила все пропитание свое, какое имела. (Лк.21:1-4); (Марк.12:41-44)

Тезисный план занятия:

Однажды, когда Иисус Христос был у храма, он наблюдал за людьми, которые оставляли свои пожертвования.

Много проходило людей, и многие жертвовали деньги. Люди эти были богаты, и для них не было трудным даровать в сокровищницу. И многие из них и клали много. И было это им не в тягость.

Подошла же туда и одна бедная вдова. (Кто такая вдова? Понятно, почему она бедна?)

И она тоже принесла свой дар в сокровищницу. Вдова положила в сокровищницу две лепты. (Лепта – полушка, самая мелкая римская монета).

По традиционным меркам вдова пожертвовала небольшую сумму. И тем менее эта сумма значительна в сравнении с внушительными пожертвованиями богатых людей, сделанными в тот день.

Но для этой вдовы даже такой вклад был существенен. Добывать средства к существованию ей приходилось с трудом. Оттого, тем более значителен ее вклад, что эти деньги достались ей куда труднее, чем богачам их средства. (А для нас то, что труднее достается, бывает дороже того, что много стоит? Дорожим ли мы этим? А не имеющее цены?)

Вдове, чтобы сделать это пожертвование, нужно было скопить средства, и, вероятно, ограничить себя в чем-то, чтобы сэкономить. Ей хотелось сделать это пожертвование, и именно ради него вдова скопила эти средства.

Богатые же люди просто использовали, таким образом часть своих доходов. Это не значит, что они не были благочестивы или их вера была слаба. Однако само дело веры их было меньше, так как не требовало от них больших усилий.

Христу Богу конечно, лучше всех известно было все это.

Потому Он и сказал в назидание слушающим Его, что именно вдова на самом деле принесла самый большой дар. Так как все от избытка доходов своих делали дар Богу, а она от скудости своей положила все пропитание, какое имела.

В новозаветное время в Палестине в основном использовали греческие и римские монеты. Они, и одна монета иудейской чеканки упоминаются в книгах Нового Завета.

Иудейская монета: серебрянный. Греческие монеты: драхма, дидрахма, мина. Римские монеты: динарий, ас, кодрант, лепта.

Лепта – это самая мелкая римская монета, 80 таких монет равняется динарию – ежедневной плате за службу римскому воину.

Динарий – ежедневная плата римскому воину, договорная сделная рабочему, поголовная подать (налог) иудеев римлянам. Динарий = 10 медных асов = 40 кодрантов = 80 лепт.

Серебрянный – национальная монета, особо употреблялись при храме. 30 серебрянников – по новозаветным ценам, сумма достаточная для покупки участка земли, даже в окрестностях Иерусалима.

Таланты, отправляясь в путь, Господин давал своим рабам. (Какие еще помним упоминания денег в Новом Завете?).

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ. ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Н.В. Кулешова

педагог-психолог МОУ СОШ № 58, Томск

Прошрое столетие – это взлет научно-технического прогресса. Человеческая мысль шагнула далеко вперед, постигая и осваивая новые горизонты в науке, стремясь к техническому совершенству. Технологизация общества изменила и самого человека. Учеными отмечено изменение человеческого мышления преимущественно в сторону критического, преобладание, особенно у молодого поколения, клипового сознания. Стремительный темп современной жизни не оставляет человеку времени ни на обдумывание собственных поступков, ни на человеческое общение, что упрощает жизнь, делая акцент на ее внешней стороне, заставляя человека погружаться в сиюминутные проблемы, не замечать главного.

Современного человека явно преследует дефицит времени. В детском возрасте существенно сократилось количество времени на сон, на живое общение со сверстниками и родителями т.к. такие технические искушения как телевизор и компьютер стараются его поглотить. В школьном возрасте детские увлечения приобретают форму зависимости (игровой, компьютерной, онлайн-овой и т.д.), и забирают уйму времени. Кроме того, существующие высокие требования к качеству образованию, приводит к тому, что школьник вынужден посещать дополнительно различные курсы, занятия, заниматься с репетиторами, что забирает остатки свободного времени. В молодости человек в промежутках между работой и попытками отдохнуть от суеты, пытается создать семью, на основе вспыхнувших чувств, не успевая разобраться в серьезности произошедшего. И как результат увеличилось количество разводов, неполных семей, брошенных детей. К годам пятидесяти, порядком устав, человек пытается философски взглянуть на мир, получить прозрение и пожалеть о нехватке времени, о том, что большая часть времени была потрачена на суету, спешку, что не было возможности сделать, что-то более важное. На лицо явный дефицит времени и огромный запрос на духовную составляющую в нашем мире. Как же решить возникшую проблему.

В настоящее время делаются попытки решить данную проблему на государственном уровне через введение в учебный процесс таких предметов как «Этика», «Психология», «Основы мировых религиозных культур и светской этики» и т.д. Где детям дается возможность, в рамках изучаемого предмета размышлять о жизни, о своем месте в мире, формировать собственную мировоззренческую позицию, на основе духовно-нравственных норм и ценностей.

Процесс духовно-нравственного воспитания в рамках предметного обучения в школе имеет свои особенности.

Во-первых, невозможно воспитывать ребенка, в рамках какого-то отдельно взятого предмета, это процесс непрерывный, целостный и не подлежащий дроблению. Поэтому чтобы он был эффективен, необходима заинтересованность и сосредоточенность усилий не только отдельного учителя, а важно участие и желание всего педагогического коллектива.

Во-вторых, процесс духовно-нравственного воспитания очень сложен, кропотлив, предъявляет массу требований к личности самого педагога, к его ценностно-смысловой позиции, к его нравственно-духовной основе. Дети очень точно понимают, чем руководствуется педагог, принимая, то или иное решение, анализируют, насколько оно соотносится с заявлениями педагога о себе. Они интуитивно улавливают фальшь, нечестность, ложь, лукавство, они мечутся в поиске учителя как образца и носителя нравственных, человеческих качеств.

В-третьих, в современное время процесс духовно-нравственного воспитания детей требует от учителя подвижничества и ежедневного подвига, умения не обращать внимание на дефицит времени, средств, небольшие зарплаты, снижение престижности профессии учителя. Наш мир ожидает от учителя огромного оптимизма, жизнеутверждающей позиции, стойкости и веры. Именно веры, как некоего общечеловеческого феномена (веры в Россию, веры в будущее, веры в детей, веры в себя), а не как психологическую характеристику, интерпретируемую как уверенность.

Как показывает практика, существенно изменилась и функция учителя. Дети не воспринимают учителя как единственного источника знаний и информации, они хотят видеть в нем помощника, консультанта, куратора, они хотят вместе с ним формировать свое мировоззрение, разбираться в философских вопросах, научиться принимать решения. На сегодняшний день просматривается запрос на учителя как лидера, друга, носителя норм, правил, традиций.

Никакая деятельность для ребенка не проходит бесследно, и очень важно какое семя оставляет учитель в душе ученика, какие всходы оно принесет. Главное не бездействовать, не быть безразличным, нести добро.

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И БУДУЩЕЕ РОССИИ

ХРИСТИАНСТВО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ВЕРА КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Н.А. Кошелюк

Томский государственный университет, Томск

Принятие Русью христианства – выдающееся событие, во многом предопределившее дальнейшее развитие политической, общественной и культурной жизни страны. И одним из важнейших в истории всего российского государства вопросом является вопрос выбора веры и причин, побудивших князя Владимира принять христианскую религию.

Самые первые сведения о проникновении христианства на Русь относятся еще к первым векам нашей эры. Известно, что Русь – это могучее государство, которое дважды принимало православную веру: первый раз при княгине Ольги в 957 году, однако эта попытка не увенчалась успехом, второй раз при князе Владимире – в 988 году, спустя два года после собственного крещения. Реформа князя Владимира послужила началу процесса христианизации Руси. Однако до принятия христианской религии, Русь являлась языческим государством, где господствовали сотни и тысячи всевозможных богов и духов. Но с объединением славян под властью Киева и укреплением княжеской власти, молодому и перспективному государству была необходима вера в единого Бога. Князь Владимир, будучи язычником, в первые годы своего правления, совершил попытку универсализации пантеона языческих богов. Эта первая религиозная реформа была осуществлена в 980 году. По распоряжению князя в Киеве были установлены идола шести божеств, включенных в государственный пантеон: Перуна, Хорса, Стрибога, Макоши, Дажьбога, Симаргла. Перун являлся верховным божеством и символизировал княжескую власть и дружину. Но следует сказать о том, что новые представления о старых богах не усваивались населением и реформа не закрепились. К тому же язычество не могло сопротивляться растущему влиянию монотеизма, который исповедовали соседние державы: Византия, Хазарский каганат, Волжская Булгария. Коммуникации с соседними народами привели к проникновению единобожеских представлений в славянскую среду. Вот как объясняют ученые и исследователи выбор князя Владимира: подлинная причина перехода в восточное христианство заключается в существовании прочных связей Руси с Византией особенно, в связи с торговлей по пути «Из варяг в греки». В свою очередь, Византия стремилась «привязать» к себе религиозными узами сильного и беспокойного соседа – Русь, обретая в нем если не вассала, то союзника в борьбе с более сильными соседями. Киеву

также необходимо было получить религиозно-идеологическое оружие для укрепления начал государственности в формировавшемся феодальном порядке.

Собственное крещение явилось для Владимира лишь вступлением к решению важнейшей задачи – христианизации всего государства. Этот процесс продолжался долгое время: несколько десятилетий и даже столетий. В 988 году было произведено обращение в новую веру населения Киева. Это был первый город, принявший христианство. В 989 году произошло крещение новгородцев. А 992 год ознаменовался крещением города Чернигова. Можно говорить о том, что с этого момента Русь перестала являться языческим государством и с обретением новой веры, началась новая эпоха в жизни великого государства. Принятие христианства в качестве официальной религии является важным и значимым событием в истории Руси. С принятием новой веры в государстве произошли глобальные перемены. Они заключались как в изменении прежнего уклада государства, так и в смене мировоззрения русских людей, их представлений и привычек. Изменения охватили практически все сферы жизни: социальную, политическую и культурную. Таким образом, Киев стал центром русской митрополии, которая подчинялась константинопольскому патриарху, учреждались церковные округа – епископства, строились церкви и создавались монастыри. Княжеская же власть получила в новой религии и исповедовавшей ее церкви надежную опору – духовную и политическую. Государство укреплялось, а вместе с ним преодолевались межплеменные разногласия. Единая вера давала подданным государства новое ощущение единства и общности. Постепенно складывалось общерусское самосознание – важный элемент единства древнерусской народности.

Христианство повлияло также на мораль и нравы славянского народа: церковь запрещала жертвоприношения, боролась с работорговлей, стремилась ограничить рабовладение. Общество впервые «столкнулось» с понятием греховности, отсутствовавшим в языческом мировоззрении. Христианство с его единобожием, признанием Бога источником власти и порядка в обществе, внесло серьезный вклад в закрепление складывающихся в Киевской Руси феодальных отношений. Крещение превратило ее в равного партнера средневековых христианских государств и тем самым усилило внешнеполитическое положение в мире. Духовное и культурное значение принятия христианства огромно. Оно способствовало появлению богатой, переведенной с греческого языка литературы, возникновению собственной литературы, развитию церковного зодчества и иконописи, а также широкому распространению грамотности на Руси. Так, из Болгарии пришло немало богослужебных книг на славянском языке, что в свою очередь и привело к росту грамотности населения. Болгарская письменность сразу позволила Киевской Руси не начинать литературное дело, а продолжать его и создавать новое.

Непосредственным следствием крещения русского государства стало развитие живописи, каменного и деревянного строительства, церковной и светской литературы, системы образования славян. Известно, что содержание книг было в основном духовным. Это объясняется влиянием переводной литературы и живым интересом новопросвещенного русского общества к вопросам христианской веры, нравственности и тем, что писателями в то время являлись в основном духовные лица. Принятие христианства из Византии оторвало Русь от магометанской и языческой Азии, сблизив ее с христианской Европой. Новая религия, приобщив Русь к древней греко-римской христианской традиции, стала вместе с тем одним из факторов, предопределивших особенности экономической, политической, культурно-религиозной и духовной истории нашей страны.

Православие является традиционной и культуурообразующей религией на Руси с 988 года. Однако известно, что сам процесс христианизации происходил медленно, следовательно, и становление христианства как основы русского мировоззрения имело несколько замедленные темпы. Долгое время Киевская Русь жила синтезом дохристианских обычаев с православием. Такое соединение церковные и светские историки XIX в. именовали «двоеверием» или «бытовым православием». Возникновение этого феномена связано с тем, что часть русского населения не принимала и не понимала церковного догматизма, им больше было свойственно исполнение внешнеобрядовой стороны православия. Руководствуясь лишь небольшим набором известных ему молитв, русский человек стремился связать православие с реальными потребностями своей повседневной трудовой жизни. Но с течением времени христианская религия укоренилась, и Православная Церковь стала играть важнейшую роль в государственных делах и в жизни народа. Это означает, что новая религия постепенно начала становится духовно-нравственным стержнем общества, формируя мировоззрение, характер русского народа, культурные традиции и образ жизни, а также этические нормы и эстетические идеалы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что статус православия успешно закрепился на Русской земле и в сердцах народа. Он представлял собой единое и неделимое целое, а понятия «русский» и «православный» были неразделимы и означали одно и то же до XX века, а именно: принадлежащий к русской православной культуре.

Православным мог стать человек любой национальности, готовый принять через Святое Крещение и веру во Христа православное мировоззрение и образ жизни. И так случалось часто: представители других национальностей и вероисповеданий принимали Православие как веру, мировоззрение и, соответственно, христианское бытие и становились истинными сынами нового для них православного Отечества. Нередко эти люди оставляли яркий след в истории нашей культуры, стремясь верой и правдой служить новой Родине во славу Божию, как говорили на Руси, что означало честное служение не ради личной корысти и собственных

интересов, а ради прославления Господа. Таким образом, гражданская общность в России формировалась не по национальному признаку, а по принадлежности к Православию и отношению к православному государству. Но статус Русской Православной церкви резко поменялся после Октябрьской революции – 23 января 1918 года, когда новое советское правительство приняло Декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Был провозглашён принцип «свободы совести и религиозных убеждений», который на деле превратился в настоящий террор против Церкви, священнослужителей и прихожан. Государство и общество были объявлены атеистическими, а вместо обеспечения прав граждан на свободу совести и религиозных убеждений проводилась политика борьбы с религией. Храмы закрывали и разрушали, священников арестовывали, подвергали истязаниям, убивали. В монастырях устраивали концентрационные лагеря. В 1930 году в Москве был запрещен колокольный звон. Такие страшные, жестокие и безнравственные страницы нашей истории были вызваны новой атеистической идеологией, совершенно чуждой традиционной русской культуре, формировавшейся веками на православных идеалах любви, добра и смирения. Однако православные традиции были глубоки, и религия оставалась самой распространённой на территории России. А в закрытых храмах зачастую само время, словно не смело касаться тлением святых ликов. С 90-х годов XX века православная культура в России начала интенсивно возрождаться. Изменились и официальное отношение к Церкви, и сознание граждан. Вновь зазвонили колокола, в открытых и восстановленных храмах и монастырях стали совершаться богослужения. Тысячи россиян пришли в храмы впервые, обретая духовную защиту и поддержку.

В настоящее время Православие юридически не является государственной религией, но остаётся культуuroобразующей и традиционной для России, так как традиции православной религии сохранялись в России на протяжении всей её истории и отразились на всех сферах бытия россиян, включая законодательство, общественные, семейные, бытовые отношения, а также литературу и искусство.

Литература

1. Аверинцев С.С. Крещение Руси и путь русской культуры // Контекст 90. М.: 1990 – 64–71 с.
2. Введение христианства на Руси. – М.: 1987 – 302 с.
3. Культурология. История мировой культуры. / Под ред. проф. Марковой А.Н., М., 2000 – 600 с.
4. Новиков М.П. Христианизация Киевской Руси. – М.: ун-та, 1991 – 176 с.

«ТРОИЦА» АНДРЕЯ РУБЛЕВА: ИСТОРИЯ И СИМВОЛИКА ОБРАЗА

Е.Г. Воробьёва

Томский государственный университет, Томск

В полном расцвете творческих сил создал Рублев свое наиболее прославленное произведение – икону Троицы. Эта икона была исполнена в память Сергия Радонежского и являлась храмовым образом Троицкого собора, воздвигнутого на месте старой деревянной церкви. Известно, что «Троица» пользовалась особым почитанием у Сергия Радонежского, для которого она была символом мира и согласия. Поэтому заложенные его учениками и последователями монастыри и церкви чаще всего носили название Троицких. С этим фактом связана и широкая популярность на Руси изображений Троицы, многие из которых служили храмовыми образами. Но была еще одна причина обостренного интереса к этой теме. Речь идет о ересях.

Уже богомилы и катары не признавали догмат Троицы. Секта стригольников, пустившая глубокие корни в Пскове и Новгороде, также отрицала равенство трех лиц Троицы. Стригольники утверждали, что при явлении трех ангелов Аврааму последний узрел лишь Бога и двух ангелов, а не три лица Святой Троицы. Когда Рублев приступил к писанию заказанного ему образа, тема Троицы имела, без сомнения, животрепещущий интерес, как для самого художника, так и для его современников. Перед ним была поставлена задача продемонстрировать в назидание инакомыслящим абсолютное равенство трех лиц Святой Троицы. Здесь мог сыграть активную роль настоятель Троицкого монастыря Никон, выступавший как заказчик иконы. Но, подобно любому большому произведению искусства, рублевская «Троица» имеет множество аспектов. Поэтому было бы неверно объяснять ее глубокое философское содержание только борьбой с еретическими течениями. Последние помогают нам понять ту конкретную историческую среду, в условиях которой художник написал икону. Можно даже допустить, что они послужили одним из стимулов к ее созданию. Но они ни в какой мере не могут нам объяснить всю глубину художественного замысла Рублева.

В иконе Рублева, созданной для длительного созерцания, нет ни движения, ни действия. В полном молчании восседают на невысоких седалищах три ангела. Их головы слегка склонены, взгляд устремлен в бесконечность. Каждый из них погружен в свои думы, но в то же время все они выступают носителями единого переживания – смирения. Композиционным центром иконы является чаша с головою жертвенного тельца. Поскольку телец есть ветхозаветный прообраз новозаветного агнца, постольку чашу следует рассматривать как символ Евхаристии.

Руки среднего и левого ангелов благословляют чашу. Эти два жеста дают ключ к раскрытию сложной символики композиции. Средний из ангелов – Христос, в задумчивой сосредоточенности, склонив голову влево, он благословляет чашу, изъясняя тем самым готовность принять на себя жертву за искупление грехов человеческих. На этот подвиг его вдохновляет Бог-Отец (левый ангел), лицо которого выражает глубокую печаль. Дух Святой (правый ангел) присутствует как вечно юное и вдохновенное начало, как «утешитель».

Таким образом, здесь представлен акт величайшей, по учению христианской церкви, жертвы любви (Отец обрекает Сына на искупительную жертву за мир). Но этим художник не ограничивается. Он запечатлевает одновременно и акт величайшего послушания – изъяснение сыном готовности на страдание и принесение себя в жертву миру. Рублев претворяет здесь традиционный иконографический тип в глубочайший символ, который заставляет нас совершенно по-новому воспринимать эту старую тему.

Образ Троицы толковался византийскими теологами не только как изображение триединого божества и прообраз Евхаристии, но и как символ веры, надежды и любви. Рублев положил круг в основу композиции своей иконы. Круг издавна почитался как символ неба, света, божества и любви. В формулировке догмата о Троице добродетелей любовь (то есть Бог) уподобляется кругу солнца, а ее постижение связывается с таинственным «круговым ангелоподобным движением»

Для произведения средневекового искусства типична символичность замысла. Рублевская икона не представляет в данном отношении исключения. И в ней моменты символического порядка играют немалую роль, причем символическая трактовка распространяется также на второстепенные детали иконы – на здание, дуб Мамврийский и скалу. Эти три элемента композиции ничего не вносят в характеристику конкретной среды. Они ее не уточняют, а, наоборот, содействуют впечатлению вневременности и внепространственности. Дерево – это не столько дуб Мамврийский, сколько древо жизни, древо вечности. Светозарные палаты – это не только дом Авраама, но и символ Христа-Домостроителя и символ безмолвия, то есть совершенного послушания воле Отца. Гора – это образ «восхищения духа». Можно было бы без труда продолжить толкование символического содержания рублевской иконы. Однако сказанного вполне достаточно, чтобы уяснить исключительную сложность ее идейных истоков.

«Троица» Рублева вызвала бесчисленные подражания. Она была любимейшей иконой древнерусских художников. Рублев написал икону в один из тех счастливых моментов вдохновения, которые бывают только у гениев. И ему удалось создать такое произведение, которое мы по праву рассматриваем как самую прекрасную русскую икону и как одно из совершеннейших произведений всей древнерусской живописи.

Икона – явление той самой благодатной силы, которая некогда спасла Россию. В дни великой разрухи и опасности преподобный Сергей собрал Россию вокруг воздвигнутого им в пустыне собора Святой Троицы. В похвалу святому преподобному Андрей Рублев огненными штрихами начертал образ триединства, вокруг которого должна собраться и объединиться вселенная. С тех пор этот образ не переставал служить хоругвью, вокруг которой собирается Россия в дни великих потрясений и опасностей. Оно и понятно. От той розни, которая рвет на части народное целое и грозит гибелью, спасает только та сила, которая звучит в молитвенном призыве: да будут едино, как и Мы.

Не в одной только рублевской иконе, во всей иконе XV века звучит этот призыв. Но есть в этой иконописи и что-то другое, что преисполняет душу бесконечной радостью, это – образ России обновленной, воскресшей и прославленной. Все в нем говорит о нашей народной надежде, о том высоком духовном подвиге, который вернул русскому человеку родину.

Мы и сейчас живем этой надеждой. Она находит себе опору в замечательном явлении современности. Удивительное совпадение между судьбами древней иконы и судьбами русской Церкви. И в жизни, и в живописи происходит одно и то же: и тут, и там потемневший лик освобождается от вековых наслоений золота, копоти и неумелой, безвкусной записи. Тот образ мирообъемлющего храма, который воссиял перед нами в очищенной иконе, теперь чудесно возрождается и в жизни Церкви. В жизни, как и в живописи, мы видим все тот же неповрежденный, нетронутый веками образ Церкви соборной.

И мы несокрушенно верим: в возрождении этой святой соборности теперь, как и прежде, спасение России.

Литература

1. Вздоров Г.И. Троица Андрея Рублева. Антология.– М.: Искусство,1989. – 144 с.
2. Волошинов А.В. Троица Андрея Рублева: геометрия и философия. – Саратов:. – 1997. – № 6.
3. Ильин М.А. Искусство Московской Руси эпохи Ф. Грека и А. Рублева. М.,1984.– 173 с.
4. Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до XVI века. М.,1983.– 160с.
5. Трубецкой Е. Три очерка о русской иконе. М.: 1991.– 111с.

ЕВГЕНИЙ ТРУБЕЦКОЙ И МИХАИЛ БУЛГАКОВ. ОПРАВДАНИЕ КУЛЬТУРЫ

Т.С. Фролова

исполнительный директор Томского регионального православного
благотворительного общественного фонда, Томск

Сквозной и главной темой литературного творчества М.А. Булгакова была тема интеллигенции, хранительницы и творца культуры. Уже в сатирических повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце» профессора Персикив и Преображенский, революционеры от науки, своими смелыми экспериментами вторгаются в природу и социум. При этом они, как и врач Алексей Турбин, певец Шервинский и инженер Лисович – носители культуры, культурная элита своего времени. В «Театральном романе» и в романе «Мастер и Маргарита» нам открывается мир искусства – театра и литературы, но мир этот почему-то совсем не привлекает нас, не вызывает у нас одобрения и доверия. Он скорее осуждается, чем оправдывается автором.

Перед читателем, литературным критиком и исследователем встает вопрос о критериях оценки явлений культуры Булгаковым, шире: о миросозерцании писателя. В современном булгаковедении преобладает эклектический подход: ищут «источники» отдельных идей и образов, следы влияний на его творчество предшественников и современников. При этом разрушается целостное представление о произведении (особенно остро это касается последнего романа). Размытым и ложно очерченным видится пока и облик самого автора – Михаила Булгакова.

Воспитанный в традициях культуры, в том числе богословской и философской, Михаил Булгаков отличался от многих своих современников строгим и ответственным отношением и к своему врачебному, и своему литературному делу. Его жизненные принципы были устойчивы, его миросозерцание – определенным. Цензурные запреты, изъятие записных книжек и травля заставляли скрывать убеждения, умалчивать ненавистные власти имена. Сегодня восстанавливается контекст, в котором недосказанное является.

Среди современников писателя наше внимание привлекло имя князя Евгения Николаевича Трубецкого, с работами которого М.А. Булгаков был, без всякого сомнения, хорошо знаком. Они могли лично встречаться еще в Киеве, при жизни отца писателя, цензора и богослова Афанасия Ивановича Булгакова. Их пути могли пересечься, и в гражданскую войну. Главным же объединяющим началом была боль и ответственность за Россию, за судьбу ее культуры. Не могло не привлечь писателя Булгакова стройное и глубоко продуманное миросозерцание философа и богослова, продолжавшего и развивавшего традиции В.С. Соловьева.

Миросозерцание Трубецкого и Булгакова, питающееся единими

истоками, утверждающее единые ценности, представляется нам не только сопоставимым, но и конгениальным. Трубецкой дает исследователю творчества Булгакова философский эквивалент, помогает расшифровать смысл художественных интуиций, явный для единомышленников и современников, но «темный» для «секуляризированной» критики.

Начнем с главного: и Трубецкой, и Булгаков говорят культуре решительное «Да». Она являет эволюцию от зверочеловека к Богочеловеку. «И так как восходящая линия жизни поднимается из ступени в ступень, то тем самым оправданы все ступени, благословенно всякое, даже относительное усовершенствование, – цитирует Трубецкой свой труд, посвященный анализу мирозерцания Владимира Соловьева. – Всякая ступень необходима в лестнице, и ни одной невозможно миновать человечеству, чтобы достигнуть цели. Пусть эта человеческая лестница заостряется кверху немногими вершинами. Вершины эти не могли бы упираться в небо, если бы они не воздымались над широким человеческим основанием. Все тут составляет одно целое – и основание и вершина, все одно другим утверждается и скрепляется в этой религиозной архитектуре человеческой жизни. И как бы низко ни стояли отдельные ступени, – высота вершины свидетельствует об общем стремлении ввысь» [2, с.331].

Ту же мысль выражает Булгаков в своем первом большом произведении «Белая гвардия», когда описывает Город – родной, дорогой и любимый, защищая который герои идут на смерть: «Как многоярусные соты, дымился, и шумел, и жил Город. Прекрасный в морозе и тумане на горах, над Днепром. Целыми днями винтами шел из бесчисленных труб дым к небу. Улицы курились дымкой, и скрипел сбитый гигантский снег. И в пять, и в шесть, и в семь этажей громоздились дома. Днем их окна были черны, а ночью горели рядами в темно-синей выси. Цепочками, сколько хватало глаз, как драгоценные камни, сияли электрические шары, высоко подвешенные на закорючках серых длинных столбов <...> Играл светом и переливался, светился, и танцевал, и мерцал Город по ночам до самого утра, а утром угасал, одевался дымом и туманом.

Но лучше всего сверкал электрический белый крест в руках громаднейшего Владимира на Владимирской горке, и был он виден далеко, и часто летом, в черной мгле, в путаных заводях и изгибах старика-реки, из ивняка, лодки видели его и находили по его свету водяной путь на Город, к его пристаням» [1, с.52-53]. Заметим, что свое «да» Трубецкой и Булгаков сказали культуре дореволюционного, упорядоченного социума, устремленного к духовным ценностям. И в этом иерархически организованном целом «вечные маяки» – крестивший Русь Владимир и университет. Но с 1918 года Город начинает жить «неестественной жизнью». Налетевший вихрь «смысл всю жизнь»: «Упадут стены, улетит встревоженный сокол с белой рукавицы, потухнет огонь в бронзовой лампе, а Капитанскую Дочку сожгут в печи» [1, с.15]. Будет ли когда-

нибудь «та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах»?

«На наших глазах зло торжествует одну из величайших своих побед над человечеством: всюду свирепствует адский вихрь всеобщего разрушения, – весь мир охвачен зловещим заревом пожара, писал очевидец и участник событий Евгений Трубецкой. – Распались все общественные связи, рухнул весь государственный порядок и внутренний мир. И словно самой родины нет больше <...> Мысль об убийстве перестала казаться страшной. Вера в безусловную ценность человеческой жизни исчезла, уступив место чисто утилитарным оценкам жизни и личности. Не стало больше безусловных святынь в жизни. Расстрелы, «реквизиции», грабежи и всякие другие насилия стали явлениями повседневными.<...> Что такое эта кровавая анархия, которая с такою силою проявилась в России? Это – проявление крайнего практического безбожия. Все общественные связи держались у нас связями религиозными. Когда эти последние ослабели, человек человеку стал волком, и все общественное здание рухнуло <...> На наших глазах ад утверждает себя как исчерпывающее содержание всей человеческой жизни, а стало быть, и культуры <...> Может ли наша вера в смысл жизни выдержать это испытание?» [2, с.291,292, 293,297].

Утверждение, оправдание культуры Евгений Трубецкой связывает с утверждением смысла жизни. Этой глобальной задаче он посвятил свой последний, посмертно изданный труд «Смысл жизни», в котором наиболее полно разработана эта тема. Остановимся на некоторых идеях указанного философского труда и на созвучных им откровениях художника Михаила Булгакова.

«Эволюция представляется нам «пустою» лишь до тех пор, пока мы не видим ее высшей, предельной вершины <...> Весь мир полон жажды Безусловного, одухотворен стремлением к единому безусловному центру <...> Он – не только больше земли, но больше и самого неба, этот смысл, которого мы ищем, и оттого-то одинаково терпит крушение попытка найти его только на земле или только на небе. Ни в какой замкнутый план бытия он не вмещается, ибо он объемлет собой все планы, весь мир в целом, а сам – превыше мира <...> Мы видели, что само строение жизненного пути крестообразно. Голгофа – постоянный, длящийся факт нашей действительности, ибо нет той минуты, когда бы не совершалась эта борьба смысла с бессмыслицей, когда бы мир не распинал Бога и когда бы Бог не распинался за мир. А потому имеющий очи видеть всегда разглядит в мире эту безбожную сущность, отрицающую смысл и распинающую Бога, а с нею вместе – и всю мировую разруху, – распавшиеся камни, потухшие огни и адский вихрь, в котором все кружится и все смешивается в хаос» [2, с.73,84,97,98].

Не раскрывает ли эта выдержка из Трубецкого основной композиционный принцип романа «Мастер и Маргарита», не указывает ли на его философский подтекст? Сатирические образы отрекшегося от

Христа мира перемежаются рассказами о крестной смерти. Историческая действительность размыкается в иные планы бытия. Уже в «Белой гвардии» автор зовет нас обратить свой взгляд к звездам, которые «останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле» [1, с.270]. Цитаты из Библии, рождественская елка – выход в духовное пространство. Это композиционное решение для Булгакова было принципиально важно, поэтому оно в некоторых чертах воспроизводится в романе «Мастер и Маргарита» – тоже «христоцентричном». Правда надмирный план здесь менее привязан к сознанию конкретного героя или автора-повествователя, автора-рассказчика. Поэтому всеведение и всевидение озадачивает читателей, невольно возникает вопрос: кто все это мог видеть и обо всем этом знать? За разгадкой обратимся к Трубецкому.

«Все наше сомнение, уныние и отчаяние происходит от недостаточной высоты и силы подъема над временем. Для того, кто видит только нескончаемые временные ряды, из которых слагается наша действительность, весь мир есть распад, хаос и бессмыслица. Но не таков суд Истины о мире, ибо это – суд всеединого и вечного сознания, которое видит не только эти бесконечные временные ряды, но и их сверхвременный предел, их вечный смысл. Для нас мир есть хаос, но в вечной истине он – космос, собранный во Христе мир Божий <...>

В отличие от нашего сознания сознание всеединое, или абсолютное, не есть психологический процесс во времени. Оно не переходит от момента к моменту, от термина к термину, а видит все за раз в единый миг. Это – неизменность истины, которую не могут поколебать никакие изменения временных рядов. Для нас эти временные ряды – вечно новая действительность; воспринимая ее, и мы меняемся, ибо испытываем все новые и новые переживания, причем и начало и конец каждого ряда скрывается от нас в бесконечной дали. Сознание всеединое отличается от нашего, во-первых, тем, что оно видит всю бесконечность этих рядов, а во-вторых, тем, что вся эта бесконечность для него – от века завершена. Весь поток мирового движения всегда целиком перед его очами; и видение это остается одинаково ярким, абсолютно ярким, к какому бы моменту времени оно ни относилось <...>

Антиномия в понятии времени и временного разрешается не исключением, не отсечением временного, а, наоборот, его исполнением и завершением, включением его в вечную жизнь. Развернутые, раскрытые до конца временные ряды не заключают в себе никакой неполноты и несовершенства, ибо заключительный их момент полнота всеединой жизни и вечность» [2, с.119,114-115,175-176]. В контексте такого мирозерцания и «хронотоп» и «смысловое целое героя», и «вненаходимость автора» приобретают новый смысл, по сути разрывающий границы этих понятий.

Загадочной и непривычной для читателя романа может показаться и «авторская» оценка персонажей, претендующая на объективность и

абсолютную значимость. Перед нами буквально саморазоблачающийся герой. Те же бесы в романе – лишь провоцируют это самораскрытие. Комментарии со стороны становятся как бы излишними. В «Мастере и Маргарите» дан как бы художественный эквивалент суда «абсолютной мысли о мире», суда перед лицом нравственной правды, о которой свидетельствует совесть. Эта правда – «не мысль какого-либо психологического субъекта, а безусловная мысль о должном, которой приписывается действенность и значимость, независимо от чьего-либо психологического сознания. Тут мы имеем не субъективное, а безусловное сознание»: «как есть безусловная истина о сущем, так же есть и безусловная правда о должном...» [2, с.58] В связи с затронутой темой совестного суда Трубецкой ссылается на Канта: «совесть всегда есть свидетельство о чем-то безусловно должном». В романе Булгакова о Канте со злобой говорит дьявол. Трубецкой помогает понять истинную причину этой ненависти.

«Вера в смысл жизни неразрывно связана с верой в человека, как носителя этого смысла, в безусловное, царственное достоинство человека» [2, с.46], и потому возвращение человека в животный мир так отвратительно для Булгакова и Трубецкого. «Как бы он ни уподоблялся скоту, человек все-таки сохраняет от него одно существенное отличие – свою свободу. И если он облекается в образ звериный, этот образ не есть для него что-либо естественное, необходимое! Тут есть воспроизведение зверя в человеческой свободе, зверопоклонство, утверждение звериного начала как чего-то нормального и должного. Для человека впадение в низшую область жизни противоестественно и оттого-то оно так страшно» [2, с.51]. Идея эта была глубоко осмыслена и воплощена Гоголем, чью традицию успешно продолжал Булгаков.

Трубецкой предвидел «неслыханное от начала мира порабощение духа – озверение, возведенное в принцип и в систему <...> Теперь вся жизнь безбожна – и частная и государственная: во всех человеческих отношениях господствует один и тот же нравственный кодекс – кодекс последовательного и беспощадного каннибализма» [2, с.367,295]. «Опасность для России и для всего мира – тем больше, что современный хаос осложнен и даже как бы освящен культурой <...> Мы имеем здесь не отдаленную опасность, грозящую миру в будущем. В наши дни обнажения мировой бессмыслицы «культура» оказалась не то обманчивой прикрасой, не то орудием злой, хищной жизни. Мы, в конце концов, не знаем, служит ли она очеловечению или озверению; а потому вопрос – быть или не быть человеку ставится перед нами ребром» [2, с.367,48].

Не говоря об очевидно негативном в культуре (об этом много писали те же исследователи творчества Булгакова), остановимся на явлении сложном и пока не расшифрованном до конца. Обратимся к образу главного героя булгаковского романа – Мастеру, автору отрывка о Пилате.

Героя своего он «угадал», доверившись историческим исследованиям и собственной интуиции. Булгаков не скрывает от читателя, что духом-вдохновителем Мастера был Воланд, на суд которого и был предъявлен «опус». Почему же в след за М.О. Чудаковой исследователи романа «Мастер и Маргарита» ищут не только в творении Мастера, но даже в рассказе дьявола – Истину?

Для разрешения проблемы обратимся к Трубецкому, подробно и ясно говорившему об откровении. Споря с философом Лопатиным, Трубецкой писал: «Я утверждаю, что бытие Божие недоказуемо; не расслышав меня, мой критик приписывает мне утверждение, которого я никогда не высказывал, – будто оно непознаваемо. Между тем это вовсе не одно и то же: во-первых, как это прекрасно знает Л.М. Лопатин, – кроме знания доказанного, дискурсивного, есть еще и знание интуитивное, которое не доказывается, а дается непосредственному усмотрению; во-вторых, для того, кто стоит на религиозной точке зрения, есть еще и знание, основанное на откровении: если бы мы не верили, что мы что-нибудь узнаем из откровения, это значило бы, что нам в сущности ничего не открыто <...> Но откровение именно тем и отличается от познания, что познание есть одностороннее самоопределение познающего, тогда как откровение есть акт двусторонний: оно предполагает деятельное взаимоотношение Абсолютного, которое открывается, и конечного, ограниченного существа, которому оно открывается» [2, с.581].

Вернемся к роману Булгакова. Разговор Воланда с Берлиозом и Иваном Бездомным в реальном философском контексте приобретает истинный смысл. Видна некомпетентность Берлиоза и дьявольская уловка Воланда. Большую смысловую глубину философски образованный читатель увидит в бессознательных интуициях Ивана. Обратит особое внимание на поведение Воланда и Мастера в момент их встречи. Для Мастера, Маргариты, Ивана Бездомного, даже для погибшего Берлиоза не остается тайной, с кем они повстречались лицом к лицу в атеистической Москве. Жаль, что не только герои романа оказываются в комическом положении, но и читатели и критики, не признающие «обязанность человека испытывать духов» [2, с.279].

Поскольку «откровение по самому существу своему евхаристично», «в область сознания эзотерического (откровение в собственном смысле слова) проникает лишь тот, кто обладает реальным духовным опытом божественного, т.е. кто пребывает с Божеством в существенном жизненном общении. При отсутствии этого опыта нет и откровения в подлинном значении этого слова» [2, с.276,281]. Поэтому ученик дьявола, Мастер не заслужил свет. Мудрость ему только обещана Маргаритой – там, за гранью земного бытия.

«Со-знающий в собственном смысле слова есть знающий <...> Сознать в собственном смысле – значит не гадать об истине или смысле

воспринимаемого, а обладать им» [2, с.20]. Потрясения чему-то научили многих героев романа, но мало они сумели вместить от Истины. Даже Иван Бездомный, «излечившийся» профессор с «незрячими глазами» - лишь возрожденный двойник Иоганна Фауста. Его удел – схоластическая наука и «бредовые интерпретации». Кто из героев романа обретает наибольшую полноту знания? Оказавшиеся в мире ином Мастер и Маргарита? Выстрадавший новую правду Пилат? Не вернулись ли все главные герои этого романа на порочный круг вечного повторения, к тому состоянию, когда утверждается «вечность только потенции души, а не акта» [2, с.639]? Не этим ли объясняется то чудесное преобразование покинувших землю? Может быть, писатель Булгаков хотел напомнить нам: «Цель мира – не прекращение жизни, а, наоборот, ее преизбыточествующая и совершенная полнота» [2, с.330]?

У Трубецкого в «Этюдах по русской иконописи» дан анализ древнейшей престольной иконы новгородского храма Святой Софии, относящейся к XI веку. Икона изображает «живое, действенное соприкосновение двух миров, двух планов существования» [2, с.373]. На иконе изображена сидящая на троне пурпурная София «на темно-синем фоне ночного, звездного неба». Трубецкой дает разгадку «мистической тайны пурпура Святой Софии – Премудрости Божией», ссылаясь на церковное песнопение «Вся Премудростию сотворил еси»: «Это значит, что Премудрость – именно тот предвечный замысел Божий о творении, коим вся тварь небесная и земная вызывается к бытию из небытия, из мрака ночного. Вот почему София изображается на ночном фоне. Но именно этот ночной фон и делает совершенно необходимым блистание небесного пурпура в «Софии». То – пурпур Божьей зари, зачинающейся среди мрака небытия; это – восход вечного солнца над тварью. София – то самое, что предшествует всем дням творения» [2, с.374-385].

Не здесь ли ключ к финалу основной сюжетной линии романа? «Ни скал, ни площадки, ни лунной дороги, ни Ершалаима не стало вдруг. Пропали и черные кони. Мастер и Маргарита увидели обещанный рассвет. Он начинался тут же, непосредственно после полуночной луны. Мастер шел со своей подругой в блеске первых утренних лучей...» [1, с.799]

Роман «Мастер и Маргарита» стал серьезным испытанием для современной «секулярной» культуры, которая, даже восхищаясь им, по сути выносила приговор автору. Возвращение романа в контекст философской и богословской мысли – и есть его оправдание. Роман тренирует нашу духовную интуицию, требует серьезной работы – именно искания истины. Многие из написанного о романе канет в Лету, но «как бы ни были проблематичны и недолговечны относительные ценности жизни, сама деятельность человека, направленная к их созиданию, может заключать в себе нечто безотносительно ценное, в зависимости от того, какой дух в ней проявляется, какими намерениями и началами она

вдохновляется <...> Создавая относительные ценности, человек, сам того не замечая, делает нечто другое, неизмеримо более важное: он определяет себя самого, выковывает тот свой человеческий образ, который или перейдет в вечную жизнь, либо станет добычей второй смерти. Создание собственного своего образа по образу и подобию Божию и есть то подлинное, субстанциальное и творческое дело, к которому призван человек» [2, с.332-333].

И философ Евгений Трубецкой, и писатель Михаил Булгаков не только обели себя в творчестве, они дают нам пример серьезного отношения к культуре, которое выражается в их «традиционности». Они опирались на соборный опыт, в своем искании истины-смысла стремились к синтезу. Истина и культура для них были ценностями соотносимыми и безусловными.

Литература

1. Булгаков М.А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита: Романы. М., 1978.
2. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 2000.

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА ИВАНОВИЧА
МАКУШИНА В ТОМСКЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)**

М.А. Толкачева

Институт искусств и культуры Томского государственного университета,
Томск

В условиях возрождения интереса к истории отечественной культуры просветительская деятельность П.И. Макушина (1844–1926) заслуживает особого внимания. Культурный процесс на окраинах России в XIX столетии как сложное и многообразное социальное явление развивался неодинаковыми темпами. Он проявлялся в характерных именно для данного края чертах, наследовал местные традиции, но всегда был связан с общенациональным процессом развития культуры.

Немало препятствий встретил на своем пути Петр Иванович Макушин. Родился он 31 мая 1844 года в многодетной семье бедного церковного псаломщика в отдаленном от культурных центров селе Путино Пермской губернии. И все же природная одаренность и поддержка родителей, одушевленных идеей просвещения, способствовали тому, что Петр Макушин оказался в Санкт-Петербургской духовной академии. После окончания академии перед ним открывались прекрасные перспективы духовной карьеры. Но двадцатидвухлетний Петр Макушин уехал в 1866 году на Алтай, чтобы начать там миссионерскую деятельность. Три года спустя он переехал в Томск и прожил здесь без малого шестьдесят лет.

Личность Макушина соединила в себе самые разнообразные качества: он был общественным и политическим деятелем, меценатом, удачливым предпринимателем, педагогом, издателем, редактором, книгопродавцом и книголюбом. Практически все, за что брался этот человек, удавалось и приносило пользу обществу.

Большой любитель книги и обладатель довольно неплохой личной библиотеки, Петр Макушин открыл ее для горожан. Случилось это 1 июля 1870 года, когда на квартиру Макушина в духовном училище явились первые двенадцать подписчиков. К концу года их насчитывалось уже 73. Книги выдавала жена Елизавета, дочь известного в городе священника, ключаря Благовещенского собора Иосифа Донецкого [1. с.138].

В то время в Томске не существовало ни одной общественной библиотеки. Потребность же в ней ощущалась. В апреле 1871 года П.И. Макушин, выполнив необходимые формальности, объявил об открытии частной публичной библиотеки, которая действовала вплоть до конца 1919 года. По семейной традиции долгое время в отцовской библиотеке работала дочь, названная, как и мать, Елизаветой. Студентка

Бестужевских женских курсов, а потом и Нового университета в Брюсселе, Елизавета Макушина вела библиотечное дело умело и заинтересовано. В январе 1920 года, когда макушинскую библиотеку национализировали, в ней насчитывалось около 43 тысячи томов [1. с.140].

Следующим шагом П. И. Макушина в осуществлении его жизненной программы просвещения народа стало открытие в Томске книжного магазина. Коммерческая деятельность требовала специалистов и грамотных людей. Вступив в компанию с местным купцом Василием Михайловым, и закупив в столичных магазинах первую партию книг, Макушин приурочил открытие своей торговли к очередной годовщине освобождения крестьян от крепостной зависимости – 19 февраля 1873 года. Свой отзыв о Сибирском книжном магазине опубликовал в «Губернских ведомостях» князь Н. Костров. Он отметил, что «магазин представляет в действительности гораздо большее, чем обещает объявление. Особенно хорош и значителен выбор книг по детской и педагогической литературе. Из числа русских газет и журналов здесь получают все наиболее распространенные. Кроме того, в магазине имеется значительный запас глобусов, географических карт, классных письменных принадлежностей, разных пособий для наглядного обучения детей» [2. с.4].

Подбор товаров в макушинском магазине вполне отражал характер деятельности. Позже он обратился к продаже музыкальной литературы и музыкальных инструментов, оптики, развернул книжную торговлю в Иркутске, первым в Сибири стал продавать книги по ценам производителей без надбавки за пересылку.

Однако попытка развозить книги по деревням не оправдалась. Пришлось отказаться и от торговли книгами из специальной лавочки на Базарной площади. Несмотря на даже то, что Петр Иванович сам стоял за прилавком и предлагал книги зажиточным крестьянам. И все же от своей идеи продвижения книг в народ он не отказался. Позже, в 1901 году, он учредил Общество содействия устройству бесплатных сельских библиотек-читален в Томской губернии. В последующие годы своей работы это общество открыло 571 библиотеку для крестьян [1. с.141].

Говоря о заслугах Макушина перед Томском, нельзя не сказать об издании им газет, о создании Общества попечения о начальном образовании, об учреждении им Народного университета.

Томичам не хватало изданий, свободных от прямого надзора начальства. И эту потребность уловил и претворил в жизнь Петр Иванович Макушин. Получив официальное разрешение на издание газеты, он сформировал редакцию, в которую вошли вместе с ним недавний выпускник естественного отделения Петербургского университета А. Адрианов, сотрудник томского отделения Государственного банка И. Муромов и А. Войцеховский. Редактором по просьбе издателя

согласился быть преподаватель реального училища А.И. Ефимов. К сотрудничеству в газете были привлечены, а одно время и входили в состав редакции, ссыльные Феликс Волховский, Дмитрий Клеменц, Евгений Корш.

Первый номер «Сибирской газеты» вышел 1 марта 1881 года, в день, когда народовольцы стреляли в императора Александра II и смертельно ранили его. Это случайное совпадение обратило на газету внимание жандармов, пытавшихся выяснить, не договорилась ли редакция ознаменовать царевубийство выпуском первого номера. Характер газеты отвечал подозрениям надзиравших. В течение семи лет, пока выходила «Сибирская газета», ее не раз запрещали, на нее писали доносы в департамент полиции [1. с.142].

Составители «политических обзоров», которые ежегодно отправлялись из Томска в департамент полиции в Петербурге, не располагали, видимо, возможностью обвинить в чем-то конкретном Макушина и Ефимова, но отзывались о них нелестно. Позже, в 1891 году, за Макушиным был установлен негласный полицейский надзор. Желая спасти газету, П.И. Макушин передал право на ее издание А.В. Адрианову, а тот – П.А. Толкачеву. Но это не мешало ни властям, ни тем, кто позже писал о газете, считать ее «макушинской» [1. с.143].

Летом 1894 года П.И. Макушин добился разрешения на новую газету и приступил к выпуску «Томского справочного листка», который вскоре стал просто «Томским листком», но с расширенной программой, а с 1897 года был преобразован в «Сибирскую жизнь».

В начале 1881 года гласный Томской городской думы П.И. Макушин, который к тому времени уже год как возглавлял созданную по его же инициативе исполнительную училищную комиссию, предложил на обсуждение своих коллег проект Общества друзей начального образования в Томске. Идея эта была вполне понята и принята. Ведь незадолго до ее обсуждения в думе – в марте 1880 года в Томске проводилась однодневная перепись населения. Результаты ее были опубликованы в виде брошюры. Они показывали, что грамотных в городе насчитывалось около 37% от всех жителей. Грамотность горожан росла крайне медленно [1. с.148].

В 1882 году проектируемая организация с несколько изменившимся названием получила официальное утверждение. 26 июня 1882 года состоялось открытие Общества попечения о начальном образовании. Первым его председателем стал Петр Макушин, а главным смыслом деятельности – распространение образования.

Для вступления в общество не существовало никаких преград, а годовой членский взнос составлял всего один рубль. Численность членов достигла в первый год 600 человек, позже превышала тысячу. В обществе попечения состояли видные граждане и бедняки.

Собранные общественные деньги шли поначалу на открытие и

содержание нескольких начальных школ, но довольно скоро они стали получать ассигнования из городского бюджета. Деятельность же Общества попечения сосредоточилась на внешкольной просветительской работе. Главным детищем общества стала бесплатная библиотека.

Будучи руководителем Общества попечения, П.И. Макушин, видимо, просто не мог не настаивать на открытии еще одной библиотеки в городе, где книги выдавались бы бесплатно. Бесплатная библиотека в Томске открылась 30 сентября 1884 года и располагалась поначалу в наемном помещении. Вскоре нашелся жертвователь. Им стал потомственный томский купец первой гильдии Семен Степанович Валгусов. Он вложил 30 тысяч рублей и выстроил каменное двухэтажное здание, подарил его в собственность Общества попечения о начальном образовании. Произошло это 27 сентября 1887 года [1. с.149].

В 1901 году Макушин основал Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии. Он, как и Ф. Ф. Павленков, стремился способствовать развитию просвещения в России путем создания библиотек, доступных широким народным массам. Семь лет спустя он приступил к устройству по томским селам книжных лавок-шкафов и открыл их более 100.

Макушин выступал как крупный жертвователь на нужды культуры, Так, он заявил о внесении им 100 тысяч рублей на создание Народного университета имени Петра Ивановича Макушина. В 1912 году было выстроено здание университета, или Дома науки имени П.И. Макушина. Открытие учебного заведения для народа состоялось в начале 1918 года [3. с.199].

Летом 1918 года Макушин выступил одним из инициаторов сбора средств помощи раненым воинам, пожертвовал 30 тысяч рублей на устройство вагона-бани и дезокамеры в частях Белой армии. В 1919 году Макушин внес 5 тысяч рублей, чтобы на проценты с этой суммы Институт исследования Сибири присуждал премию за лучшее популярное сочинение о Сибири. Пожертвовал 10 тысяч рублей на постройку здания Сибирских высших женских курсов, помогал различным образовательным и просветительским учреждениям.

Во время выборов в 3-ю Государственную думу, Макушин баллотировался в группу выборщиков от блока прогрессистов и набрал в Томске наибольшее количество голосов. В 1917 году он вошел в состав руководящего комитета партии кадетов. В 1920 году, после восстановления в Сибири советской власти, дважды подвергался арестам.

Заслуги Макушина перед обществом были отмечены властями: в 1910 году ему было присвоено звание почетного гражданина города Томска, в 1919 году – звание почетного гражданина Сибири [3. с.199].

В своей просветительской работе П.И. Макушин достиг выдающихся результатов. Уровень грамотности в Томске стал одним из самых высоких

в стране, значительно расширилась система книготорговли, открылось много библиотек и школ, работало издательство, выходила газета. Имя Макушина широко известно в России, его авторитет особенно высок среди сибиряков.

Литература

1. Очерки истории города Томска (1604–1954) / под ред. С.И. Мурашова. – Томск, 1954. – 323 с.
2. Бойко В.П. Условия предпринимательской деятельности П.И. Макушина // Вторые Макушинские чтения (23–24 мая 1991 г.). – Томск, 1991. – С. 4–6.
3. Макушин Петр Иванович // Томск от А до Я. – Томск, 2004. – С. 199.

ГОРОД И ГРАЖДАНИН В ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТОМСКА В ЭПОХУ РЕПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

Н.Г. Щербинина

Томский государственный университет, Томск

Современные маркетологи считают, что на смену эпохи позиционирования пришла эра репозиционирования. [1. с.74]. Репозиционирование это не просто заново проведенное позиционирование. По сути, происходит обращение к изначальной концепции политического товара в новом смысловом контексте. И дело здесь в том, что основой для эффективного образа выступает стереотипный конструкт в массовом сознании, т.е. бренд.

Базовое понятие «позиционирование товара на рынке» было введено Ф. Котлером. Предлагаемая им стратегия позиционирования включает в себя:

1) принятие решения о позиционировании товара в каждом из целевых рынков-сегментов;

2) подбор комплекса маркетинга для продвижения товара на каждом из этих рынков-сегментов [2. с.253]. При этом Котлер проводит разницу между «товаром по замыслу» и «товаром в реальном исполнении». Товар по замыслу есть рекламно оформленная услуга, т.е. продажа «выгоды» от товара. Товар же в реальном исполнении (к нему относится и политический товар) обладает пятью характерными признаками: высоким уровнем качества, набором свойств, особым оформлением, названием-маркой и заметной упаковкой [2. с.285]. Тем самым позиционируются «желаемые объекты», которые занимают свои лидерские «позиции» в объективной реальности полезных и качественных товаров. Перед нами буквально объективная реальность лучших товаров, которая реферирована рекламными знаками.

Однако в условиях виртуализации политического представляется релевантным другое определение: «*Позиционирование* – это то, как товар должен восприниматься потребителями по отношению к товару конкурентов» [3. с.243]. Как видно из цитаты, акцент стратегии позиционирования поставлен по-другому: речь идет о ментальной реальности восприятия потребителей товара. Смысл данной стратегии в перенесении акцента «реальности» с объективных качеств товара на реальность восприятия: «Истина несущественна. Что имеет значение, так это присущее сознанию восприятие. Суть позиционирующего мышления в том и состоит, чтобы принять восприятие как реальность, а затем

реструктурировать его, чтобы создать желанную позицию» [4. с.19]. Тем самым Э. Райс и Дж. Траут еще в 1970-е годы перевернули представление о маркетинге: героем маркетинговой программы является не объективный продукт, но сконструированный в сознании потребителя субъективный образ товара. Таким образом, Райс и Траут понимают сущность «позиционирования» как релевантный подход к коммуникации в эпоху постсовременности с ее господством реальности симулякров.

Мы распространяем данное представление и на сферу политического рынка и понимаем его следующим образом: надо репозиционировать политический товар, т.е. сконструировать реальность восприятия уже символически бытующего товара. А для этого надо сначала сегментировать политический рынок (сконструировать сегменты виртуального обмена) и придать каждому рынку-сегменту свой конструкт для символической политической коммуникации (создать конструктивный образ политического товара). Мы предлагаем посмотреть на эту важную проблему с позиции политического конструктивизма и смоделировать политическую реальность на основе прообразов-архетипов. Тогда архетипическая модель (например, архетип «великого города» как символического мира) станет семиотической моделью политической коммуникации. Тем самым процесс политического конструирования «рынка городов» сведется к выделению сегментов на сакральном основании (город как центр мира: науки и инноватики, торговли, банковского дела, гламура и т.п.). Город здесь, по сути, занимает лидерскую «позицию» и является «маркой».

Чем же специфичен образный конструкт «великого города»? Обратимся к конкретному примеру Парижа как «великого города» [5]. Во-первых, это город-легенда, причем мифология города имеет историческую динамику. Во-вторых, «величие» города состоит из ряда элементов-позиций, репрезентирующих его в реальности сегодняшнего восприятия. В данной связи Париж представляет собой: место культурного паломничества, столицу моды, роскоши и гастрономии, современный мегаполис и комфортную среду обитания, политический, финансовый и коммуникационный центр XXI века. Образ «великого города» как имиджевый конструкт отличается комплексностью. Кроме того, образ предпослан нашим «реальным» впечатлениям и относится к феноменам матричного типа, т.е. моделирует реальность нашего восприятия. Мы априори мифологизируем великий город и именно мифофеномен лежит в основе его отстройки от конкурентов как имидж-бренда. Тем самым мы не только голосуем за легенду (это одна из заповедей рекламной коммуникации Ж. Сегела), но и самоконструируем образ города-легенды, воспроизводя массовый стереотип, который и служит основанием для брендинга «великого города».

Логически можно выделить три типа городов-конструктов. Первый тип буквально репрезентирован архетипом «великого города». Это мифологизированный «объемный» образ, своего рода, комплекс позиций, ориентированный на ряд рыночных сегментов. Тем самым «великие города», а к ним относятся не только столицы, конституируют символическое пространство супергородов (Париж, Лондон, Нью-Йорк, Рим, Москва, Токио и т.п.).

Второй тип города-конструкта также относится к сакральной мифореальности, но образ города конституирован, как правило, на основе одной символической позиции. Есть города-центры образования (Гарвард, Оксфорд, Кембридж), другие являются культурными эксклюзивами (Венеция), третьи – центры религиозного поклонения (Иерусалим) и т.д. По типу уже названных всемирно известных городов могут позиционировать себя и менее знаменитые и вовсе «нераскрученные» города. Так, в современной России многие города репрезентируют особые виртуальные миры: Екатеринбург позиционирует себя как город, стоящий на границе Европы и Азии, Суздаль известен как город-музей, Сочи превратился в олимпийскую «столицу» и т.п. Оба вышеперечисленных городских типа представляют собой, по сути, «политические конструкты», т.е. образы городов конституированы властью, хотя многие имиджи уже превратились в стереотипы массового сознания. Тем не менее, власть заботится о поддержании «величия» и положительного имиджа города и без этой «поддерживающей» рекламы имидж может заметно понизиться. Именно в данном втором конструктивистском ключе и возможно, на наш взгляд, эффективное оформление образа Томска в эпоху репозиционирования. Новый взгляд на старый бренд «города науки и образования» символически укладывается в переопределение «Томск как инновационный город».

Третий же тип города-конструкта относится к феноменальной сфере социального конструирования реальности. Если город первого типа оформляется в сознании как город-мечта, а образ второго типа все еще носит характер идеала, то образ третьего типа создается стихийно и не всегда положительно окрашен в смысловом отношении. Если «великий город» – это Земля Обетованная, то город второго типа привлекает своей «особостью», что нивелирует его бытовую неидеальность. Другими словами, перед нами городские феномены и «человек городской» живет в ином виртуальном мире, тогда как в городе третьего типа житель оказывается в реальности повседневности без какого-либо символического посредничества. Вот почему города третьего типа представляют собой

места массового исхода. Человек в силу своей природы живет во многих ментальных мирах и один из таких жизненных конструкторов – мир города. И для того, чтобы человек «поладил» с городом он нуждается в коммуникации, для которой и служит феномен города-конструктора. В сегодняшнем «сетевом» способе коммуницирования город, не занимающий позиции на рынке городов, грозит исчезнуть не только феноменально, но и реально.

Литература

1. Траут Дж., Ривкин С. Новое позиционирование. Все о бизнес-стратегии № 1 в мире. СПб, 2007.
2. Котлер Филип. Основы маркетинга. М., 1990.
3. Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. СПб., 1999.
4. Райс Э., Траут Дж. Позиционирование: битва за узнаваемость. СПб., 2001.
5. Джонс К. Париж: биография великого города. М., СПб., 2006.

О МЕСТАХ ПАМЯТИ И ГРАЖДАНСКОМ ДОЛГЕ

А.И. Щербинин

Томский государственный университет, Томск

Тема мест памяти – бесконечная, связующая сакральное и профанное, личное и публичное, до сих пор не превратилась в удел книжников. Бесспорная заслуга в постановке и развитии проблемы принадлежит французским историкам и философам П. Нора, П. Рикёру и др. Вопросы общественной памяти пронизывают работы этнологов, антропологов, социологов. Постепенно к памяти обращаются и политологи, чьи воззрения не позволяют ограничить объект своего исследования актуальной политикой в координатах «здесь и теперь». И это не случайно, ведь политическая борьба зачастую ведется не за настоящее, а за будущее и за прошлое. К примеру, не утихают голоса сторонников выноса из мавзолея и перезахоронения тела Ленина. Фактически наши СМИ ответили на эксплуатацию темы Катynи польскими медиа и политиками. Сегодня мы открыто заявляем, что в польских лагерях военнопленных в 1920–21 гг. погибли и фактически не захоронены по-человечески десятки тысяч русских. Только в одном местечке Тухоль – 22 тыс. человек, на чьих костях построен цементный завод [1]. А такие лагеря были еще и в Стршалково, Лукове, Вадовице, Белостоке, Бресте. Можно считать это информационной войной, а можно и избирательностью памяти или даже беспамятством. Ибо символы прошлого подчас важнее нынешних деклараций.

Я сегодня собираюсь говорить о Томске, но уже расставленные акценты позволяют мне вынести за скобки выступления вопросы, связанные с увековечением памяти томских первооткрывателей И. Петлина и И. Москвина, героический вклад в ратную историю России Томского пехотного полка, 184 стрелковой дивизии, оборонявшей Мамаев курган в Сталинграде.

Мне бы хотелось сосредоточить внимание почтенной аудитории на негероической части нашей общей истории и особенностях современной памяти россиян, и томичей в частности. И связь с началом выступления прослеживается далеко не опосредованная. Когда мы предъявляем претензию к иностранной державе по поводу ненадлежащего отношения к могилам наших соотечественников, мы все должны иметь мужество обратиться к тому, как эта проблема решается внутри самой страны. Каков наш собственный уровень духовной и гражданской культуры. В Томске, на кладбище Томска-2 похоронено 25 тыс. человек, примерно столько же, сколько в польском Тухоле. Это герои Советского Союза, генералы, академики, государственные деятели. Это православные, мусульмане, иудеи, атеисты – мужчины и женщины, которые строили этот

материальный мир незадолго до нас, мир, который мы пока еще не можем растратить. Почему я сравниваю кладбище Томска-2 с польским Тухолем? Потому что и там, и тут имеет место беспамятство. Если в Польше русские кости лежат между канализационными стоками и грудями строительного мусора, то и в Томске кладбище используется как свалка для отходов с мясокомбинатов и дефектных железобетонных конструкций, поросло деревьями, потеряв свой прямой функционал как место посещения родственников. До многих могил просто не дойти. Казалось бы, это личное дело родственников. Но попробуем в этом разобраться.

Американский социолог Уильям Уорнер дает возможность нам сделать некоторые обобщения. Могила – это место, «где живущие могут символически сохранить и выразить свои близкие отношения с умершими» [2. с.318]. Более того, социолог подчеркивает и антропологическое родство – это место, где вчерашние живые встречаются с завтрашними мертвыми. Именно здесь «сливаются воедино время человека и время Бога» [2. с.318-319]. Тем не менее, это личный пласт отношений. Но есть и другой уровень. «Кладбище, – подчеркивает Уоррен, – как коллективная репрезентация воспроизводит и выражает социальную структуру живых, будучи ее символической копией; город мертвых – символический дубликат сообщества живых» [2. с.319]. Надо сразу оговориться, что, начиная со средних веков, кладбища были для живых таким же публичным пространством, как улицы и площади, о чем очень обстоятельно пишет французский историк Филипп Арьес в книге «Человек перед лицом смерти» [3].

В этой связи возникает вопрос о том, а каково же наше томское общество? Подобно Платону мы можем проецировать беспорядок в душе, на беспорядок в полисе и соответственно на беспорядок в космосе. Если на кладбище свалка, то и город выглядит таким же образом, и в душе, мягко говоря, не прибрано. Это место носит амбивалентное значение. С одной стороны, локус упокоения неприглядного тела, а, с другой, сакральное, или претендующее на сакральность. В ментальной карте сакральность связана с находящимся рядом прахом святых или храмом. В нашем случае этого нет. А если этого нет, значит, вступает в силу первая (по упоминанию) ипостась кладбища – место свалки непригодного общественного продукта. Но беда в том, что в средневековых практиках так можно было поступать только с преступниками. В частности, Филипп Арьес в книге «Человек перед лицом смерти» описывает захоронения у виселицы: «Это огороженное место должно было также служить свалкой, так что останки казненных бывали нередко покрыты всякими отбросами. Такое мрачное сосредоточение в одном месте виселицы, свалки и всевозможных нездоровых и тошнотворных промыслов исследователь Луи Шевалье предполагает возможным, во всяком случае, для парижского предместья Монфоко, где с XIII в. проводились публичные казни» [3].

Я еще раз сошлюсь на Уильяма Уорнера, заметившего, что «этот памятник, возведенный живыми для мертвых, был создан ими по своему образу и подобию» [2. с.319]. Если мы считаем, что самые бесправные члены нашего общества достойны лучшей участи в их последнем пристанище, то наш гражданский долг добиться этого.

Городская палата общественности Томска, которую я возглавляю, подняла эту проблему. И сегодня уже рабочая группа добилась известных результатов при содействии Думы г. Томска – выделено полмиллиона рублей на санитарную очистку кладбища, общественность начнет проводить субботники в июне, будет подведена вода. А далее – проблема ограды, идентификации, составления карты и приведения в порядок могил, в чем будут задействованы студенты ТГАСУ. Не забыли мы и о сакральности. Игумен Силуан одобрил идею установки поклонного креста. Но в целом эта работа на многие годы и требует подключения разных ресурсов (наверное, в первую очередь моральных), которые не собрать без участия гражданского общества.

Литература

1. Зотов Георгий. Война с мертвыми // Аргументы и факты. 2011. № 19.
2. Уорнер У. Живые и мертвые. М.–СПб., 2000.
3. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти [электронный ресурс] Режим доступа <http://lib.rus.ec/b/192582/> свободный.

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ГОРОДА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.Ю. Киндикова

Томский государственный университет, Томск

На сегодняшний день понятие имиджа всеохватно, его можно применять по отношению не только к физическим субъектам, но и к более масштабным конструктам, в частности к городам. Нас интересует, как можно формировать и транслировать образ города в коммуникативном пространстве. Данный акцент обусловлен тем, что в настоящее время большое значение как в общественной, так и в политической жизни имеют массовые коммуникации, которые выстраивают реальность. В современном мире только те события и явления приобретают значение, которые освещены в информационном пространстве.

Г.Г. Почепцов определяет коммуникативное пространство как информационную среду, которая может характеризоваться как наличием полной информации, так и отсутствием информации о некоторых объектах, либо неправильной информацией о них [1.с.160-161].

В нашей стране насчитывается более тысячи городов. Однако далеко не всем из них присущ специфичный яркий образ. Распространенной ошибкой властей является пренебрежение имиджевой политикой. Город – это самостоятельная единица политической власти. Многие города уже выходят за пределы зависимости от своих регионов и даже стран и позиционируются как самодостаточные территории, претендующие на свою нишу в мировом пространстве, так называемые «глобальные» города (самые известные – Нью-Йорк, Лондон, Париж, Сингапур, Токио, Сидней, Пекин, Москва). Трудно переоценить значение формирования, продвижения и поддержания определенного имиджа для города. Проблема в том, что многие региональные власти не считают этот вектор политики достойным внимания, отсюда серость и безликость, а также безызвестность множества городов. Как же можно формировать имидж территории в коммуникативной среде?

Определимся с основными категориями нашей темы. Город – прежде всего центр власти в политическом пространстве страны и региона, где в наиболее сконцентрированной форме осуществляется воспроизводство и реализация качественных характеристик территории [2.с.3]. Имидж города представляет собой совокупность убеждений и ощущений людей, которые возникают по поводу его особенностей. Это субъективное представление о городе может формироваться вследствие непосредственного личного опыта (например, в результате проживания на его территории) или опосредованно (например, со слов очевидцев, из материалов СМИ и т.д.). Важнейшим инструментом формирования имиджа выступают СМИ [3].

Разработка имиджа города осуществляется в рамках маркетинга территории, смысл которого заключается в изменении представлений о городе в положительную сторону. Территориальный маркетинг – это маркетинг в интересах территории, ее внутренних субъектов, а также внешних субъектов, во внимании которых заинтересована территория) и основана на технологиях продвижения, используемых в PR и рекламе. [4.с. 23]

По мнению И.Г. Чайки, особо выделяются две технологии создания и внедрения имиджа территории: символическая политика (поиск символов, брендов, лозунгов развития территории и их проявление в виде символики территории) и мифотворчество, то есть создание или продвижение неких легенд, подчеркивающих уникальность территории [5]. Нам импонируют данные технологии, ведь миф и символ – фундаментальные категории, на основе которых рассматриваются многие предметы. Символ и миф – это глубокие значения, способные раскрыть сущность явления.

Городскую символику традиционно составляют:

- официальные символы города – герб, флаг и гимн;
- официальные символы территориальных единиц и общин города – гербовые эмблемы и флаги, утверждаемые территориальными властями;
- архитектурно-мемориальные символы – изображения архитектурных и исторических памятников города (обычно содержащихся в перечне, утверждаемом городскими властями);
- словесные символы – название города и наименования его районов, а также образованные на их основе слова и словосочетания (в том числе сокращения), кроме фамилий и имен собственных [5].

Миф города – это эмоционально окрашенные и каким-либо образом озвученные коллективные и индивидуальные представления об актуальных для носителей мифа необычных моментах истории, жизнедеятельности, жителей города и его городском пространстве, в которых город мыслится как целостный «живой» культурный организм, которые воспринимаются как верные, но достоверность которых логически недоказуема [5].

Миф города – своеобразная легенда, так скажем «скелет» имиджа.

Непременной основой для формирования имиджа города являются индивидуальные характеристики территории, сюда можно отнести географические, официальные, номинальные особенности, а также ресурсы города.

Исследователь Панкрухин А.П. выделяет следующие составляющие имиджа города:

- качество жизни – наличие жилья для различных социальных групп населения, социальные услуги, качество продуктов питания, сооружения

для отдыха, уровень и доступность образования, лечения;

- кадровые ресурсы – подготовка, повышение квалификации, адаптация к новым условиям и требованиям;
- инфраструктура – транспорт, связь, средства передачи данных, гостиницы, бытовые услуги и пр.;
- высокие технологии – способность территории развивать и поддерживать высокотехнологичные отрасли, обновлять существующую базу;
- капитал – масса капитала, сконцентрированная на территории в виде собственных и привлеченных средств;
- контролирующие органы – рациональность, мобильность, эффективность, честность, отсутствие бюрократизма;
- инфраструктура бизнеса – доступность и уровень услуг в области консалтинга, аудита, рекламы, права, информации, public relations, институциональные условия осуществления сделок с титулами собственности;
- власть – команда личностей, компетентность членов команды, нестандартность идей, стиль принятия решений, прозрачность законотворчества, отношение к социальным проблемам [4. с.353].

Следует заметить, что немалую роль в становлении имиджа города играют выдающиеся личности, городские знаменитости, которые отличаются благими деяниями или культурными достижениями. Сюда же можно отнести политических лидеров. Нередко бывает, что город ассоциируется с определенным политиком и наоборот (так в свое время Ю. Лужков отождествлялся с Москвой). То есть имидж города формируется и самими жителями. Справедливо считается, что у каждого города есть свой характер, который складывается из наиболее часто встречающихся черт его населения. Безусловно, данные мнения можно назвать стереотипами, однако они широко распространены и имеют право на существование.

Для продвижения имиджа в коммуникативное пространство важно все вышеперечисленные составляющие транслировать с помощью СМК. Каким способом этого можно добиться? Следует сказать, что городской имидж может строиться стихийно и целенаправленно. Как правило, в России чаще всего его формирование происходит по первому пути, т.е. имидж города создается под влиянием повторяющихся событий или характерных оценок в отношении места, жителей, обычаев и др. атрибутов территории. Целенаправленное формирование предполагает, что имидж города создается сознательно, с помощью PR и рекламных средств для решения задач позиционирования, продвижения, контррекламы и др.

Например, Урюпинск – собирательный образ глухой российской провинции. Городские власти решили не просто использовать существующий стереотип о провинциальности, а усилить его, превратив недостаток в достоинство. (Сначала в городе появился памятник козе, затем живая коза была приведена на центральное ТВ и подарена московскому детскому саду, позже (к 300-летию Питера) в Урюпинске появился аналог решетки из Летнего сада. Своеобразно город отметил 2003 г. (год Козы), привлекая к себе внимание, позже в Урюпинске открылся музей Козы, вошли в обычай одноименные конкурсы. Вся PR-кампания сопровождалась байками и историями, пересказываемыми СМИ) [6].

В идеале в каждом городе должны функционировать свои авторитетные печатные издания, теле и радиопередачи на локальных каналах, а также Интернет-порталы. Причем они не просто должны числиться или присутствовать «для галочки», а реально выполнять свою роль посредника между администрацией и горожанами, содействовать формированию образа города в целом. Сюда же следует отнести рекламно-информационные материалы (сувениры, карты, буклеты), специальные мероприятия (выставки, фестивали, международные спортивные, культурные события), а также коммуникации официальных лиц территории и известных граждан. Но внутреннего позиционирования недостаточно, самое главное – транслировать образ за пределы самого города. Это важный момент конструирования городского имиджа в коммуникативном пространстве. Как правило, у каждого города есть своя история, многовековая или многолетняя. Стратегия продвижения города должна основываться на традициях и нововведениях. Так некоторым отечественным городам удалось продвинуть свой имидж на территорию всей страны и зарубежья: Великий Устюг (резиденция деда Мороза), Мышкин (музей мыши), Сочи (курорт и место будущей олимпиады), Санкт-Петербург (культурная столица).

Таким образом, имидж города должен содержать в себе эксклюзивные особенности территории, которые следует отображать в коммуникативном пространстве. В каждом городе можно найти уникальные черты, которые могут лечь в основу имиджа, при этом большое значение имеет его трансляция по информационным каналам.

Литература

1. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., Рефл-бук, К, Ваклер 2001 – 656 с.
2. Агишева О.В. Автореферат диссертации «Образ города в политической динамике» Воронеж, 2008 – 21 с.
3. Важенина И. «Имидж, бренд и репутация города» [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.advertology.ru/article47690.htm>, свободный

4. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий – СПб: Питер, 2006 – 416 с.
5. Чайка И.Г. Автореферат диссертации «Политические технологии обеспечения информационной безопасности региона на примере Краснодарского края» Краснодар, 2010 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pandia.ru/144137/>, свободный
6. Базылева Я. «Брошу все – уеду в Урюпинск» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mediastl.ru/articles/3/>, свободный

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В.Г. Скочилова

Томский государственный университет, Томск

Вопросы, связанные с формированием и функционированием гражданского общества, правового государства, гражданской активности, проблемы гражданских прав и свобод, гражданских обязанностей не теряют своей актуальности и с различной степенью интенсивности вновь и вновь становятся предметом дискуссий и научных исследований. В этом ряду проблема гражданственности выступает как условие и предпосылка гражданского общества и правового государства. Гражданственность в таком ракурсе, в соответствие с классическими идеями либерализма, напрямую ставится в контекст либерально-демократической политической культуры или даже становится ей тождественна [1]. Но говорить о какой-либо универсальной модели гражданственности вряд ли возможно. Мы должны отметить, что образцы (модели) гражданственности формируются в условиях определенного исторического контекста и социокультурной среды характерных для каждого конкретного сообщества и скорее необходимо говорить о частных моделях гражданственности, реализованных в конкретном пространстве и времени.

В современных исследованиях гражданственность часто рассматривается с позиций реальной и возможной гражданской практики личности и носит нормативный характер, выражающийся в установлении условий функционирования гражданина в социально-политической системе. При этом, как отмечает И.Б. Фан «в современном политическом дискурсе проблемы «...» гражданственности анализируются в терминах гражданства и идентичности» [1. с.97], таким образом, гражданственность как норма определяется критериями реализации принципов и положений института гражданства и нормативных принципов отношений в системе «государство – гражданин – общество». Вместе с тем, нам хотелось бы обратиться к гражданственности в её нормативно-символическом измерении, когда процесс формирования и реализации гражданских потенциалов личности определяется в рамках идеологической системы.

В данном случае идеология трактуется нами как нормативно-символическая система – идеальная схема и матрица абстрактных значений, выраженных в символике. Системные качества идеологии предполагают бесконечное и непрерывное отношения множества элементов, образующих организованное единство формы. Такими единицами (элементами) являются символы, они наделяют и актуализируют каждое конкретное проявление политического мира приписываемыми необходимыми значениями.

Гражданственность же здесь выступает как система качеств личности-гражданина, включающая духовно-ценностный, чувственно-эмоциональный и практически-деятельный факторы, активизируемые посредством символики идентичности и легитимности. Таким образом, феномен гражданственности формируется под воздействием системы значимых символов, где основополагающим является символ – гражданская добродетель, как наивысшая с этической и социокультурной позиций характеристика и идеал гражданина. Символ – гражданская добродетель как кумулятивный социокультурный опыт определенного сообщества кодирует и декодирует значимые для гражданского сознания образы, идеалы и ценности.

Итак, наш тезис заключается в следующем: идеологические системы формируют и задают определенные модели гражданственности. Так, в России смена режимов несла с собой и смену идеологических матриц. Вместе с этим менялись и модели гражданственности. Мы можем говорить о трех таких моделях, в основе которых лежат три символические основы, каждая из которых соответствует определенной эпохе. Во-первых, это «советская гражданственность», в основе которой лежал символ «Советский человек». Соответственно эта модель выстраивалась в контексте коммунистической идеологии, институционально закреплённой на уровне политической и социальной системы, и определяющей статусно-ролевые характеристики советского гражданина. Определение «советский» придавало априорную безукоризненность носителю этих ценностей. «Советский гражданин» – носитель «советской морали» по сути, выступал как образец добродетели.

Во-вторых, гражданственность постсоветской России 90-х гг. Либерально-демократическая модель гражданственности в этот период противопоставлялась гражданственности советской. Деконструкция коммунистической государственной идеологии, а следовательно, и разрушение организационных основ гражданственности (в первую очередь, системы гражданско-патриотического образования и воспитания) заложили основу для существенного уменьшения роли государства в гражданской сфере. Положительный, с одной стороны, этот факт негативно повлиял в последствие на механизмы гражданской мобилизации, все больше вызывая социальную и гражданскую апатию. Причиной тому, мы полагаем, стал характерный для российской политической культуры дуализм, который лег и в основу социально-политического кризиса 90-х гг. Новая демократическая модель развития навязывалась сверху, тогда как формирование и функционирование гражданского общества в России не находило соответствующего культурного шаблона, способного организовать подобный тип деятельности. Провозглашенные либерально – демократическая идеология и соответствующее государственное устройство стали неадекватны

реально сложившейся структуре власти, которая традиционно тяготела к авторитарной модели. Так, на первоначальном этапе символом - гражданской добродетелью стал «Демократ» – гражданин «Новой демократической России», а в дальнейшем он был сведен собственно к символу «Новая демократическая Россия». В этом же ряду мы можем упомянуть эпитет, используемый Б.Н. Ельциным, «россияне», явно демонстрирующий государствоцентричную направленность гражданственности.

И, наконец, третья модель гражданственности сложилась в нынешней России 2000-х гг. Для неё характерна активная критика предыдущего гражданского образца и существенный пересмотр роли государства в гражданской сфере. В.В. Гаврилюк и В.В. Маленков указывают, что «сегодня социокультурная программа, основанная на неолиберальном идеале демократической гражданственности, воспринимается уже как одна из многих «...» особое значение приобретает вариант, основанный на учете советского опыта гражданственности» [2, с.45]. С нашей точки зрения, новая модель гражданственности выстраивается на основе смешения элементов типов гражданственности различных исторических периодов. В том числе учитывается опыт «советской гражданственности» и гражданственности либерально-демократического образца. Как отмечает Ш. Эйзенштадт, «постреволюционные общества отличала предрасположенность к такому символическому порядку, «...» в который могут быть включены, по меньшей мере частично, дореволюционные символы и традиции» [3, с.289]. Высокая степень преемственности традиционных символов, проникновение их в новые структуры и институты в основе своей имеет высокую степень преемственности в базовых культурных кодах и ориентациях [3].

В силу размытости идеологических оснований выделить единую символическую основу гражданственности весьма затруднительно, поскольку современная российская идеологическая система уже не обладает доктринальностью и жесткостью формы, а идейные тезисы трансформируются в зависимости от внешне- и внутривнутриполитических процессов. Сегодня основой-символом гражданской добродетели мы предлагаем назвать «Дело для России» (акция/событие). Современная российская гражданственность выстраивается в основном в патриотическом ключе, как правило, в этот ряд ставятся конкретные победы и достижения в какой-либо сфере. Причем можно отметить общий конфронтационный фон этого события-дела, поскольку традиционно и в идеологический конструкт включаются образы «своих и чужих». И если в 90-е годы бинарная оппозиция выстраивалась по отношению к «коммунистическому прошлому», «тоталитарной эпохе», то идеология 2000-х гг. определила в качестве врага «либералов», «прозападные силы» и собственно сам образ Запада, одновременно «срачиваясь» с «героическим

прошлым». Следовательно, и «символ-дело» рассматривается как свершенное вопреки чему-либо или кому-либо.

Таким образом, на примере выделенных моделей гражданственности, мы можем сказать, что в России традиционно основным субъектом политики выступает государство, оно же выступает главным источником власти. Гражданственность же в контексте идеологий носит патерналистский характер, центральным звеном в системе гражданских ценностей является государство, оно играет главенствующую роль и является в своём роде «последней инстанцией», защищающей жизнь, безопасность и права каждого гражданина. Мы можем говорить, что нынешнее российское государство полностью отождествляет себя с высшими интересами общества, общество же растворено в государственной жизни.

Литература

1. Фан И.Б. Многообразие дискурсов гражданственности: проблема единства смысла // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург: 2006. С. 94–105.
2. Гаврилюк В.В., Маленков В.В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социс. 2007. №4. С. 44–50.
3. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: 1999. 416 с.

МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ДЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ДУХОВНО – НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

РЕСУРСЫ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ПРОЦЕССЕ ДУХОВНО – НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ: СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ МУЗЕЙНЫХ ЗАНЯТИЙ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КАБИНЕТЕ ТДС

Т.А. Тужикова,

главный специалист отдела развития департамента образования
администрации Города Томска, к.п.н., доцент кафедры социальной
педагогике ТГПУ

*Родина. Что скажет о ней дитя ее,
что откроет, – не откроет чужой,
прохожий человек.*

*И то, что увидит чужой,
не знает рожденный на ней.*

М.Пришвин.

Сегодня российское образование переживает значительные перемены, в том числе в содержании образовательного процесса, внеурочной деятельности, управлении образовательным учреждением. Они находят отражение в нормативных документах: Законе РФ «Об образовании», ФГОС (утверждены приказом Министерства образования РФ от 06.10.2009 г № 373), Концепциях Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы и духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России (авторы: А.Я. Данилюк, А.М. Кандаков и др.).

Вышеназванные Концепции среди значимых приоритетов указывают воспитание духовности, нравственности, патриотизма, направленных на формирование и развитие личности, обладающей качествами гражданина - патриота Родины, способного успешно выполнять гражданские обязанности.

В Томске и Томской области с 2006 года осуществляется комплекс мер не только по реализации основных направлений данных Концепций, но и федеральной и региональной программ по патриотическому воспитанию школьников, где одним из основных значится духовно – нравственное развитие.

С 1 апреля 2010 года во исполнение поручений Президента и Правительства Российской Федерации в образовательный процесс общеобразовательных учреждений 18 регионов, в том числе и Томской

области, в рамках эксперимента введен комплексный курс «Основы религиозных культур и светской этики», направленный на реализацию новой государственной образовательной политики, основанной на нравственных ценностях, отечественных духовных традициях.

Изменения требуют инновационного подхода, иного мышления руководителей и педагогов. Новым в осуществлении инновационной деятельности в городе Томске стала организация работы совместно с ТДС в феврале 2011 года Ресурсной лаборатории по духовно – нравственному воспитанию, основными задачами которой были:

- создание условий (программных, организационно – информационных, научно – методических) для развития духовно – нравственного воспитания на современном этапе, в том числе ФГОС;
- выявление ресурсов музейной педагогики в процессе формирования и развития познавательной активности школьников;
- определение возрастных, психологических особенностей школьников, их влияния на восприятие материала музейных занятий;
- определение особенностей позиций музейного и школьного педагогов;
- разработка и апробация системы вводно – информационных занятий на базе музея ТДС, а также методики их проведения.

Педагогическая практика показывает, что особые ресурсные возможности в процессе духовно – нравственного воспитания и образования имеют музеи разных типов и видов. Что такое музей? Каково его назначение?

По определению ИОКМ, это постоянное некоммерческое учреждение, призванное служить обществу и способствовать его развитию, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и среде его обитания в целях изучения, образования, а также удовлетворения духовных потребностей.

С целью сохранения связи прошлого с будущим, традиций в последнее время значительное развитие получила музейная педагогика. Впервые данный термин введен в оборот немецким исследователем К. Фризен. Началась новая эра развития образовательной деятельности музея.

Что такое музейная педагогика? Что представляет она как научная дисциплина?

Музейная педагогика – это интегративная область педагогического знания (К. Фризен), обеспечивающая связь между музеями, их коллекциями и посетителями (А. Фогт). Это наука о воспитании средствами музея, а музейная дидактика – посредническая миссия музея (В. Хильгерс).

Ученый – практик М. Юхневич определил ее как научную дисциплину на стыке музееведения, педагогики и психологии, а ее предметом обозначил культурно – образовательные аспекты музейной коммуникации.

Современный российский исследователь Б. Столяров дал определение музейной педагогике как области научно – практической деятельности современного музея, ориентированной на передачу культурного (художественного, духовного) опыта через педагогический процесс в условиях музейной среды.

В контексте данных понятий участники Ресурсной лаборатории рассматривали и музейно – педагогический процесс, определив его как системно организованное и четко направленное взаимодействие музейного педагога и обучающегося, ориентированное на формирование в условиях музейной среды творчески развитой личности. Основными принципами данного процесса являются:

- принцип личностной ориентации;
- учета индивидуальных и возрастных особенностей;
- развития личности в действии;
- принцип координации деятельности участников музейно – педагогического процесса.

Его основными звеньями являются:

- музейный педагог;
- музейный зритель;
- музейный предмет (экспонат).

Каковы их организационные позиции и назначение? Охарактеризуем каждое из вышеназванных звеньев. Так музейный педагог – это специалист, осуществляющий образовательную деятельность в музее, организатор музейно – педагогического процесса. Музейный зритель (обучающийся) – это субъект музейно – педагогического процесса.

Ядром музейно – педагогического процесса является музейный предмет, подлинник, непосредственный результат деятельности человека или жизни природы, имеющий значение документа и соответствующий профилю музея. К значимым его характеристикам следует отнести раритетность и редкость.

Компоненты музейно – педагогического процесса обладают внутренней взаимосвязью, обеспечивающей превращение культурного опыта в личные качества формируемого человека.

В музейной педагогике особое значение приобретает музейная среда, включающая следующие компоненты:

- околмузейное пространство, организующее внимание зрителя;
- собственно музейное здание, настраивающее на восприятие музейных событий;
- экспозицию как презентацию музейных памятников.

Все обозначенные выше теоретические понятия, а также возрастные и психологические особенности обучающихся были рассмотрены в рамках работы Ресурсной лаборатории по духовно – нравственному воспитанию. Участниками встреч стали как педагоги – практики школ № 16, 32, 43, 58, так и психологи, заместители директоров по ВР, магистранты и студенты ТДС, ТГПУ. В рамках занятий их интересовало следующее:

- специфика музейной среды,
- позиция музейного педагога,
- методика проведения музейных занятий со школьниками,
- проектирование таких занятий,
- учет специфики возрастных особенностей детей и их психологии,
- индивидуальные особенности музейных зрителей;
- специфика восприятия экспонатов.

Учитывая, что перед представителями данной лаборатории была поставлена непростая задача (разработка и апробация музейных занятий в рамках курсов «Основы религиозных культур и светской этики», «Социокультурные истоки», целевых программ по воспитанию и дополнительному образованию на базе музея ТДС), потребовалось выявить специфику их организации и проведения, познакомиться с историей уникального кабинета, его коллекциями.

Церковно – археологический музей при ТДС, открытый в 2009 году к столетнему юбилею Томской Епархии, является первым такого типа кабинетом за Уралом, созданный по благословению и тщательной помощи Архиепископа Томского и Асиновского Ростислава, ректора Томской Духовной семинарии. Его идея во многом напоминает подобного вида кабинет в Троице – Сергиевой лавре в Москве, где собраны предметы древнерусского искусства, церковная утварь и многое другое, все, что можно отнести к предметам православной культуры.

Наш музей – это не только экспонаты, но и история его месторасположения, среда около музея: Богоявленский храм, 2 корпуса Томской Православной духовной семинарии, восстановленная Иверская часовня, площадь перед Храмом (бывший Толкучий рынок с купеческими рядами, взорванный при реконструкции площади и строительстве Драматического тетра).

Что представляет данный музей и его экспозиция? Каждый из ее разделов включает определенные сведения о развитии православия, его традициях.

В музейной экспозиции представлены экспонаты по следующим основным разделам:

1. церковное облачение,
2. нумизматика (коллекция Евангельских монет),
3. старопечатные книги (житие, церковные и богослужебные книги),

4. богослужebная утварь (предметы для совершения богослужения, такие как Напрестольные кресты, Евангелие и др.),
5. история Томской Епархии (фото и архивные материалы об известных священниках и миссионерах),
6. иконография.

Так в разделе «Иконография» имеются 3 подраздела:

- иконография Спасителя,
- Богородичные иконы,
- иконы Святых угодников Божьих.

Представленные на экспозиции иконы различные по времени написания, большая часть относится к 17–19 веку, как и впрочем, многие экспонаты, хранящиеся в музее.

Участниками лаборатории на заседаниях обсуждены вопросы специфики представленных экспозиционных материалов, их роль в формировании духовно – нравственных ценностей школьников.

По мнению ученых – практиков, педагогов, они помогут обучающимся:

- понять наши отеческие корни и устремления предков,
- поразмышлять о том, чем они жили, их духовном мире,
- что было главным и ценным в их жизни,
- увидеть через экспонаты историческую картину того времени,
- узнать об иконографии, старинных иконах, а также чем последние отличаются от картин.

Результатами работы участников лаборатории стало формирование и апробация в апреле 2011 года с обучающимися 4-х классов школ № 16 и 43 системы вводно – информационных занятий по следующим темам:

1. «Россия – наша Родина. Отечественные традиции и культура» (вводно – информационное занятие – экскурсия с элементами беседы).
2. «Сибирь – наш дом. Страницы истории Томской Епархии (информационное занятие – экскурс с элементами беседы).
3. «Православный храм. Богоявленский собор Томска» (занятие – экскурсия).
4. «Христианское искусство. Русская икона в истории и духовной жизни народа» (занятие – диалог).
5. «Христианское искусство. Жития и житийные иконы» (занятие – знакомство).
6. «Иконописцы Земли Томской» (занятие – знакомство с элементами проектной деятельности).
7. «Почитание святых. Небесные покровители Томска и Сибири» (занятие – экскурс).
8. «Духовные традиции многонационального народа России. Страницы жизни, просветительства и служения о. Макария Невского» (занятие – экскурс).

9. «Любовь и уважение к отечеству. Страницы жизни и служения священнослужителей Томского края» (занятие – экскурс).

10. «Патриотизм народа России. Святые заступники Земли Русской» (занятие – диалог).

В настоящее время осуществляется методическое оформление вышеназванных занятий. Так в качестве основной цели первого занятия определено знакомство школьников с отечественными религиозными и светскими традициями культуры России, развитие у них представлений о нравственных идеалах и ценностях в условиях музейной экспозиции. Для ее решения были поставлены следующие задачи:

1. знакомство с правилами поведения в музее;
2. первоначальное знакомство с экспозицией музея ТДС;
3. получение первоначальных сведений об отечественных религиозных и светских традициях культуры России.
4. знакомство с основными понятиями: «традиция», «музей», «ценности», «икона», «божественная литургия» и др.

Результатами занятия стали:

- наличие первоначальных сведений об экспозиции музея ТДС;
- основные знания и навыки поведения в музее;
- получение школьниками первоначальных сведений об отечественных религиозных и светских традициях культуры России;
- знание школьниками основных понятий, необходимых для восприятия образовательной экскурсии в условиях музея ТДС и в рамках курса ОРКиСЭ;
- формирование первоначальных компетенций и представлений о нравственных идеалах и ценностях.

В качестве основных понятий определены: традиция, музей, музейный экспонат, музейная коллекция, ценности, икона, божественная литургия, житие.

Как показывают проведенные промежуточный опрос, результаты практических и творческих заданий, школьникам материал занятий был интересен и освоен практически в полном объеме. У них возникло желание еще раз посетить музей, а также участвовать в проведении подобных занятий.

Результативность занятий была также отмечена внешними экспертами: педагогами и учеными – практиками, управленцами, магистрами. В качестве выводов экспертов, обсужденных на итоговой встрече, были:

- проведение музейных занятий – значимый и новый компонент в развитии духовно – нравственного воспитания школьников;
- позиции музейного и школьного педагогов были организационно и содержательно верно обозначены;

- на протяжении всего занятия удавалось сохранить высокий эмоциональный настрой, заинтересованность и внимательность восприятия материала;
- при проведении занятий использовались интерактивные методические формы, приемы и средства, способствующие эффективности мероприятия;
- необходимы закрепительные задания для обучающихся, а также проведение рефлексии педагогами непосредственно в школе;
- следует продолжить разработку системы творческих заданий для школьников.

Значительный интерес вызвали музейные занятия также у педагогов и родителей. Ими отмечены неоднозначный подход к раскрытию содержания уникальной экспозиции, высокая мотивация школьников к выполнению творческих заданий, сохранение ими внимания в ходе всего мероприятия.

По итогам апробации участниками лаборатории сделаны выводы о необходимости проведения данных занятий, расширения их содержательной направленности, необходимости формирования системы творческих заданий.

Для эффективного проведения музейных занятий, встреч с детьми необходима подготовка, как экскурсоводов, так и педагогов.

В 2011 году в ТДС был апробирован спецкурс «Музейная педагогика», рассчитанный на 16 академических часов. Его целью стало рассмотрение теоретических аспектов музейной педагогики, психолого-педагогической специфики и методики работы в музее с разновозрастной аудиторией.

В ходе данного курса семинаристы познакомились с теоретическими основами музейной педагогики, типологией музеев по образовательной деятельности, методикой работы с музейными экспонатами, технологиями и работы со школьниками в условиях музейной экспозиции.

В качестве выполнения практических заданий студенты провели музейные занятия со школьниками города Томска. Семинаристы также подготовили итоговые эссе о работе с детьми и статьи о практике проведения данных занятий на базе церковно – археологического кабинета ТДС.

Совместно с педагогами школ отработан комплекс творческих заданий в рамках проведенных музейных занятий. А сами творческие работы школьников представлены на секции Духовно – исторических чтений, проведенной на базе музея в мае 2011 года.

Подобная практика стала хорошим диалогом детей, семинаристов и священнослужителей.

МАСТЕР – КЛАСС «ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ДУХОВНО – ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ»

Е.В. Астраханцева

заместитель директора по ВР, учитель истории школы №16, Томск

Цель: Показать технологию разработки и использования творческих заданий по ОРКСЭ как один из путей развития познавательной активности школьников в процессе духовно – нравственного воспитания, в том числе на музейных занятиях.

Основными задачами мастер – класса мне видятся следующие:

- осуществить обмен опытом использования творческих заданий по ОРКСЭ и в процессе духовно – нравственного воспитания школьников;
- показать организационно – педагогические подходы к формированию данных заданий;
- продемонстрировать практику использования методики «Синквейна» в процессе преподавания модуля «Основы православной культуры» в рамках курса ОРКСЭ.

Событийный ход мастер – класса:

1. Цели и задачи мастер – класса. Знакомство с основными тезисами.
2. Комментарий 1 тезиса.
3. Практическая часть мастер – класса: совместное формулирование участниками мастер – класса подходов к обучению на основе тезиса И.Я.Лернера.
4. Практическая часть мастер – класса: определение оптимальных условий обучения.
5. Комментарий 2 тезиса.
6. Комментарии к технологии составления «Синквейна».
7. Практическая часть мастер – класса: составление синквейна.

I. В качестве вступления представлю основные тезисы мастер – класса:

- Современная педагогика уже не сомневается в том, что учить творчеству возможно.
- Любую деятельность, в том числе и творческую, можно представить в виде выполнения определенных заданий.

II. Аргументом к первому тезису выступают обобщения ученого - исследователя И.Я.Лернера:

- Необходимо найти подходы и оптимальные условия для такого обучения.

• Под творческими (креативными) способностями учащихся понимаются "...комплексные возможности ученика в совершении деятельности и действий, направленных на созидание им новых образовательных продуктов" Придерживаясь позиции ученых, определяющих креативные способности как самостоятельный фактор, развитие которых является результатом *обучения творческой деятельности школьников*, выделим компоненты творческих (креативных) способностей младших школьников:

- *творческое мышление,*
- *творческое воображение,*
- *применение методов организации творческой деятельности.*

III. Практическая часть мастер – класса: совместное формулирование подходов участниками мастер – класса.

Определимся, что такое подход? На упрощенном педагогическом языке – это «путь», траектории его определяющие.

Какие пути в процессе освоения курса мы можем выбрать (смоделировать) и предложить ребенку?

Основываясь на выводах И.Я.Лернера, в качестве путей мы выбираем:

- формирование творческих способностей;
- развитие познавательной активности школьников в процессе духовно – нравственного воспитания;
- использование технологии творческих заданий в процессе освоения ОРКСЭ.

IV. Практическая часть мастер – класса: определение оптимальных условий обучения.

В качестве оптимальных условий обучения могут быть выделены:

- создание творческой атмосферы (среды);
- наличие педагогического сопровождения ребенка в процессе выполнения творческого задания;
- индивидуальный подход к каждому обучающемуся;
- знание и учет возрастных и психологических особенностей в творческом процессе;
- профессиональное мастерство педагога.

V. Любую деятельность, в том числе и творческую, можно представить в виде выполнения определенных заданий. И.Э.Унт, определяет творческие задания как "...задания, требующие от учащихся творческой деятельности, в которых ученик должен сам найти способ решения, применить знания в новых условиях, создать нечто субъективно (иногда и объективно) новое".

Наглядно это демонстрирует методика «Синквейна»:

1 строка – Ключевое слово,

2 строка – 2 прилагательных характеризующих ключевое слово,

3 строка – 3 глагола, характеризующих действие ключевого слова,
4 строка – фраза- настроение или девиз, выражающее суть ключевого слова,

5 строка – синоним или ассоциация.

VI. Предлагается участникам мастер – класса составить «синквейны» со словами: **икона, Пасха.** Заслушиваются варианты, приводятся варианты, составленные детьми.

Эффективность развития творческих способностей во многом зависит от того материала, на основе которого составлено задание. Показ презентации «Символы, атрибуты и традиции Пасхи».

Творческие работы выполнялись детьми и дома. Ученики оформляли свои сочинения, рисовали (показ работ школьников).

Результаты анкетирования показали, что после выполнения данных творческих заданий у учащихся повысился интерес к этому предмету.

Выводы:

1. Результаты анкетирования показали, что после выполнения данных творческих заданий у учащихся повысился интерес к этому предмету.
2. Использование творческих заданий в педагогической практике – один из путей развития познавательной активности школьников в процессе духовно – нравственного воспитания, в том числе на музейных занятиях.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ МУЗЕЙНЫХ ЗАНЯТИЙ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА ПО ДУХОВНО – ПРАВСТВЕННОМУ ВОСПИТАНИЮ НА УРОКАХ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Т.А. Шарыпова

учитель начальных классов МАОУ СОШ № 43, Томск

В федеральных государственных образовательных стандартах общего образования II поколения, Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России важнейшей целью и приоритетной задачей общества и государства обозначено воспитание, становления и развития высококонкретного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России.

Духовно-нравственное воспитание предполагает становление отношений ребенка к Родине, обществу, коллективу, людям, к труду, своим обязанностям и к самому себе, и, соответственно, развитие качеств: патриотизма, толерантности, товарищества, активное отношение к действительности, глубокое уважение к людям

Многое связывает человека с тем местом, где он родился и вырос. Родной край, его люди, природа – всё это становится частью его судьбы. Осознание малой Родины – главный методологический принцип духовно-нравственного воспитания учащихся.

Духовно-нравственное воспитание предполагает не только работу с книгой, но и занятия на базе музеев нашего города, встречи с интересными людьми, игры, викторины, сбор материалов о земляках.

Актуально использовать в урочной и внеурочной деятельности музейные ресурсы.

Первое знакомство у ребят моего класса началось с предложения папы Алеши Иванова сходить в музей на Воскресенской горе. Мы прошли по бульжной мостовой, рассматривали старинные здания, храмы. Подошли к камню на месте основания города Томска. Потом был музей. Ребята познакомились с историей родного города, с макетом города – крепости, со старинными предметами быта, патефоном, ухватом, прялкой, утюгом, самоваром. Поразил вид города сверху. После посещения музея мы провели рефлексивную беседу. Узнала, что детям очень понравилась экскурсия, Попросила ребят сделать рисунки на тему «Томские терема». Для этого надо было найти литературу, самостоятельно поработать в библиотеке.

Богатый краеведческий материал ТОКМ помог учащимся при написании сочинений на темы: “Мой прадед – участник Великой Отечественной войны”, «Война и наши родные».

После посещения краеведческого музея был проведён урок Мужества, на который мы пригласили ветерана Великой Отечественной войны Бондаренко Тимофея Фёдоровича. Ребята с увлечением слушали его рассказ. Задавали ему вопросы, после этой встречи ребята нарисовали рисунки по сюжетам его рассказа, делали поделки.

Посещая художественный музей, ребята приучаются к прекрасному. У них появляется интерес к живописи, скульптуре. Они знакомятся с народными промыслами. Дети узнают много о мастерах дымковской игрушки, тульских самоваров, вологодских кружев. На уроках рисования и трудового обучения мы продолжаем изучение этих тем. Это вызывает чувство гордости за свою страну. В ходе таких уроков узнаём и о семейных традициях, поделках, которые делают их родственники. Так мама Даши Крымской делает шкатулки из бересты, у Насти Колесниковой бабушка вышивает, у Лизы Шестаковой и Димы Балакарева необычные шахматы.

В конце учебного года несколько ребят из нашего класса совершили экскурсию по Томским храмам. Перед посещением музея при Томской Духовной семинарии был проведен классный час на тему «Что можно и что нельзя», о правилах посещения данных заведений.

Когда мы приехали в музей ребята были заворожены рассказами семинаристов, удивлены книгами и старинными иконами. После этого музея дети получили задание написать мини-сочинения, вспомнить услышанные новые слова. Результаты сочинений показали не только интерес к теме, но и успешность освоенного материала. Ребята заинтересовано собирали материал о православном празднике «Пасха», тщательно готовились принять участие в Кирилло – Мефодиевских чтениях.

В начальной школе мы много говорим о любви к природе и Родине, о моральных и духовных ценностях.

Детально познать эти ценности позволяет музейная педагогика. Это специальная научная дисциплина на стыке музееведения, педагогики, психологии и профильной для данного музея дисциплины (или их комплекса), предметом которой выступает музейная коммуникация. Ее задача – разработка новых методик работы с посетителем, музейно-педагогических программ, изучение воздействия форм музейной коммуникации на различные группы музейной аудитории.

Формы деятельности различны. Это беседы, тематические диалоги и обсуждение темы, календарные игры и песни, мастер-классы. Окончательным результатом курса должно стать обогащение учащихся знанием родной истории и культуры с применением краеведческого материала, формирование образованной, духовно развитой личности, способной проявить дань уважения историческому прошлому нашего народа.

Во все времена в нашей стране наиболее существенные сдвиги в области образования сопровождались обращением к духовной культуре своего народа.

Приобщение детей и подростков к своим истокам, к культурному наследию родного края, к героическим подвигам старшего поколения помогут им не раствориться в унифицированной массовой культуре, а воспитать в себе память и гордость за своих предков, любовь к Отечеству, будут способствовать формированию гармонической развитой личности с активной жизненной позицией.

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО – НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Т.С. Брагина, магистрант ТГПУ

Научный руководитель: Т.А. Тужикова, к.п.н., доцент
Томский государственный педагогический университет

*Надо знать прошлое, чтобы понимать
настоящее и предвидеть будущее.*

В.Г.Белинский

Проблема духовно-нравственного образования сегодня стоит в нашем обществе как никогда остро. Современное падение нравов – это страшное следствие оскудения духовной традиции в нашей жизни, свидетельство глубокого кризиса, поразившего сознание современного человека. Огромное число людей переживает феномен утраты смысла своего земного существования, ценностей, которые на протяжении многих лет чуть ли не автоматически переходили от одного поколения к другому.

Проникновение в русскую культуру ценностей западного «просвещения» сделало акцент на познавательном моменте, информативный аспект образования стал доминировать над воспитательным. Преподавание даже гуманитарных дисциплин не открывает для молодого человека красоту и величие духовно-нравственного идеала нашего Отечества, не прививает любви к Родине, уважения к национальным святыням, понятие патриотизма зачастую отождествляется с национализмом. Из телевидения и радио также уходят национальная, и даже общечеловеческая культура, насаждается погоня за комфортом, успехом, материальным благополучием.

Как сделать так, чтобы у человека как можно раньше сформировалась система ценностей, способность критически воспринимать информацию, не только интеллектуальную, но и эмоциональную, чувственную, подражать тому, что будет соответствовать его внутренним установкам?

Детский возраст – наиболее восприимчив к эмоционально-ценностному и духовно-нравственному развитию. Поэтому чему и как мы будем учить детей уже в младшей школе, какое воспитательное воздействие на ребенка будет оказывать обучение – это поистине ключевые и жизненно важные вопросы для будущего, как отдельного человека, так и всего общества. Именно в сфере общего образования происходит духовно-нравственное развитие и воспитание личности, где развитие и воспитание обеспечивается всем укладом школьной жизни. Однако мы можем говорить о том, что воспитание духовно-нравственной сферы как интегрального человеческого качества представляет собой одну из наименее разработанных областей педагогической теории и практики. Проблема еще и в том, что многие, говоря о формировании духовно-

нравственных качеств, имеют в виду именно нравственные качества, и предлагают их формировать через привитие этических норм поведения, таким образом, используется только часть возможностей, и мы забываем о духовной составляющей. Тогда как система правильного духовно-нравственного воспитания немыслима без приобщения к ценностям духовным, а значит религиозным той религии, в условиях которых и формируется как отдельная личность, так и в целом государство и его культура.

Если человек ощущает духовную, национальную, культурную самобытность своего народа, это и будет противоядием при восприятии им любых проявлений массовой субкультуры.

В решении данной проблемы неограниченную помощь может оказать музейная педагогика, отрасль музееведения, имеющая тенденцию к оформлению в научную дисциплину на стыке музееведения, педагогики и психологии. Музейная педагогика включает ребенка в сферу культуры, в опыт жизни сотни других людей, поколений, при умелом использовании помогает личности раскрыть творческий потенциал. Однако важно выбрать материал, методы и приемы работы, которые смогут «всколыхнуть» аудиторию, вызвать всплеск познавательной деятельности, а также «задеть за живое», задействовать не только разум, но и сердце. Это и определило цель нашего исследования, которая состояла в выявлении возможностей и методов музейной педагогики в формировании духовно-нравственных ценностей у детей.

Достижение цели осуществлялось посредством последовательного решения следующих задач:

- проанализировать состояние проблемы духовно – нравственного воспитания младших школьников в научной литературе.
- посетить и проанализировать специальные занятия по музейной педагогике для детей младшего школьного возраста, проводимые на базе историко-археологического музея при Томской духовной семинарии (ТДС).
- на примере цикла занятий в музее при ТДС выявить, каким образом музейная педагогика может помочь в формировании духовно-нравственных ценностей школьников.
- объектом исследования являлось духовно-нравственное воспитание детей младшего школьного возраста.

Предмет исследования – возможности музейной педагогики в формировании духовно-нравственных ценностей.

В Томске при православной духовной семинарии несколько лет назад был создан историко-археологический музей, в котором собрана уникальная коллекция старопечатных книг, древнерусских икон, церковной утвари и др. Во втором полугодии 2011 учебного года

семинаристы прослушали курс по музейной педагогике. После этого они разрабатывали и проводили занятия, на которых в качестве музейных зрителей выступали дети 3-х-4-х классов школ города Томска, а в качестве музейных педагогов – непосредственно студенты семинарии.

Если непосредственно говорить о посещении музея, то первое, что обращает на себя внимание, это атмосфера музея, которая во многом воспроизводит мир храма, поскольку и сам музей является продолжением храмового комплекса и неразрывно связан с ним в содержательном плане.

Средовой фактор является решающим в положительном воздействии на посетителей музея. Специфичным является и около музейное пространство наряду с самим музейным зданием. Ухоженность территории, цветовая гамма зданий, зеленые насаждения настраивали детей на восприятие красоты.

Музейные экспозиции, представленные в рассматриваемом музее, поражали своей раритетностью и редкостью. Здесь представлена и уникальная коллекция древних монет: драхмы, лепты, динарии; «Острожская Библия», другие древние книги; иконы, датируемые 16–17 и более поздними веками. Причем в музее можно увидеть не только канонические иконы, традиционного письма, но и неканонические. Обращают на себя внимание разнообразные по назначению предметы: церковные сосуды, облачения священнослужителей, в том числе патриарха Алексия II; плащаницы, кресты, складни, иконы в драгоценных окладах.

Нам было предложено принять участие в экскурсии в качестве сторонних наблюдателей, чтобы попытаться взглянуть на происходящее глазами детей, понаблюдать за самими детьми, проанализировать ход экскурсий, чтобы выявить их сильные и слабые стороны, а также оценить с разных сторон ресурсы музейной педагогики. Нами были просмотрены занятия: «Россия – наша Родина. Отечественные традиции и культура России», «Россия – наша Родина. Русская икона в истории и духовной жизни народа. Почитание святых». Все они были направлены на знакомство школьников с отечественными религиозными и светскими традициями культуры России, развитие у них представлений о нравственных идеалах и ценностях в условиях музейной экспозиции.

Занятия предварялись знакомством детей с музейными педагогами, правилами поведения в музее. Далее, используя такие словесные методы обучения, как рассказ и беседа, музейные педагоги раскрывали значение, историю, смысл музейных предметов. При этом каждая экскурсия в содержательном отношении была непохожей на другие, хотя и использовался один и тот же музейный материал. Эффективно использовалось чередование музейных педагогов, что облегчало восприятие, помогало поддерживать устойчивое внимание. Включение элементов беседы в рассказ позволяло выявить приблизительный уровень знаний у детей, на которые можно опираться при изложении материала, а

также активизировать и привлечь, при необходимости, внимание музейных зрителей. Детей познакомили с рядом основных понятий в соответствии с их тематикой. Например, на занятии «Россия – наша Родина. Русская икона в истории и духовной жизни народа. Почитание святынь» детей познакомили с понятиями «музей», «икона», «алтарь», «иконостас», «лик», «житийные иконы» и др.

На занятиях-экскурсиях использовались преимущественно словесные и наглядные методы (по преимущественному источнику получения знаний), репродуктивные, объяснительно-иллюстративные (по характеру мыслительной и познавательной активности). Говоря о включенности детей в эти занятия-экскурсии, можно сказать, что использовались преимущественно пассивные методы, хотя периодически мыслительную деятельность учеников активизировали интересными, иногда проблемными вопросами, т.е. подключались и активные методы обучения.

На всех занятиях раскрывалась та или иная сторона российской истории и культуры. Говоря о древнерусских книгах, экскурсоводы раскрывали историю появления книгопечатания вообще в мировом пространстве, начиная с древних папирусов и заканчивая книгами-кодексами. Осуществлялось и знакомство с появлением книгопечатания непосредственно на Руси. Детей знакомили со старославянским языком, им демонстрировали рукописные книги, оформление букв, страниц, книг. Детей познакомили с отличительными признаками иконы и картины, раскрыли значение икон в жизни русского народа, в формировании нашей культуры. Параллельно с демонстрацией икон, крестов, выполненных в технике «литье», раскрывались некоторые фрагменты из жизни сибиряков, в частности староверов. Детей познакомили с символическим значением цвета облачений священнослужителей, а также с цветовой гаммой, используемой при написании икон. Неоспоримым преимуществом музейной педагогики является и то, что через наглядное восприятие реальных предметов древности и современности детям уже младшего возраста становится отчасти, фрагментарно доступной информация, охватывающая глубокие и обширные пласты культуры и истории. Дети знакомятся с элементами археологии, палеографии, библиографии.

Во время экскурсии не проводилось деление на церковную и гражданскую историю, информация по родной истории предлагалась во взаимосвязи с информацией по всемирной истории, краеведению. Также русский язык и русская литература были представлены как органически связанные с церковно-славянской словесностью. Такой подход способствует воспитанию в детях целостного восприятия исторического процесса, усвоению национальной идентичности, формированию у них гражданской позиции, патриотизма.

В целом, можно отметить, что на протяжении достаточно длительных, информационно-насыщенных экскурсий дети проявляли живой интерес и

внимание, старались как можно больше сфотографировать музейных экспонатов, задавали интересные вопросы, например, почему мы не видим ангелов? Почему на плащанице изображен человек с отрубленными руками? Зачем на ризе икон размещают большое количество драгоценностей? Какой период времени заняло изготовление макета одного из храмов Томска? Из чего он сделан?

По содержанию вопросов можно судить о превалирующих ценностях и интересах детей, их нравственных представлениях, выстраивать ответы на вопросы таким образом, чтобы влиять на формирование их мировоззрения. В этом существенно положительную роль играл тот факт, что в роли музейных педагогов выступали студенты семинарии, которые говорили о том, что для них было «родным», не просто о древних экспонатах, а о том, что вдохновляет и питает их собственное религиозное чувство, и чем они готовы были поделиться. Открытость музейных педагогов к диалогу с детьми, искреннее желание и способность их увлечь, высокий уровень осведомленности о предмете экскурсии, широкий кругозор, безусловно, являлись одним из решающих факторов успешности экскурсии.

То, что увидели, убеждает нас в том, что у музейной педагогики богатый потенциал в плане решения задач, связанных с историческим и культурологическим образованием. Что касается музейной педагогики, реализуемой в условиях Томской духовной семинарии, то она может оказывать реально весомую помощь в деле приобщения и воспитания детей в духе православной культурной традиции.

Литература

1. Концепция духовно- нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Проект (А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков) // Вестник образования.– № 17. – сентябрь 2009. Официальное справочно-информационное издание Министерства образования и науки Российской Федерации – www.vestnik.edu.ru/proect.html
2. Плесовских М.Н. Нравственное воспитание младших школьников – педагогическая проблема. // Этнокультурные процессы в Сибири, роль русского этноса: история и современность: Материалы докладов и статей V межрегиональных всероссийских научно-практических Кирилло-Мефодиевских чтений 20–20 мая 2005 г. / Под ред. А.Н. Семенова. – Ханты-Мансийск, 2005
3. Юхневич М.Ю. Я поведу тебя в музей: Учеб. пособие по музейной педагогике / М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии. – М., 2001.

ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ВВОДНО – ИНФОРМАЦИОННЫХ МУЗЕЙНЫХ ЗАНЯТИЙ СО ШКОЛЬНИКАМИ НА БАЗЕ ЦЕРКОВНО – АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КАБИНЕТА (МУЗЕЯ)

С. Серегин

Томская духовная семинария

Научный руководитель: Т.А. Тужикова, к.п.н., доцент
Томский государственный педагогический университет

Проведение занятий в музее – значимое, но необычное дело. Мне как студенту ТДС впервые довелось заниматься подобной практикой. Необычен и сам музей, открывшийся в 2009 году к столетнему юбилею Томской Епархии, которая также имеет свою славную историю и традиции. Ее история тесно связана с именами Святителя Макария (Невского), алтайской миссией, миссионерством, просветительством, священнослужителями.

О возможности совмещения исторической информации музея и педагогического процесса я узнал в рамках курса «Музейная педагогика», впервые открывшегося в этом году в Томской Православной духовной семинарии. Слушателями успешно решены его основные задачи:

- знакомство с теоретическими основами музейной педагогики, типологией музеев по образовательной деятельности;
- овладение целостным представлением о музее и его роли в современном обществе и образовательно – воспитательном процессе школы;
- знакомство с технологиями и методикой работы со школьниками в условиях музейной экспозиции;
- овладение методикой работы с музейными экспонатами.

Итогом освоения данного курса стали практические занятия со школьниками и предметное общение с педагогами школ, участниками инновационных площадок города Томска.

Ребята, с которыми мне довелось заниматься в рамках городской ресурсной лаборатории по духовно – нравственному воспитанию, являлись обучающимися 4-х классов школ № 16 и 43. Это возраст «чистых душ», впитывающий и поглощающий все интересное, новое. Это время формирования ценностей.

С большим вниманием и полным доверием они слушали все, что вмещало музейное занятие, проведенное в форме образовательной экскурсии по теме «Сибирь – наш дом. Небесные покровители Томска и Сибири», обозначенной в рамках курсов «Основы религиозных культур и светской этики», «Социокультурные истоки».

Основная цель этого занятия – это знакомство со значимыми православными страницами Сибирского края, Томской Епархии.

На решение поставленной цели были направлены следующие задачи:

1. формирование представлений о духовной жизни края;
2. знакомство с небесными покровителями Томска и Сибири, а также священнослужителями, внесшими значительный вклад в ее развитие (о. Макарием Невским);
3. знакомство с основными экспонатами музея Томской Духовной семинарии, а также около-музейной средой.

Значительна духовная жизнь Сибирского края. Об этом неумолимо говорят старинные фотографии храмов, улочек, Епархиального дома, Духовной семинарии, размещенные на стендах и используемые мной в ходе занятия – экскурсии. Примечательно, что Церковно – археологический музей – это первый такого типа кабинет за Уралом, созданный по благословию и тщательной помощи Архиепископа Томского и Асиновского Ростислава, ректора Томской Духовной семинарии. Его идея во многом напоминает археологический кабинет в Троице – Сергиевой лавре в Москве, где собраны предметы древнерусского искусства, церковная утварь и многое другое, все, что можно отнести к предметам православной культуры.

Наш музей – это не только экспонаты, но и история его месторасположения, среда около музея: Богоявленский храм, 2 корпуса Томской Православной духовной семинарии, восстановленная Иверская часовня, площадь перед Храмом (бывший Толкучий рынок с купеческими рядами, взорванный при реконструкции площади и строительстве Драматического театра).

Сибирский край – это его люди. Многие известные лица служили в нашем городе, были миссионерами, среди них о. Макарий (Невский), со страницами жизни которого школьники также познакомились на состоявшихся встречах.

О первых успехах проведенных занятий свидетельствуют эмоции и впечатления детей. Интерес вызвал как комплекс Богоявленского храма, так и сама экспозиция музея.

Яркие и блестящие детские глаза выдавали восторг от услышанного и увиденного. Значимо именно то, что через музейные экспонаты мы познакомили ребят с жизнью Церкви.

А что такое церковная жизнь? Это жизнь людей во имя Иисуса Христа. Это культура и традиции целой страны. И этому трудно противоречить. Об этом говорит значительная музейная коллекция, включающая:

- облачения священнослужителей,
- древние книги (Священное Писание, Острожская библия и др.);
- иконы Господа Иисуса Христа, Богородицы и некоторых святых и др.

Ребятам было также рассказано о символическом содержании Царских Врат, одного из важнейших атрибутов иконостаса. Это и многое другое

связано с Томской землей: история первых храмов и чудотворной иконы Божьей Матери Смоленской, старинные книги и журналы, предметы церковной утвари.

Знакомство с каждым разделом экспозиции сопровождалось вопросами музейного педагога, обращенными к школьникам. Они позволили сохранить не только эмоциональный настрой, но и поддерживать диалог со слушателями.

Рефлексия проводилась практически на каждом этапе занятия: начальном (что известно, что знают школьники о тех или иных событиях), промежуточном (уточнение, детализация воспринятого материала), итоговом (вопросы и задания педагогов, в том числе творческого характера). В отдельных случаях следовали уточнения либо разъяснения экскурсовода. Одним из заданий было заполнение словарика по итогам посещенного занятия. В качестве слов для толкования были выбраны такие как: Храм, традиция, Епархия, служитель Церкви, музейный экспонат и коллекция, фото-экспонат, духовные и нравственные ценности, икона, иконостас, божественная литургия, житие, миссионерство, просветительство.

Как свидетельствуют итоговые общения с педагогами, школьники неплохо овладели данными понятиями, готовы к их детальному разъяснению и воспроизведению, как и впрочем, событий самого занятия. Обучающимися под руководством педагогов были выполнены творческие задания, согласованные на подготовительном этапе.

Педагоги школ и студенты семинарии сделали вывод о том, что результаты творческих заданий, выполненных ребятами, были интересными, а экспонаты, хранящиеся в музее, помогли:

- понять наши отеческие корни и устремления предков,
- поразмышлять о том, чем они жили, их духовном мире, что было главным и ценным в их жизни,
- увидеть через экспонаты историческую картину того времени,
- узнать об иконографии, старинных иконах и чем они отличаются от картин.

Все вышеизложенное свидетельствует о значимости таких занятий в музее, его огромных воспитательных и образовательных ресурсах.

Для того, чтобы провести эти занятия, необходимо разграничить действия школьного и музейного педагогов, понять с чем связана успешность таких мероприятий. Она связана со следующими условиями:

- каждое посещение музея должно иметь конкретную учебную цель;
- учитель и дети должны осознать, что посещение музея не развлечение, а серьезная работа, а потому нужно готовиться к нему;
- посещать занятия в музее нужно после предварительной подготовки и в процессе школьных занятий, то есть когда дети не устали и готовы к восприятию;

- отбирать экспонаты для экскурсионного показа нужно на основе возрастных интересов ребенка;
- итогом посещения должно быть самостоятельное творчество детей (рисунок, сочинение на тему увиденного, создание моделей и т.д.).

Думается, что практика проведения подобных занятий в рамках курса «Основы религиозных культур и светской этики» на базе музея ТДС будет продолжена. Будет продолжен также диалог школьников и студентов Томской Православной духовной семинарии.

ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВНОГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА В МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОМ СЛУЖЕНИИ

ОБЩИНЫ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ

Д.В. Власов

Сибирский государственный медицинский университет, Томск

*«Почему мы так мало знаем о нашем прошлом,
так скоро его забываем и так легко относимся к тому,
что ожидает нас в ближайшем будущем»»*

Н.И. Пирогов

Слово «милосердие» В.И. Даль трактует как сердоболіе, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро всякому, жалостливость, мягкосердечность.

Организация ухода за больными в нашей стране тесна, связано с деятельностью общин сестёр милосердия. Первые такие структуры в нашей стране создавались по линии частной благотворительности. Общины сестёр милосердия появились в России в начале 40-х годов XIX века. Их целью являлась подготовка высокопрофессиональных медицинских сестёр.

Община сестёр милосердия Святой Троицы – первая в России община, которая была открыта и освещена 9 марта 1844 г. Основали её принцесса Терезия Ольденбургская и дочери Николая I – Мария и Александра.

Согласно уставу общины, который был утверждён в 1848 г., её целью было «попечение о бедных больных, утешение скорбящих, приведение на путь истинный лиц, предававшихся порокам, воспитание беспризорных детей и исправление детей с дурными наклонностями». При открытии община имела: отделение сестёр милосердия; амбулаторию для приходящих больных, где выдавались бесплатные лекарства; школу для девочек; школу для перевоспитания детей с дурными наклонностями; женскую больницу; богадельню для неизлечимых больных; приют для приходящих детей; отделение «кающихся Магдалин», которое давало приют сотням падших женщин и было реорганизовано в 1863 году в «Дом милосердия» и т.д.

Установленный в этой общине порядок несколько отличался от режима, существовавшего в то время в общинах диаконис и монахинь. Сёстры не были связаны монашеским обетом, хотя религиозные направленности в их воспитании придавалось большое значение.

В общину принимались вдовы и девицы всех сословий в возрасте от 20 до 40 лет. Если медицинская сестра выходила замуж, то она исключалась из общины. Прежде чем получить звание сестры милосердия,

женщины должны были отработать в общине в течение года. После годовичного испытательного срока испытываемая должна была решить, может ли она принять на себя обязанности медицинской сестры; комитет общины также высказывал о ней своё мнение, которое было решающим в этом вопросе. Сёстры принимали присягу, после чего лишались права на самостоятельную жизнь вне общины.

Профессиональная подготовка сестёр милосердия включала обучение гигиеническим правилам ухода за больными, некоторым лечебным процедурам. Впоследствии круг их обязанностей был существенно расширен. Помимо работы в отделениях общины, сёстры милосердия бескорыстно осуществляли уход за больными в малоимущих и бедных семьях.

Много для реорганизации системы преподавания в общине сделал П.С. Калабанович, который с 1873 по 1884 г. исполнял обязанности директора общины. Он разработал программу обязательного обучения сестёр уходу за больными. Сёстры милосердия общины участвовали во всех крупных войнах второй половины XIX и начала XX века.

Деятельность Свято – Троицкой общины сестёр милосердия с момента основания и до её ликвидации в 1917 г. осуществлялась на средства и при активном участии семьи Ольденбургских. Принц Александр Петрович Ольденбургский (1844–1932 гг.), являясь с 1881 г. почётным опекуном общины, в 1886 г. создал при ней Пастеровскую прививочную станцию для лечения больных бешенством. Станция содержалась на средства её основателя, и в декабре 1890 г. на её базе был создан Институт экспериментальной медицины. Это было первое в России научно – исследовательское учреждение в области медицины и биологии.

1 ноября 1858 г. в Петербурге Великой княгиней Александрой Петровной (дочь П.Г. Ольденбургского) основана Община Покрова Пресвятой Богородицы (Покровскую) сестёр милосердия.

В первые годы существования этой общины главной её целью была забота о бесприютных детях. Открытие общины и больницы при ней намного облегчило положение беднейшего населения Васильевского острова.

Согласно уставу (1861 г.) основной задачей общины являлось «попечение о приходящих больных, подготовка опытных сестёр милосердия и воспитание бедных и бесприютных детей».

Община включала отделение для сестёр милосердия, больницу, лечебницу для амбулаторных больных, аптеку, отделение для грудных детей, отделение для детей младшего возраста, школу для мальчиков.

В 1875 г. профессор С.П. Боткин внес предложение комитету общины создать при ней училище фельдшерниц и согласился участвовать в организации учебного процесса. Предложение было принято и в 1876 г. такое училище начало свою работу. В него принимались преимущественно

воспитанницы общины, окончившие местную гимназию.

В училище осуществлялась подготовка 100 фельдшерниц; обучение включало два этапа – подготовительный (гимназический) и специальный (медицинский). Учебная программа предусматривала изучение анатомии, физиологии, физике, фармакологии, клинических дисциплин, малой хирургии, десмургии, методов ухода за больными. Курс обучения составлял 4 года. Окончившие училище сёстры милосердия получали аттестат, дающий право работы в качестве помощника лекаря. В наши дни Покровская больница – крупнейший специализированный в области кардиологии стационар города. На его базе в 1978 г. организован Антиаритмический центр, осуществляющий плановую и неотложную помощь.

В 1866 г. княгиня Н.Б. Шаховская создала общину сестёр милосердия «Утоли мои печали» (название иконы Божьей Матери). При общине, созданной при тюремной больнице, позднее были открыты сиротский приют для девочек, больница и амбулатория. Впоследствии община стала самой крупной в России, в 1877 г. она насчитывала 250 сестёр милосердия.

Особое место в деятельности первых общин милосердия занимает Крестовоздвиженская община, которая была учреждена в самом начале Крымской войны по инициативе Великой княгини Елены Павловны (день создания общины – 5 ноября 1854 г. Совпал с православным праздником Воздвижения Креста Господня – символа христианской веры). Это было первое в мире женское медицинское формирование по оказанию помощи раненым на поле боя. Помощь раненым силами сестёр милосердия этой общины явилась прообразом деятельности будущего Общества Красного Креста.

Сестры милосердия принимали участие во всех войнах второй половины XIX столетия. Они самоотверженно трудились в госпиталях, на перевязочных пунктах, а также оказывали помощь раненым и непосредственно на поле боя.

В послевоенные годы общину возглавляла Е.М. Бакунина, начавшая переговоры с представителями военного ведомства о постоянном использовании труда сестёр милосердия в госпиталях.

В 1863 г. последовал приказ военного министра Д.А. Милютин о введении по договорённости с общиной постоянного сестринского ухода за больными в госпиталях. Сестры, прослужившим в них не менее 25 лет, назначали из государственной казны пенсию в размере 100 рублей. Эту дату можно считать годом рождения профессии медицинской сестры в России.

После Крымской войны для управления Крестовоздвиженской общиной был создан особый комитет. Его представителем стал Н.И. Пирогов, а с 1861 г. – известный общественный деятель, писатель и музыкант В.Ф. Одоевский. Обязанности сестёр в мирное время включали

уход за больными, перевязки после операций. Сестры находились в подчинении врачей, а сами имели право надзора за фельдшерами.

Община получила широкую известность не только в России, но и за границей. Она участвовала в международной гигиенической выставке в Брюсселе в 1876 г., а сёстры Е.С. Высотская и С.П. Сухонен оказали помощь в создании первой общины сестёр милосердия в Болгарии в 1900 г. по просьбе Болгарского общества Красного Креста.

После Октябрьской революции 1917 г. больница Крестовоздвиженской общины получила имя Г.И. Чудновского, профессионального революционера, а в настоящее время она называется Балтийская центральная клиническая бассейновая больница.

В связи с частыми возникновениями в сельских районах страны эпидемий разного рода инфекций и других бедствий стихийного характера, требующих усиленной помощи медицинского персонала, в 90-е годы в некоторых уездах были образованы сельские общины медицинских сестёр.

Дореволюционная Сибирь второй половины XIX в. представляла собой отсталую малокультурную окраину России.

В Сибири того времени просвещение, по сравнению с Европейской Россией, распространялось медленно. В 1892 году в г. Томске при Томском местном управлении Российского общества Красного Креста была организована община сестёр милосердия. Община сестёр милосердия Российского общества Красного Креста напоминала монашеский орден. Сёстры, поступившие в общину, должны были отказаться от личной жизни, в общину принимались только одинокие и незамужние женщины. Главным врачом Томской общины сестёр милосердия общества Красного Креста с 7 мая 1902 года и на протяжении нескольких десятков лет был профессор М.Г. Курлов, который уделял много времени и потратил не мало труда на организацию и дальнейшую деятельность общины. Кроме заведования он преподавал терапию на курсах сестёр. Преподавателями на курсах сестёр милосердия с момента их основания были профессора, ассистенты и ординаторы Томского университета, а так же врачи городских больниц.

Согласно устава общины практические занятия испытуемых обязательно проходили у постели больного. Курсы при общине сестёр милосердия Красного Креста были единственным дореволюционным учебным заведением, выпускавшим медицинских сестёр.

Проанализировав опыт первых общин сестёр милосердия, можно отметить, что принципиальных отличий в их деятельности не было. Неизменным качеством сестёр милосердия были строгая нравственность, любовь и милосердие к ближнему, трудолюбие и самоотверженность, дисциплинировать и беспрекословное подчинение начальству.

С другой стороны, следует подчеркнуть социальную направленность

сестринской, акушерской и фельдшерской помощи в России, которая, прежде всего, предназначалась для бедных, беременных, новорожденных, детей, стариков, больных и раненых. Кроме того, она была направлена на оказание помощи пострадавшим от войн, стихийных бедствий, эпидемий. Предоставлялись не просто уход и физическая помощь больному, раненому, сироте – ребёнку, но было организовано гуманитарное и профессиональное образование (приюты и школы при общине). Всё это может быть названо современным термином «социальная реабилитация и адаптация».

В настоящее время в Томске функционирует **Общественная религиозная организация православный «Дом сестринского ухода во имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого)»**– лечебно-профилактическое учреждение для осуществления духовной, медико-социальной, психологической помощи престарелым гражданам, инвалидам и другим категориям населения, утратившим способность к самообслуживанию. Дом сестринского ухода взаимосвязан с поликлиниками, стационарными отделениями ЛПУ, социальными службами, приходами Томской Епархии РПЦ (имеющие богадельни). Дом сестринского ухода имеет профилактическое направление: дневной стационар, бесплатное врачебное консультирование, школы (диабета, БА, ИБС), так же при доме сестринского ухода имеется воскресная православная школа.

РОЛЬ МАТЕРИ В СЕМЬЕ

Д.В. Власов

Сибирский государственный медицинский университет, Томск

*«И дам им одно сердце и один путь, чтобы боялись
Меня во все дни жизни, ко благу своему
и благу детей своих после них»
(Иеремия 32:39).*

Оставив родительские семьи и прилепившись, друг к другу, муж и жена в глазах Божьих становятся одной плотью и одним сердцем. В браке двое являются одним целым и в то же время – они две личности: муж и жена. В этом состоит одна из тайн брака, и счастье в этом удивительном единстве достигается тогда, когда оба прекрасно осознают свое назначение в браке, ценность каждого в глазах Бога и с любовью исполняют свои обязанности. Муж и жена имеют равную ценность перед Богом, который определил им разное назначение. И эту ценность мы видим в послании Апостола Павла Галатам: «Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Галатам 3:26-28)

Каково же истинное назначение женщины в семье?

Несмотря на то, что мужчина и женщина имеют одинаковое положение по отношению к Богу и общению с Ним, имеют одинаковые возможности обладать дарами Святого Духа, любовью и благодатью Господа, наследием в вечности, Бог предусмотрел для них разное предназначение в браке. Посредством любви и взаимопонимания эти различия позволяют достичь полноты богатства в единстве мужа и жены. И это единство не значит одинаковость, а разнообразие не значит противоречие. «И сказал господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Бытие 2:18). Едва ли кто-нибудь будет оспаривать ту мысль, что в руках женщины находится огромное влияние на дела человечества. «За каждым великим мужчиной стоит не менее великая женщина», – гласит народная мудрость. Эта роль жены подразумевает лидерство мужа, его потребность в жене, ее положение «правой руки», соработницы и их совместный труд (как физический, так и духовный). Как верная помощница жена должна: поддерживать мужа в его начинаниях; вдохновлять и молитвенно благословлять мужа; помогать раскрыть мужу все его лучшие способности; поднимать его значимость.

Но помимо того, что жена помощница мужу, именно на женщину Господь Бог возложил одну из важнейших миссий – рождение детей. «Жене сказал:... будешь рождать детей» (Бытие 3:16). Материнство, чудо

рождения детей – особый, удивительный дар от Господа, который приближает женщину ближе всего к Творцу и дает ей возможность острее всего ощутить и познать ответственность и глубину переживаний за рожденное дитя. По отношению к ребенку, мать занимает место не низшее и не равное, как супруга, она занимает место высшее. Дороги сердцу её заботы о физическом здоровье дитя, с ревностью, самопожертвованием она питает его собственной своей жизнью и тем продолжает свое великое право даровать ему жизнь, исключая самые крайние обстоятельства, она не решается лишить своего ребенка тех сокровищ, которыми природа обогатила её через этого малютку, и, именно для него, она и сама не лишит себя счастья быть безраздельно его матерью.

Ещё более дороги её сердцу заботы о нравственном его воспитании, права которые никто не может отнять у нее. И, несомненно, одна из ценных наград, дарованная Богом, это радость материнства. И евангелист Иоанн в святом благовествовании говорит нам об этом: «женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час её; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости потому, что родился человек в мир» (Иоанн 16:21). Быть матерью – это служение. Ведь забота о детях, проявление радости материнства, любовь ко всему, что связано с рождением и воспитанием детей, придает женщине особую внутреннюю красоту и прелесть.

В Притчах царя Соломона мы видим еще одну важную обязанность женщины в семье – хранительница домашнего очага: «Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности» (Притчи 31:27). «Домашний очаг» предполагает особый уют в семье, добрую атмосферу и тепло человеческих отношений. Формировать и хранить эту атмосферу, заботиться о порядке и чистоте в доме – первейшая задача жены. Задача христианок – не подражать миру, а угождать Богу, потому что именно Господь предназначил для жены эту прекрасную роль, выполнить которую она сможет тогда, когда будет любить мужа, любить детей, быть попечительной и добродетельной управительницей в своем доме. Это очень сложное и творческое служение, это больше, чем работа, это – образ жизни, почерпнутый из небесных и вечных истин. Призвание жены быть управляющей в своем доме ни в коем случае не перечеркивает роль мужа как лидера и не отменяет обязанности жены подчиняться ему. Именно такая жена достойна похвалы от мужа и детей: «Встают дети и ублажают ее, – муж, и хвалит ее: «много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их» (Притчи 31:28,29).

Для выполнения своего предназначения в семье каждая жена должна стремиться выработать у себя и совершенствовать те качества характера, которые угодны Христу и драгоценны перед Богом. Любая женщина должна быть мудрой. И царь Соломон говорит нам об этом: «Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками.

Мудростью устрояется дом, и разум утверждается» (Притчи 14:1; 23:3). Мудрая жена является лучшим собеседником, лучшим слушателем, лучшим ценителем своего мужа. Именно она способна проявлять нежную заботу, уметь утешать, ободрять и вдохновлять его. С мудрыми женами мужья становятся мужами веры, которые «известны у ворот, когда сидят со старейшинами земли» (Притчи 31:23).

Мир нуждается в матерях и женах, которые не только так называются, но и являются таковыми в полном смысле слова. Мы можем с уверенностью сказать, что определенные женские обязанности являются более священными, более святыми, чем обязанности мужчины. Пусть женщина сознает святость своего дела и в силе и страхе Божьем исполняет свою жизненную миссию. Пусть она воспитывает своих детей, чтобы они приносили пользу в этом мире и стали бы членами семьи в лучшем мире

Мать – это человек, занимающий одно из главных мест в жизни. Никто не приходит в этот мир, не соприкасаясь с матерью. Поэтому феномен матери всегда был, есть и будет актуальным.

Литература

1. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. – Барнаул: «День», 2002
2. http://www.cxbe.by/obrazovanie/rasshirennoe_verouchenie/semya_rol_zheny_i_materi/
3. <http://www.omolenko.com/publicistic/female.htm>
4. <http://sda-books.narod.ru/books/ah/ah38.htm>
5. <http://vospitanie.mamochka.biz/rol-materi>

ТЕМА ДУХОВНОСТИ И ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

О.С. Глушко

Сибирский государственный медицинский университет, Томск

Тема духовности и здоровья в последнее время всё больше волнует не только представителей духовенства и церкви, но и самих медиков, не говоря уже о многочисленных пациентах, которые прибегают к помощи духовности, как последней инстанции, сталкиваясь в жизни с теми или иными тяжелыми недугами.

Любопытно, что интерес к духовности начал возрастать в последнее время практически во всех областях человеческой деятельности от искусства до науки и медицины: кинематограф и сфера образования, естествознание и современная наука.

В чем причина столь резкого поворота в последнее время медицины и общественного сознания в сторону духовности?

Ответ на этот вопрос следует начинать искать в тех опасных тенденциях, которые начинают нарастать и проявляться во всём мире в последнее время. Речь идёт о метаглобализации и влиянии на всё человечество научно-технического прогресса и в частности информационных и биотехнологий, которые весьма негативно сказываются в последнее время на духовном, психическом и физическом здоровье огромного числа людей.

Продолжая разговор о возрастающей в последнее время роли духовности в медицине, хочется обратить внимание на несколько наиболее тревожных тенденций последних лет, среди которых:

- *бурное развитие биотехнологий, технологий генного инжиниринга, технологий модулирования структуры ДНК,*
- *бурное развитие информационных технологий и увеличение объемов разнообразной информации (в геометрической прогрессии),*
- *активное ухудшение экологии,*
- *появление новых видов зависимостей (компьютерной, игровой) и усилении традиционных (алкогольной и наркотической),*

Общий смысл всех этих тенденций свидетельствует о том, что в последнее время очень быстрыми темпами искажается и нарушается естественная целостность жизни на земле, которая поддерживалась духовностью и духовными институтами общества, сформированных всем человечеством ещё с незапамятных времён. И эта тенденция больше всего тревожит сегодня всех подлинно духовных людей, поскольку именно она находит сегодня свое отражение:

- *в росте удельного веса онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний,*

- в появлении целого ряда новых и неизвестных ранее заболеваний и синдромов,
- в общем увеличении психической нагрузки и появлении синдромов эмоционального выгорания и хронической усталости,
- в повышении удельного веса психических болезней и расстройств (болезнь Альцгеймера, Паркинсона, рассеянный склероз и др.)
- в увеличении числа суцидов,
- в ухудшении качества жизни и качества смерти, а также,
- в ослаблении всех видов здоровья у огромного числа людей, становящихся заложниками достижений научно-технического прогресса.

На смену истинным духовным и нравственным ценностям приходят новые, т. н. переходящие, очень временные, неглубокие (поверхностные), суррогатные ценности, которые лишены глубокого смысла и нравственности, которые лишены мудрости и гармонии жизни, но зато наполнены ярким блеском легкого и быстрого достатка с успехом духовность в данной ситуации является, пожалуй, единственным гарантом нравственности, способным противостоять нарастанию в сознании порочных тенденций соперничества, стяжательства, противостояния и разобщения под воздействием вселенского эгоизма.

Именно духовность, может быть, и является главным залогом соблюдения нравственного закона, который говорит человеку:

- *не убивай*
- *не лги*
- *не кради*
- *не прелюбодействуй*
- *не желай того, что есть у ближнего*
- *не создай себе кумира*
- *не произноси имени Бога без надобности и т.д.*

Но разве мир живёт сегодня по этим заповедям, данным людям Богом еще с незапамятных времен?

Применительно к логике личного и вселенского эгоизма, эти заповеди выглядят просто смешно и наивно.

Вот почему тем единственным, что мы сегодня можем противопоставить разрушающим всю планету и каждого человека в отдельности тенденциям, является нравственность.

Именно по этой причине в последнее время так возрастает роль и значимость духовности во всех сферах жизни общества. Именно по этой причине духовность становится гарантом не только самой нравственности, но и психического и физического здоровья общества и каждого отдельного человека

Несложно понять, почему нравственный и духовный человек всегда

здоровее безнравственного и бездуховного. Он здоровее потому, что у него всегда есть незримый защитник – нравственность, а также его духовные покровители ангелы хранители, ограждающие его от ошибок, пороков, страстей и вредных привычек и склонностей. Бездуховный человек в этом отношении гораздо менее защищён от всех отрицательных факторов нового времени, всех соблазнов и пороков современного мира, который стал невероятно изощрен, безжалостен и жесток.

Любой медик знает о том, что подлинно здоровый человек – это, прежде всего нравственно и духовно здоровый человек, которого не разрывают на части внутренние стрессы, проблемы и противоречия. Здоровый человек – это, прежде всего, человек радостный и во всем гармоничный, т.е. умеющий создавать и сохранять гармонию, как внешнюю, так и внутреннюю. И достигается это состояние радости и гармонии не столько с помощью психологии, сколько с помощью духовности, как более глобальной и всеобъемлющей категории за которой стоит высший нравственный принцип и закон Бога.

- Только духовность говорит человеку о том, что он живет на земле для познания и воспитания качества любви и что со смертью для человека не заканчивается абсолютно все.

- Только духовность говорит человеку о том, что после смерти телесной человек получает уникальную возможность продолжать свое существование, только уже не в телесной, а в духовной форме, но сохраняя при этом благодаря своей вере и любви и свою душу и осознанность себя.

- Только духовность говорит человеку о том, что жизнь в духовном состоянии – это тоже жизнь, хотя и совершенно другая, но абсолютно реальная и наполненная глубоким смыслом и переживаниями, которые могут быть как радостными и светлыми, так и глубоко скорбными.

- Только духовность говорит человеку о том, что именно своей жизнью на земле, ее правильностью, нравственностью и чистотой и определяется то, что будет ждать человека после смерти вечная радость или вечная скорбь.

- И, конечно же, только духовность говорит человеку о том, что Бог любит человека всегда и везде и хочет в нем видеть не своего раба, а своего Сына

- Только духовность дает ответ на самый главный вопрос о том, что высший нравственный закон жизни человек не может создать для себя сам ни при каких условиях. Он может только получить этот закон и получить его он может только от Бога, как высшей нравственной и духовной инстанции. Вот какова огромна роль и значимость духовности для «правильного» понимания жизни.

В данной связи есть одно очень интересное наблюдение, также наглядно свидетельствует в пользу повышения в последнее время интереса к духовности. В марте 2008 года епископ Католической церкви

Джанфранко Джиротти (Gianfranco Girotti) в интервью официальной газете Ватикана «L'Osservatore Romano» заявил о том, что не следует забывать о тех негативных изменениях, которые имеют место в современном проявлении смертных грехов в условиях нарастающих тенденций ухудшения экологии, социальной сферы, нравственных устоев и т.д. В этой связи епископ предложил расширить список известных грехов, дополнив его т.н. новыми видами прегрешений, свойственных нашему времени, в числе которых он назвал:

- *нарушение принципов «биоэтики» в виде сомнительных с точки зрения морали и нравственности биологических экспериментов (со стволовыми клетками, структурами ДНК и т.д.),*
- *загрязнение окружающей среды,*
- *углубление разрыва между бедными и богатыми,*
- *чрезмерное обогащение части людей,*
- *способствование обеднению значительной части населения,*
- *употребление наркотиков и др.*

Данное обстоятельство является самым наглядным подтверждением того, что в наше время идет процесс разрушения моральных и нравственных ценностей современного общества и духовенство вынуждено вмешиваться в этот процесс для поддержания естественной гармонии, чтобы мир не скатывался в бездну алчности, соперничества, эгоизма и нравственной деградации.

Именно поэтому, суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что духовность для человечества является в наши дни своего рода главным средством спасения от надвигающейся техногенной, нравственной и экологической катастрофы. Именно поэтому многие сферы человеческой деятельности и в первую очередь медицина, которая находится на самом острие проблем здоровья, начали проявлять столь пристальное внимание к категории духовности.

Говоря о проявлении духовности в современной медицине, нельзя обойти вниманием тему деонтологии и биоэтики, которая стала чрезвычайно важна в последнее время в связи с созданием целого ряда новых биотехнологий в таких областях, как:

- *паллиативная медицина (технологии обезболивания и эвтанази),*
- *трансплантология (технологии забора донорских органов),*
- *психиатрия (технологии лечения различных видов зависимостей и расстройств на основе нейролингвистического программирования и кодирования сознания и подсознания),*
- *генный инжиниринг (технологии генной трансфекции и репарации структуры ДНК),*
- *клонирование организмов (манипуляции со стволовыми клетками и структурами ДНК)*

- *биомодулирование с использованием нанотехнологий (технологии создания управляющих устройств, вживляемых в различные органы организма) и др.*

Говоря о современной медицине, можно уже смело сказать о том, что она в последнее время все больше становится по своей сути *холистичной*, т.е. целостной и потому все больше смотрит на человека, как на нечто целое. Если еще не так давно отчетливо просматривался сугубо физиологический и бездушный взгляд на организм человека, то сегодня благодаря успехам психологии и психотерапии, медицина все больше видит человека, как единую систему *дух – сознание – тело*, не замыкаясь только на плоти (телесном здоровье) или сознании (психическом здоровье). Иными словами, категория человеческого духа и, соответственно, его духовного здоровья становится для медицины все более значимой частью категории общего здоровья человека.

Развитие таких направлений медицинской помощи, как паллиативная медицина и хосписное дело, амбулаторный уход и др. где речи об излечении (тела), уже не идет, а все усилия направлены только на качество жизни (и смерти) человека, все больше дает медицине оснований говорить о важности духовного здоровья, как самостоятельной категории здоровья человека. Это связано в значительной степени с тем, что именно духовность человека определяет его отношение к собственной смерти, а значит, и его духовное и эмоционально-психологическое состояние в заключительный период жизни.

И действительно, опыт работы многих медиков в учреждениях паллиативной помощи и хосписах дает, пожалуй, самый наглядный пример и подтверждение того, насколько важна категория духовного здоровья в общей составляющей понятия здоровья. Ведь в учреждениях паллиативной помощи и хосписах священники и сёстры милосердия трудятся наравне с медицинским персоналом, при этом духовная помощь востребована пациентами подчас не меньше, а даже больше, чем медицинская. В соответствии с данными ряда исследований, проведённых среди пациентов хосписов, было выяснено, что качество жизни человека от медицинской помощи зависит только на 10–15%, тогда как все прочие аспекты, включая психолого-социальные и духовные составляли 85–90%.

В ещё большей степени роль духовности возрастает при оказании помощи в самый заключительный период жизни (*End-of-LifeCare*) человека. В этот период духовность целиком и полностью становится доминирующим аспектом, определяющим качество уже не столько жизни, сколько смерти человека. Именно в этот период духовность даёт человеку невидимый поручень для того, чтобы ступить на символический паром, который должен отправиться с одного берега реки забвения для того, чтобы переправить человека и его душу на другой берег духовного мира.

Таким образом, значимость аспекта духовности в общей системе

медико-социальной, психологической и духовной помощи проявляется в наиболее полной мере именно в заключительный период жизни человека. Отсюда становится понятно насколько трудно дается понимание духовности и Бога молодым людям т.е духовно «не зрелым» и насколько важна духовность для взрослых и пожилых людей, являющихся духовно более «зрелыми». Самое удивительное во всем этом то, что сама духовность выступает в жизни человека по мере его взросления и созревания как то, что в прямом смысле «вызревает» в нас, как невидимый плод, который должен быть кем-то сорван или пожат. Для многих верующих людей не является секретом то обстоятельство, что этим кем-то, для кого и «вызревает» на нашем теле и сознании наша духовность является конечно же ни кто иной, как Сам Господь Бог.

Говоря об использовании духовности в современной медицине, следует обязательно подчеркнуть то обстоятельство, что в зарубежной практике оказания онкологической, сестринской, гериатрической, а также паллиативной помощи, духовность давно уже используется как самостоятельное направление. Во многих крупных медицинских центрах онкологической и паллиативной направленности духовенство, священники и сестры милосердия представлены не как вспомогательный, а как основной персонал лечебного учреждения, который наравне с медиками и психологами оказывает целый ряд соответствующих духовных услуг.

Так, в последнем варианте Рекомендаций Евросоюза по организации паллиативной помощи, которая называется *White Paper on standards and norms for hospice and palliative care in Europe (2009)* в числе единиц основного персонала для оказания помощи в процессе ухода за тяжело больными людьми содержатся ставки штатного священника и координатора по организации духовной работы. Данные специалисты должны быть доступны круглосуточно в течение всего рабочего дня (части рабочего дня).

- Это всё лишний раз говорит нам о том, что духовность постепенно возвращает сданные за годы господства воинствующего атеизма позиции и всё больше становится социальным гарантом нравственности и культуры человеческих отношений.

- Это лишний раз говорит нам всем о том, что роль духовности в вопросах всех видов здоровья – и здоровья нравственного, и здоровья психического, и здоровья физического будет только повышаться.

- Это лишний раз говорит нам всем о том, что аспект духовности сегодня является неотъемлемой частью современной медицины.

- И это лишний раз говорит нам о том, что каждый человек, будь то здоровый, или имеющий какой-либо недуг, должен непременно открыть для себя факт собственной духовности для того, чтобы с полной осознанностью и ответственностью идти по жизни нравственно и духовно здоровым, будучи ведомым нравственным законом, полученным от Бога, а

не порочными страстями, взращиваемыми в нас эгоизмом, и приводящим нас в итоге к болезням и страданиям, как в этой жизни, так и жизни вечной.

Многие перед кончиною своею видели смерть. Если значительная часть предметов видимого мира нам неизвестна, тем более неизвестны предметы мира невидимого, неизвестны особливо тем, которые на изучение их не обратили всего своего внимания, а занимаются ими только поверхностно. Не все, что кажется странным для плотского ума человеческого, уже странно и само по себе. Мы не должны ограничивать всемогущества Божия своими предрассудками. Каждый человек, не стяжавший истинного духовного разума, преисполнен предрассудков, как бы он ни был образован скоро-гибнущей образованностью мира - этим буйством в отношении к Богу.

Святитель Игнатий Брянчанинов ("Слово о смерти")

СТАНОВЛЕНИЕ СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КУЗБАССЕ В 1930-е ГОДЫ

Е.А.Орлова

ГОУ СПО «Кемеровский областной медицинский колледж», Кемерово

В период реформирования системы среднего специального образования особое значение приобретает изучение прошлого опыта. Причём особый интерес вызывают вопросы, связанные со становлением среднего профессионального образования, так как именно на начальном этапе, как правило, возникали самые большие сложности. В частности, ярким примером преодоления многочисленных трудностей может служить история среднего медицинского образования в Кузбассе в 1930-е годы.

До середины 1930-х годов средний медперсонал в Кемерове был представлен в основном выпускниками Красноярского медицинского техникума. Иногда при больницах организовывались практические курсы для подготовки медицинских сестёр. Например, такие курсы действовали в 1927 году при окружной больнице. Преподавателями были врачи, работавшие в больнице – М.А. Подгорбунский, Б.С. Пойзнер и другие [1]. Ещё одним источником пополнения среднего медперсонала кузбасских лечебных учреждений были курсы РОКК, недостатком которых было то, что они не всегда могли дать обучающимся знания на должном уровне.

В 1932 году в Анжеро-Судженске (директор – врач В.Н. Губанов) и Прокопьевске открылись медицинские техникумы. Но для региона с быстрорастущим населением двух медтехникумов было явно недостаточно.

В 1934 году в Кемерове врачи М.А. Подгорбунский, О.И. Кобытева, М.А. Раппопорт организовали школу медицинских сестёр [2. с.95]. Первый курс окончили около двух десятков слушателей.

20 июля 1935 года вышел приказ Народного комиссариата здравоохранения (наркомздрава) № 42 об организации при Кемеровской городской больнице № 1 школы медицинских сестёр. Данный документ подтвердил факт создания в Кемерове первого учреждения среднего медицинского образования. В 1935 году на первый курс пришло 24 слушателя, а на втором их было 20 [3].

Приказом № по школе медсестёр от 19 октября 1935 года её директором был назначен главный врач Кемеровской горбольницы № 1 Сергей Владимирович Аникин. Но в связи с тем, что совмещать два руководящих поста было очень сложно, в том же 1935 году директором Кемеровской школы медицинских сестёр стал Евсей Куприянович Александров.

В 1936 году (по состоянию на 1 января) в Кемеровской школе медсестёр обучалось 37 человек [4]. Первый выпуск состоялся в июне 1937 года [5].

Следующим шагом на пути становления в Кемерово среднего медицинского образования было открытие в 1936 году школы ясельных сестёр, которую возглавила Мария Моисеевна Цирельсон.

На основании хранящихся в музее Кемеровского областного медицинского колледжа документов можно установить адреса, по которым располагались школы: медицинских сестёр – улица Н. Островского, 26 и ясельных сестёр – улица Коммунистическая, 42.

В школы принимались лица, окончившие 7 классов, в возрасте от 15 до 35 лет. Приёмные испытания в те годы были стандартными для средних медицинских учебных заведений различных типов – арифметика, русский язык и знание Конституции СССР. Кроме того, абитуриенты, окончившие школу на «хорошо» и «отлично», принимались, как правило, без экзаменов.

В школе ясельных сестёр преподавались не только специальные предметы – например, гигиена женщины, венерические болезни в раннем возрасте, охрана материнства и младенчества, глазные болезни у детей и т. д., но и общеобразовательные дисциплины. Выпускные экзамены учащиеся сдавали по анатомии, физиологии и гигиене ребёнка раннего возраста, естественному и искусственному вскармливанию и уходу за детьми раннего возраста, воспитательной работе с детьми раннего возраста и детскими болезнями. Кроме того, обязательными были экзамены по военно-санитарной подготовке.

Будущие медицинские сёстры изучали большее число различных дисциплин. Им преподавали, например, математику, которая отсутствовала в учебной программе ясельных сестёр. Подготовка медицинских сестёр включала также теоретические и практические занятия по акушерству и гинекологии, кожным и венерическим болезням, нервным и психическим болезням и т.д. Для получения свидетельства об окончании школы медицинских сестёр необходимо было сдать экзамены по таким предметам, как внутренние болезни (с клинической лабораторией, физиотерапией, диетикой и уходом за больными), инфекционные болезни с уходом за больными, хирургические болезни с уходом за больными и первой помощью, детские болезни с уходом за больными. Точно также как и ясельным, будущим медицинским сёстрам требовалось сдавать экзамен по военно-санитарной подготовке. Единственным общеобразовательным предметом в списке экзаменационных дисциплин была история СССР, по которой учащиеся школы ясельных сестёр сдавали зачёт.

Важно отметить, что работа кемеровских школ по подготовке среднего медицинского персонала проходила в тяжёлых материальных условиях – из-за нехватки помещений занятия приходилось проводить в три смены, недоставало канцелярских принадлежностей. Отсутствие учебников и наглядных пособий приводило к тому, что весь учебный

материал преподаватели должны были излагать во время лекций. Ситуация осложнялась также тем, что многие преподаватели были не штатными, а совместителями, поэтому требовалось подстраивать расписание занятий под их рабочий график.

Отличный труд преподавателей школы неоднократно отмечался в приказах. Почётные грамоты за подготовку среднего медицинского персонала получали О.И. Кобытева, Кондратьев, Л.И. Красавин, М.А. Подгорбунский и другие.

Таким образом, несмотря на многочисленные трудности, во многом благодаря усилиям педагогического коллектива Кемеровской школы медицинских сестёр к началу Великой Отечественной войны в регионе был превышен средний по РСФСР показатель количества медсестёр, фельдшеров и акушерок на 10 тысяч населения. На территории Кузнецкого бассейна он составлял 30,0 на 10 тысяч населения против 26,1 по РСФСР.

Литература

1. Кузбасс. – 1927. – 24 марта, 15 апреля.
2. Материалы 3-й городской научно-практической конференции врачей г. Кемерово. – Ч.1. – Кемерово. – 1970.
3. Приказ по школе № 8 от 21 июня 1937 года.
4. Справка ГАНО (Государственного архива Новосибирской области) № 66от 11 мая 1984 г.
5. Приказ по школе № 8 от 21 июня 1937 года.

ИЗ ОПЫТА ДОБРОВОЛЬНОГО МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА И ВОЛОНТЕРСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

А.Н. Кораблёва
Луч Надежды, Северск

*«Тот, кто ничего не делает для других,
ничего не делает для себя»*

Уход за больными, немощными еще у первых христиан был богоугодным делом, ему посвящали себя почти все члены общины. Но в основном это были женщины и диаконисы. Уже тогда отмечали, что у постели больного женщины чаще, чем мужчины, проявляют выдержанность и легче переносят беспокойные дни и ночи, полные тревог и забот о больном.

Христианская попечительность о больных со времен римского императора Константина Великого (IV век н.э.), поддерживавшего христианскую религию, принимает новый вид – учреждаются общественные больницы и госпитали для больных и бесприютных.

К XI веку относится создание во многих городах Западной Европы общин женщин и девиц для служения делу милосердия и ухода за больными. В летописях упоминается о многих женщинах, принадлежащих даже к княжескому роду, которые посвящали свою жизнь уходу за прокаженными в первых общественных больницах.

В XIII веке графиня Елизавета Тюрингенская, которая отличалась глубокой религиозностью и любовью к людям, всю свою жизнь посвятила служению делу милосердия. В возрасте 20-ти лет она на свои средства построила госпиталь, организовала приют для подкидышей и сирот, в которых сама много работала.

В 1617 году во Франции священник Викентий Поль организовал первую общину сестер милосердия. В одной из своих проповедей он обратил внимание прихожан на крайне тяжелое материальное положение одной бедной семьи, члены которой были больны. Пораженные красноречием проповедника прихожане – особенно женщины, стали помогать не только этой семье, но и всем больным прихода. Для правильного распределения помощи Викентий Поль решил организовать общество и принялся за составление устава. «Милосердие к ближнему, – говорится в этом уставе, – есть вернейший признак христианина, и одним из главных дел милосердия является посещение больных, бедных и всякого рода помощь им».

«Служительницы бедных» старались научить больных лучше жить и достойно умирать, поэтому они совмещали свои посещения с религиозными беседами, чтением и наставлениями.

В последующие годы подобные общества были созданы во многих

городах и странах, но история древности сохранила нам много имен великих женщин, которые прославились своим самоотверженным миссионерским служением ближнему, апостолам и Самому Христу. Это евангельские жены-мироносицы: Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, Сусанна, Мария Клеопова, Саломия, это Мария Магдалина, Марфа и Мария, Тавифа, которая заботилась о вдовах – шила им рубашки и платья.

В России до 1844 года основная помощь, оказываемая женщинами, сводилась к уходу за больными и духовному окормлению всех нуждающихся. С появлением гражданских больниц женский труд стал более востребован. Идея организации систематического ухода за больными специально обученными для этих целей обитательницами Вдовьего дома принадлежит императрице Марии Федоровне (1759–1828). С этой целью 1814 года были введены дежурства «сердобольных вдов» в Мариинской больнице для бедных в Санкт-Петербурге, а с 1818 года в Мариинской больнице в Москве. К этой деятельности допускались прошедшие испытания и принявшие присягу.

1844 год – начало сестрического движения в России. Основным учреждением стала община сестер милосердия, самобытная, отличная от западной формы сестринского движения. Первые общины создавались на основе частной благотворительности, многие были межконфессиональными: в них входили на равных правах православные, лютеранки и католички. Первой образцовой епархиальной общиной сестер милосердия была Псковская Иоанно-Ильинская, организованная игуменьей Серпуховского Владычного монастыря матерью Митрофаньей. Особое значение имела работа сестер по оказанию помощи раненым во время военных действий (Крымская война, русско-турецкая война). Без активного участия сестер милосердия невозможно было спасти многие жизни воинов. Общины сестер милосердия по укладу являлись полумонашескими учреждениями. Сестры не были связаны монашескими обетами. Но религиозной направленности в их воспитании придавалось первенствующее значение.

Виды помощи, оказываемые сестрами: уход за больными в больницах, госпиталях и на дому, помощь бедным, воспитание детей (при ряде общин имелись сиротские дома, ясли, школы), нравственное и религиозное влияние на всех, с кем они соприкасались. Деятельности общин сестер милосердия была свойственна социальная направленность. В сферу их деятельности включались дети-сироты, старики, неимущие, одинокие женщины, не имеющие кормильца, пострадавшие от войн, эпидемий и стихийных бедствий. Многим сестрам милосердия были свойственны строгая нравственность, христианская любовь и милосердие, трудолюбие и беспрекословное подчинение начальству.

Особо в общей системе сестричества в начале XX века стоит деятельность Марфо-Мариинской обители, созданной великой княгиней

Елизаветой Феодоровной. Она создала структуру, православно одухотворившую в себе опыт организации и систему милосердной помощи, используемую в западных благотворительных орденах. Уровень системы организации был достаточно высок, так как сестры воцерковлены и специализированы по послушаниям. Детально разработаны Уставы сестричества и Обители. Подвиг служения Елизаветы Феодоровны и сестер ее Обители стал примером для создания сестричества в наше время.

Но «советский» этап связан с тотальным гонением на православную церковь, разрушением монастырей, роспуском сестричеств, закрытием богаделен и запретом всех форм благотворительности. Система организации сестричеств милосердия претерпевает существенные изменения. Понятие «сестра милосердия» исчезает, возникает новое явление – медицинская сестра – лицо женского пола, работающее в системе государственного здравоохранения, освобожденное от каких-либо религиозных обязательств и церковных знаний. Многие из сестер настроены антирелигиозно, атеистически. Отсутствие духовного основания старались возместить выработкой этического кодекса медицинской сестры и преподаванием медицинской этики. Как результат: большинство сестер не воцерковлены, к православию агрессивны.

Особенно трудно было медицинским сестрам во время Великой Отечественной войны; они находились ближе к больным и раненым, так как именно они чаще находились на поле боя. Медицинские сестры великолепно помогали чисто профессионально, но, видя, как раненые страдают душевно, мучаются духовно, но они не могли им помочь, так как были воспитаны атеистами, для которых религия – опиум для народа. И призыв Иисуса Христа: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» был для них непонятен и неприемлем.

Сейчас наступил этап восстановления содержания и целей сестричества, альтернативных форм церковно-медицинской помощи под омофором Русской Православной Церкви. Современный этап начался с бурного возобновления организации братств, сестричеств. Но произошла смена поколений, смена идеологических взглядов, резко изменились жизненные приоритеты. Стоит задача привлечения молодежи в сестричества, братства и другие православные объединения, для которых главной целью

Остается добровольная, бескорыстная помощь нуждающимся. А их сейчас, после десятилетий безбожия, очень и очень много.

В 90-х годах теперь уже прошлого столетия я работала в школе учителем. Но получилось так, что я серьезно заболела и попала на инвалидность, группа инвалидности – нерабочая. В это время в городе Северске создается городская организация Всероссийского общества инвалидов. Вступив это общество, я увидела, как остро стоит проблема престарелых и инвалидов, их взаимоотношения с родственниками.

Посещая немощных, одиноких, обиженных стариков, инвалидов, помогая им, я постоянно думала, как им помочь.

В 1994 году я продумала и подготовила «Положение о Приюте временного пребывания для престарелых и инвалидов». В администрации города мою идею поддержали и выделили 3-х комнатную квартиру в жилом деревянном 2-х этажном доме. Нашлись единомышленники. Подключились работники городского радио и телевидения и мы организовали и провели радио и телемарафоны, с целью привлечения внимания к нашей проблеме и сбора средств на организацию Приюта. Помогали все. Из войсковой части привезли кровати, матрацы, подушки, одеяла. Детские учреждения подарили кастрюли, сковородки и другую кухонную утварь. Жители города принесли много посуды, так что я на момент открытия Приюта не купила ни одной тарелки, ни одной ложки, ни одного стакана. Всего было в избытке. Три комнаты: в одной пять мест мужских, в другой пять мест женских, а в третьей располагались я – директор Приюта, медицинская сестра, тут же хранились и мягкий инвентарь, и посуда, и продукты. И сейф стоял с документами.

Мы оказались настолько востребованы, что через год нам отдали соседнюю 2-х комнатную квартиру. В коридорной стене между квартирами мы буквально прорубили проход, чтобы носить пищу и ходить не через подъезд, а из квартиры в квартиру. Но и этого оказалось недостаточно, хотя иногда приходилось принимать до 19-ти человек. Некоторых пациентов забирали выгнанных из квартиры, спящих прямо на лестнице, голодных, грязных, страдающих.

В 1997 году нам отдали здание бывшего детского сада. Провели полную реконструкцию здания. Я просила проектировщиков учесть все мои пожелания: создание самых благоприятных условий для проживания подопечных. В 1998 году мы переехали в новое отремонтированное светлое здание, где уже было 30 койко-мест. Необходимо было благоустроить территорию. И снова удалось привлечь большую благотворительную помощь горожан, но главное – это помощь немощным, реабилитация после перенесенных физических и душевных травм. И вновь бескорыстная помощь людей. Всегда в тесном сотрудничестве буквально со всеми отделениями больниц и поликлиник города. Свозить на рентгенснимок – пожалуйста, привезти в приют стоматолога, хирурга, невропатолога, психиатра – без проблем. Положить в стационар – без промедления, так как знают, что мы всегда приедем проведать сменить белье, побеседовать.

В 2005 году перед нами встала еще одна проблема. Пациенты умирали, душа переходила в мир иной. Отпевали прямо на территории, так как проживающие всегда выходили проводить своих соседей-постояльцев. Решили строить часовню. За год и девять месяцев построили на территории нашего теперь уже дома-интерната «Луч надежды» часовню во

имя святителя Николая Чудотворца угодника Божия. 19 мая 2007 года архиепископ Томский и Асиновский Ростислав освятил часовню, отметив важность и необходимость еще одного святого места в Северске, где не только проживающие дома-интерната, а все желающие горожане смогут прийти сюда, чтобы еще и еще задуматься о смысле жизни, о том, как жить дальше, обратиться к Богу, Пресвятой Богородице, святителю Николаю и другим святым за помощью. И все же мы понимаем, как много сегодня нуждающихся в помощи. Все больше становится духовно и физически одиноких. И мы с настоятелем прихода Серафима Саровского священником о. Димитрием решили организовать православное сестричество во имя иконы Божией Матери «Умиление». С 2008 года на ниве милосердия активно трудятся 8–10 сестер. Цель сестричества: добровольно, бескорыстно помогать одиноким, престарелым, заболевшим прихожанам, находящимся дома, в больницах, в домах престарелых. Я избрана старшей сестрой Сестричества и с большой радостью отмечаю наши маленькие первые плоды. Нас всегда ждут практически во всех палатах всех отделений, просят записать на исповедь, причастие, просят рассказать о Священном Писании, о каком-либо святом, о православных праздниках. Часто приглашают к себе домой для духовных бесед, помощи по уходу. Сестры милосердия, конечно, часто посещают проживающих нашего дома-интерната, поздравляют с праздниками, уделяют много внимания катихизации и во время кормления лежачих пациентов, и во время прогулок, и во время посещения часовни.

В этом году мне удалось наладить сотрудничество с комитетом по работе с молодежью при городской администрации, а именно организовать волонтерское движение. Ребята отнеслись с полной ответственностью и, главное, с желанием. Уже провели у нас в доме-интернате презентацию фотовыставки «Северск – современный». Провели экскурсию в большой торговый центр, где наши бабушки оказались как в городе товаров, где все сверкает, всего много, так, что кружится голова. А потом их угощали вкусными блинами, чаем. Радости не было предела. Следующий этап – письма проживающим, одиноким, к которым никто не приходит, да тем, кто не одинок, но забыт родственниками.

Возрождая российские традиции жертвенного служения соотечественникам, заложенные в начале XX столетия святой преподобно мученицей великой княгиней Елизаветой Феодоровной мы стараемся использовать все возможности добровольного служения на ниве милосердия во славу Господа нашего Иисуса Христа.

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ ПЕРВЫХ ДИРЕКТОРОВ ТОМСКОЙ АКУШЕРСКО-ФЕЛЬДШЕРСКОЙ ШКОЛЫ

Л. Гуц, С.П. Старцева

ОГБОУ «Томский базовый медицинский колледж», Томск

Томский базовый медицинский колледж – старейшая медицинская школа Сибири, которая ведет историю своего существования со второй трети XIX века. За свою историю колледж много раз менял названия, перечень отделений и специальностей. Но два основных начала, заложенные еще в годы основания учебного заведения, всегда оставались неизменными: во-первых, высокое духовное и профессиональное качество подготовки специалистов, во-вторых, ориентация на решение социальных задач нашего края по удовлетворению потребности *народа* в обеспечении медицинской помощью. Истоки формирования подобной демократической позиции во многом являлись следствием принципиальной позиции основателей и первых руководителей школы, которые были настоящими подвижниками, преодолели многочисленные трудности, бюрократические препоны, для того, чтобы школа в Томске была открыта, твердо осознавая ее важность для помощи населению Томской губернии. Дело в том, что Томск на протяжении почти трех веков (17–19 вв) был городом с вымирающим населением. Причина этого в отсутствии канализации, водопровода, в ужасном санитарном состоянии Томска (в то время экономического и культурного центра Сибири!) и отсутствии надлежащей медицины. Ежегодно город и губернию охватывали эпидемии – чумы, холеры, брюшного тифа. На службе Врачебной управы губернии состояло всего 16 врачей, половина из которых находились в Томске. Деятельность окружных врачей, некоторые из которых обслуживали территории, равные по пространству центральным губерниям с численностью от 120 тысяч до 200 тысяч жителей, ограничивалась исполнением требований по судебным и медико-полицейским делам. Во время эпидемий помощь окружного врача была ничтожной вследствие того, что у него в распоряжении не было ни медикаментов, ни хорошо подготовленных фельдшеров, и несвоевременной в силу громадного пространства округов. Ехать работать в Сибирь медицинские специалисты из европейской части Российской империи боялись, свои кадры готовить было негде. Томские медицинские чиновники с горечью признавали в своих отчетах: «Относительно деятельности служивших в губернии медицинских чинов должно заметить, что все они усердно выполняли лежавшие на них обязанности, однако же, необходимо сознаться, что медицинская часть в Томской губернии находится в самом неудовлетворительном и жалком состоянии...».

В этих условиях нужно было обладать кипучей энергией, высокой

гражданственностью, острым чувством сострадания к бедствиям народа, чтобы с нуля заложить основы медицинского образования для решения потребностей края в обеспечении медицинскими кадрами. Среди имен первых руководителей нашей медицинской школы в первую очередь хотелось бы назвать Иосифа Густавовича Березницкого, акушера-гинеколога, выпускника Казанского университета. К сожалению, в архивах не сохранилось его фотографии, мы располагаем только послужным списком и немногочисленными упоминаниями о нем в распоряжениях губернской власти. После окончания университета некоторое время он служил помощником проректора кафедры гинекологии при Казанском университете. В 1879 году назначен директором только что открытой школы повивальных бабок в Тобольске. На тот момент это была единственная медицинская школа в Тобольской губернии, как, собственно, и в Томске – томская школа повивальных бабок, открытая годом раньше. В Томск Иосиф Густавович был переведен в 1882-м году на должность помощника Томского губернского врачебного инспектора с окладом в 1000 рублей, плюс 300 рублей за службу в Сибири. Одновременно он был назначен с окладом в 600 рублей директором местной школы повивальных бабок. Именно с этого времени началось становление учебного заведения как уважаемого и востребованного властью и обществом. К примеру, с 1882 года в школу стали принимать учениц на основе вступительных испытаний, для того, чтобы производить более тщательный отбор будущих медицинских специалистов. При школе был открыт родильный покой на две койки, который за год успевал принимать более 400 рожениц. Преподавательский состав тогда состоял из трех человек – преподавателя Закона Божьего, надзирательницы-акушерки и самого директора, ведущего занятия по акушерству и гинекологии. Тем не менее, школа прекрасно справлялась с поставленными задачами, выпуская ежегодно девушек с хорошими и отличными отметками и званием «Сельская повивальная бабка». Высокий уровень подготовки акушеров подтверждался преподавателями медицинского факультета императорского университета, с 1892 года экзаменовавших выпускниц школы на звание городской акушерки. Иосиф Густавович руководил школой до 1904 года, за этот период было выпущено 550 сельских повивальных бабок. Томская повивальная школа сыграла большую роль в деле улучшения медицинской помощи сельскому населению Томского края. Конечно, она не решала в полной мере проблемы обеспечения медицинскими кадрами, но с ее утверждением был взят курс на решение этой важнейшей социальной задачи.

За усердный труд директор Березницкий был неоднократно отмечен правительственными наградами: орденом св. Станислава 2 и 3-й степени (Низший по старшинству, из российских орденов, для награждения за государственную службу и общественно-полезную деятельность. Девиз-

«Награждая, поощряет». Награждённым орденом мог быть *«любой подданный Российской Империи и Царства Польского»* как за военные и гражданские отличия, так и за частные заслуги, например благотворительность). Во время эпидемии холеры в 1892 году Иосиф Густавович принял участие в борьбе с эпидемией на общественных началах, за что был удостоен ордена св. Анны 2 степени. (Статус ордена:

За государственную службу, общественно-полезную деятельность и воинские подвиги. Девиз «Любящим правду, благочестие и верность». Орден святой Анны установлен в награду подвигов, совершаемых на поприще государственной службы).

Позже к наградам прибавился орден св. Анны 3 степени за долгую безупречную службу (28 лет) на службе Томской врачебной управы. 17.08.1904 года Иосиф Густавович в возрасте 54 лет и в чине статского советника подал прошение об отставке в связи с расстройством здоровья, «неизлечимой болезнью, вызванной суровыми условиями Сибири». По ходатайству Врачебной управы ему была положена усиленная пенсия в размере 1500 рублей и сохранено право ношения мундира. После этого семья Березницких (у него было семь детей!) уехала в Киев, где он и скончался.

На посту директора ТПШ Березницкого заменил врач Томских заведений общественного призрения, до этого уже зарекомендовавший себя прекрасным организатором, энергичным врачом и состоявший в штате преподавателей повивальной школы по уходу за больными и оспопрививанию Александр Ефимович Закоурцев. Александр Ефимович также закончил медфак Казанского университета в 1893 г., службу в Томске начал в 1897-м, где и проработал до своей смерти в 1920 г. Первые годы Александр Ефимович проводит старшим врачом томской городской больницы общественного призрения. Несмотря на то, что эта больница служила тогда госпитальной клиникой университета, она представляла собою типичное для того времени так называемое «богоугодное заведение». Грязь, теснота, плохое питание... Усилиями Александра Ефимовича все было сделано для улучшения состояния медицинского учреждения, которое играло важнейшую роль для лечения беднейшего населения города и окрестностей.

Став директором ТПШ, Александр Ефимович предпринял энергичные действия для преобразования начальной медицинской школы в среднее учебное заведение по подготовке акушерок-фельдшерниц. Такое преобразование объяснялось необходимостью более обширной подготовки выпускниц школы, которые ехали работать в деревню и становились там единственными специалистами. Открытая в 1906 году, очень скоро стараниями директора акушерско-фельдшерская школа стала одной из лучших в Сибири, как по оборудованию, так и по качеству выпускаемых медицинских работников.

Год за годом открывались новые классы, школа обогащалась инвентарем. Был создан прекрасный анатомический музей, библиотека, основу которой заложил А.Е. Закоурцев, передав школе свои личные книги. С открытием новых классов рос педагогический состав, для преподавания были приглашены профессора и ассистенты медицинского факультета Томского университета, а впоследствии медицинского института: Иосифов Гордей Максимович, Тимашев Сергей Михайлович, Вершинин Николай Васильевич, и другие. В 1910 г. при школе был открыт свой родильный покой на 10 коек, здесь под наблюдением акушерок-надзирательниц ученицы 3 раза в неделю дежурили, вели рожениц, участвовали в гинекологических операциях; в год в родильном покое школы появлялось на свет порядка 700 младенцев. Практические фельдшерские навыки отрабатывались в больнице общественного призрения, в амбулаториях университетских клиник. Выпускниц нарасхват приглашали в лечебные учреждения Сибири. Можно смело утверждать, что такой результат полностью являлся заслугой директора.

Кроме прямых служебных обязанностей Александр Ефимович все время состоял бесплатным врачом детских приютов. Прекрасный практический врач, крайне отзывчивый человек, Александр Ефимович никогда не отказывал в помощи нуждающимся, всегда был бессребреником и умер бедняком, не оставив семье никакого имущества. Он скончался от крупозного воспаления легких в 1920 г.

В очень недобрые времена принял школу в 1921 г. Владимир Павлович Еланцев, выпускник томского университета 1904 г. Правда, к тому времени это был уже состоявшийся специалист, прекрасный организатор и администратор. Работу он также как и А.Е. Закоурцев, начинал в больнице общественного призрения. При Еланцеве была закончена реорганизация этой больницы, она стала в ряды лучших лечебных заведений города. Одновременно Владимир Павлович преподавал в акушерско-фельдшерской школе терапию. В 1920–1921 г. ему поручается еще заведывание подотделом Томского губ здрава, а в конце 1921 года назначается директором ТАФШ.

Период империалистической войны и гражданской войны с 1914 по 1920 годы тяжело отразился на школе. С началом военных действий многие преподаватели были мобилизованы на фронт. Особенно плачевным для школы оказался 1919 г. В декабре школа администрацией Колчака в разгар занятий буквально была выброшена из занимаемого помещения, т.к. здание понадобилось под госпиталь. По сведениям об убытках, причиненным Колчаком и гражданской войной, Томской акушерско-фельдшерской школой было утрачено научных пособий и книг на сумму 5600 рублей. Это больше, чем любой другой школой или ВУЗом за тот же период.

Обстоятельства вынудили закрыть родильный покой, а в его

помещениях, хоть и тесных, устроить классы и продолжить занятия. Только благодаря энергии драгоценное имущество школы было спасено. Новый директор для ведения занятий отдал свою собственную квартиру на Миллионной, 32. Во время кризиса с питанием он организовал столовую для учащихся, с трудом добывал топливо, чтобы обеспечить работу школы без перебоя. Как хороший врач-терапевт, он пользовался большой популярностью среди простого люда города.

В начале 22-го года в городе царили разруха и голод, к этим несчастьям добавилась эпидемия сыпного тифа. Истощенный невзгодами город напрягся из последних сил. В Томске была создана специальная комиссия для борьбы с эпидемией – ЧЕКАтиф. Из медиков формировались отряды, которые направлялись в очаги болезни. В местной газете то и дело печатались статьи о «жертвах долга» – так именовали погибших от тифа медицинских работников. Принимая в больнице больных, сыпным тифом заразился Владимир Павлович и скончался от него в апреле 1922 г. Так внезапно была прервана кипучая деятельность В.П. Еланцева.

Наши первые директора отдали свои лучшие годы и свою жизнь на служение обществу. В те времена медицинское сообщество в Сибири было небольшим, поэтому на долю каждого выпадало тяжелое бремя труда, которое приходилось нести при самых неблагоприятных условиях. При этом они не считали себя героями, а скромно и честно выполняли свой долг. Их пример заложил добрые традиции милосердия, бескорыстного служения для последующих поколений.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОСЛАВНЫЕ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	3
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА О СЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ НОВОГО ЗАВЕТА Игумен Силуан (Вьюров).....	3
О ДУХОВНОЙ ПРИРОДЕ СЛОВА И СВОЕОБРАЗИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ (СРЕДНЕВЕКОВОЙ) ЛИТЕРАТУРЫ О.Н. Бахтина	11
УЧИТЕЛЬСТВО КАК ТИП КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОПОВЕДЯХ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО И.Н. Гончаров	17
ЖИТИЯ ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВЫХ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ (ЖИТИЕ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО И ДОМНЫ ТОМСКОЙ) О. Зелень	21
РЕЦЕПЦИИ ЖИТИЯ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА М.Н. Климова	26
БИБЛЕЙСКАЯ ПАРАДИГМА В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВАДИМА АНДРЕЕВА О.А. Дашевская	32
ЦЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ПРОБЛЕМА ЖЕРТВЫ/ЖЕРТВЕННОСТИ В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» А.Н. Кошечко.....	39
ОПЫТ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	47
НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ СТАНДАРТА ШКОЛЬНОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РЕЛИГИИ Т.А. Костюкова.....	47
ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ НОВОГО ПРЕДМЕТА «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ» Т.Д. Шапошникова.....	54
ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕЗЕНТАЦИЙ НОВОГО УМК ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КУРСА «ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ» О.В. Воскресенский	60

НАСЛЕДИЕ ДУХОВНЫХ ПАСТЫРЕЙ РОССИИ КАК ПЕДАГОГОВ И ПСИХОЛОГОВ (СВЯТИТЕЛИ ТИХОН ЗАДОНСКИЙ И ФИЛАРЕТ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ)	
Л.С. Ярославцева	64
РОЛЬ СВЯТООТЕЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ СОВРЕМЕННОГО ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ	
Е.А. Кривоносова.....	70
ПРОГРАММА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ «ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЙ ЗАВЕТ. ПРИТЧИ ХРИСТОВЫ» (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С УЧАЩИМИСЯ 4-5 КЛАССОВ ВО ВНЕУРОЧНОЕ ВРЕМЯ)	
К.Ю. Петрова	75
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ. ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ	
Н.В. Кулешова.....	80
ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И БУДУЩЕЕ РОССИИ.....	82
ХРИСТИАНСТВО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ВЕРА КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	
Н.А. Кошелюк	82
«ТРОИЦА» АНДРЕЯ РУБЛЕВА: ИСТОРИЯ И СИМВОЛИКА ОБРАЗА	
Е.Г. Воробьёва	86
ЕВГЕНИЙ ТРУБЕЦКОЙ И МИХАИЛ БУЛГАКОВ. ОПРАВДАНИЕ КУЛЬТУРЫ	
Т.С. Фролова	89
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА ИВАНОВИЧА МАКУШИНА В ТОМСКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)	
М.А. Толкачева	97
ГОРОД И ГРАЖДАНИН В ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ.....	102
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТОМСКА В ЭПОХУ РЕПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ	
Н.Г. Щербина	102
О МЕСТАХ ПАМЯТИ И ГРАЖДАНСКОМ ДОЛГЕ	
А.И. Щербинин	106

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ГОРОДА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
А.Ю. Киндикова	109
ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	
В.Г. Скочилова	114
МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ДЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ДУХОВНО – НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ.....	118
РЕСУРСЫ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ПРОЦЕССЕ ДУХОВНО – НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ: СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ МУЗЕЙНЫХ ЗАНЯТИЙ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КАБИНЕТЕ ТДС	
Т.А. Тужикова.....	118
МАСТЕР – КЛАСС «ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ДУХОВНО – НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ».	
Е.В. Астраханцева	125
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ МУЗЕЙНЫХ ЗАНЯТИЙ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА ПО ДУХОВНО – НРАВСТВЕННОМУ ВОСПИТАНИЮ НА УРОКАХ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	
Т.А. Шарыпова.....	128
ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО – НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ	
Т.С. Брагина	131
ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ВВОДНО – ИНФОРМАЦИОННЫХ МУЗЕЙНЫХ ЗАНЯТИЙ СО ШКОЛЬНИКАМИ НА БАЗЕ ЦЕРКОВНО – АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КАБИНЕТА (МУЗЕЯ)	
С. Серегин	136
ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВНОГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА В МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОМ СЛУЖЕНИИ.....	140
ОБЩИНЫ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ	
Д.В. Власов.....	140
РОЛЬ МАТЕРИ В СЕМЬЕ	
Д.В. Власов.....	145
ТЕМА ДУХОВНОСТИ И ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
О.С. Глушко.....	148
СТАНОВЛЕНИЕ СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КУЗБАССЕ В 1930-е ГОДЫ	
Е.А. Орлова.....	155

ИЗ ОПЫТА ДОБРОВОЛЬНОГО МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА И ВОЛОНТЕРСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ А.Н. Кораблёва.....	158
ОБЩЕСТВЕННОЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ ПЕРВЫХ ДИРЕКТОРОВ ТОМСКОЙ АКУШЕРСКО-ФЕЛЬДШЕРСКОЙ ШКОЛЫ Л. Гуц, С.П. Старцева.....	163